

ISSN 2949-5490

**Альманах устойчивого
развития: методология,
теория, практика**

*Научный журнал
№ 56(61)*

Балашиха 2026

Главный редактор:

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ.

Члены редакционной коллегии:

Аксенова Елена Ивановна – доктор экономических наук, доктор медицинских наук, профессор, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы;

Алешкова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (г. Москва);

Амонова Дильбар Субхоновна – доктор экономических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет (г. Душанбе, респ. Таджикистан);

Ботнарюк Марина Владимировна – доктор экономических наук, доцент, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск);

Гац Ирэн Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Государственный университет просвещения (г. Москва);

Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правопедания, Институт ИНИОН РАН; профессор кафедры теории и права и государственно-правовых дисциплин, Московский юридический институт;

Гуськова Ирина Владимировна – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

Долинская Владимира Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина;

Жабский Валерий Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

Каримова Ирина Холовна – доктор педагогических наук, профессор, иностранный академик Российской академии образования, Академия образования Таджикистана (г. Душанбе, респ. Таджикистан);

Клейменов Иван Михайлович – доктор юридических наук, доцент, советник Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический факультет Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», (г. Санкт-Петербург);

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет;

Мисько Олег Николаевич – доктор экономических наук, доцент, Северо-Западный институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург);

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, "Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Рахманова Екатерина Николаевна – доктор юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Резникова Ольга Сергеевна – доктор экономических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, респ. Крым);

Савина Виктория Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва);

Сапогов Владимир Митрофанович – кандидат юридических наук, доцент, Псковский государственный университет;

Саякбаева Айганыш Апышевна – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Кыргызской Республики, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская респ.);

Сергеева Ольга Александровна – доктор педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский университет "МЭИ" (г. Москва);

Сморчкова Валентина Петровна – доктор педагогических наук, доцент, Государственный университет просвещения (г. Москва);

Цыганкова Инга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, Северо-Западный институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации" (г. Санкт-Петербург);

Чердаков Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, почётный работник сферы образования Российской Федерации, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва);

Шевченко Наталья Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

АНАНЧЕНКОВ Д.Т. КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ МИССИЙ В ЛАГЕРЯХ БЕЖЕНЦЕВ.....	4
ГОРКУНОВА О.С. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СИСТЕМЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ЖЕНЩИН-МОЛЯКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОХОДСТВА.....	11
КАЗАЧЕНКО М.Д. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	17
ЛУКМАНОВ А.А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ АВТОМАТИЗАЦИИ.....	22

ПЕДАГОГИКА

ВАСИЛЬЕВА Т.Ю., ИВАКИН М.В., ЮРКОВ И.А. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ МЕДИАКЛАССОВ.....	29
ВОРОПАЙ Е. В. ОТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....	36
ГЛОТОВ С. А., ГЛОТОВА Л. С. НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА.....	47
ДОВГЯЛЛО Я.П. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	60
ЯЦЕНКО М.А., АНАНЧЕНКОВА П.И. НЕПРЕРЫВНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП.....	67

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АЛЕШКОВА И.А. ЧЕЛОВЕК, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И БИОТЕХНОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	75
АМАНКАЕВА О.Х., МЕРКУЛОВА В.И. БИОТЕХНОЛОГИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.....	86
ЛУЖНЯК К.В., ТОЛПАРОВ Э.Б. СОВРЕМЕННЫЕ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ.....	97
РАХМАНОВА Е.Н. БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ.....	109

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 658.3

DOI 10.63926/A/26-1-4

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ МИССИЙ В ЛАГЕРЯХ БЕЖЕНЦЕВ

Ананченков Д.Т.

Российский государственный гуманитарный университет

125047, г.Москва, Миусская площадь, 6, стр. 6, Российская Федерация

E-mail: daniil.nvrsk@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-8273-7579

Аннотация

В статье рассматривается кадровый потенциал гуманитарных миссий в лагерях беженцев как совокупность профессиональных, организационных и межсекторальных ресурсов, обеспечивающих жизнедеятельность лагеря, защиту беженцев и качество гуманитарного реагирования. Показано, что кадровая структура лагерей беженцев носит междисциплинарный характер и включает специалистов по координации и управлению лагерем, защите, здравоохранению, водоснабжению и санитарии, продовольствию и питанию, образованию, психосоциальной поддержке, сбору и анализу данных, логистике и взаимодействию с сообществами. Обосновывается, что эффективность гуманитарной миссии зависит не только от наличия формально укомплектованного штата, но и от межсекторальной координации, культурной компетентности, участия местных и вынужденно перемещенных сообществ, а также от устойчивости кадровых решений в условиях высокой нагрузки и нестабильной среды. Делается вывод о том, что кадровый потенциал гуманитарных миссий в лагерях беженцев должен рассматриваться как стратегический фактор защиты, качества услуг и институциональной устойчивости гуманитарного реагирования.

Ключевые слова: лагеря беженцев, гуманитарные миссии, кадровый потенциал, защита беженцев, управление лагерем, гуманитарное реагирование, межсекторальная координация.

HUMAN RESOURCES OF HUMANITARIAN MISSIONS IN REFUGEE CAMPS

Ananchenkov D.T.

Russian State University for the Humanities

125047, Moscow, Miusskaya square, 6, building 6, Russian Federation

E-mail: daniil.nvrsk@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-8273-7579

Abstract

The article examines the human resources potential of humanitarian missions in refugee camps as a set of professional, organizational and intersectoral resources that ensure the life of the camp, refugee protection and the quality of humanitarian response. It is shown that the personnel structure of refugee camps is interdisciplinary and includes specialists in camp coordination and management, protection, healthcare, water supply and sanitation, food and nutrition, education, psychosocial support, data collection and analysis, logistics, and

community engagement. It is proved that the effectiveness of a humanitarian mission depends not only on the availability of a formally staffed staff, but also on intersectoral coordination, cultural competence, the participation of local and internally displaced communities, as well as on the sustainability of personnel decisions in conditions of high workload and unstable environment. It is concluded that the human resources of humanitarian missions in refugee camps should be considered as a strategic factor of protection, quality of services and institutional sustainability of humanitarian response.

Keywords: refugee camps, humanitarian missions, human resources, refugee protection, camp management, humanitarian response, intersectoral coordination

Введение

Масштабы вынужденного перемещения населения сохраняются на исторически высоком уровне, а лагеря беженцев и иные места компактного размещения продолжают оставаться важной формой гуманитарного реагирования в ситуациях массового исхода населения. В таких условиях качество помощи определяется не только объемом ресурсов, но и тем, насколько профессионально организован человеческий компонент миссии: кто именно работает в лагере, как распределены функции, насколько согласованы действия разных секторов и способен ли персонал обеспечивать одновременно защиту, базовые услуги и участие самих беженцев в управлении повседневной жизнью лагеря. Управление Верховного комиссара по делам беженцев Организации объединенных наций (УВКБ ООН) рассматривает координацию гуманитарного ответа как многоуровневую систему, а стандарты Sphere¹ и стандарты управления лагерями подчеркивают, что лагерное реагирование всегда носит межсекторальный характер [1].

В научном и прикладном плане это означает, что кадровое обеспечение гуманитарных миссий не может сводиться к набору отдельных вакансий. Речь идет о кадровом потенциале как о способности гуманитарной системы формировать, координировать и удерживать специалистов различных профилей, необходимых для функционирования лагеря беженцев как сложной социальной, управленческой и защитной среды. Международная организация по миграции в материалах по Camp Coordination and Camp Management подчеркивает значение координации услуг, информационного управления, взаимодействия с сообществами и работы с местными и национальными акторами, а стандарты Sphere связывают качество гуманитарного реагирования с наличием компетентных кадров во всех ключевых секторах [2].

Актуальность темы усиливается тем, что лагеря беженцев выступают не только пространством предоставления материальной помощи, но и средой, где одновременно решаются задачи защиты детей, профилактики гендерно обусловленного насилия, оказания медицинской помощи, психосоциальной поддержки, образования, управления данными и планирования долгосрочных решений. Соответственно, вопрос о том, какие именно специалисты необходимы в лагерях беженцев, становится ключевым для оценки готовности гуманитарных миссий к эффективной работе. Цель статьи состоит в характеристике кадрового потенциала гуманитарных миссий в лагерях беженцев через анализ основных профессиональных групп и условий их результативной деятельности.

¹ Проект «Сфера» - Sphere - был создан в 1997 году группой гуманитарных неправительственных организаций, в том числе, организацией Красного Креста и Красного полумесяца. Его цель состояла в том, чтобы повысить качество гуманитарной помощи и привлечь эти организации к ответственности за свои действия.

Основная часть

Кадровый потенциал гуманитарной миссии в лагере беженцев целесообразно понимать как совокупность специалистов, компетенций и организационных механизмов, обеспечивающих защиту населения, предоставление базовых услуг и координацию всего лагерного ответа. Минимальные стандарты управления лагерями прямо указывают, что управление лагерем не ограничивается административным надзором, а связано с координацией услуг, участием сообщества, подотчетностью и созданием безопасной среды для вынужденно перемещенных людей. Это означает, что кадровая структура лагеря по определению носит межсекторальный характер.

На институциональном уровне в беженских кризисах ведущую координирующую роль играет УВКБ ООН, а международная архитектура ответа строится через секторальную и межагентскую координацию [3]. Следовательно, кадровый потенциал лагеря должен оцениваться не только внутри одной организации, но и как способность разных акторов — международных агентств, национальных органов, неправительственных организаций и местных структур — работать в единой системе ролей и мандатов.

Ключевые профессиональные группы в лагерях беженцев представлены на рисунке.

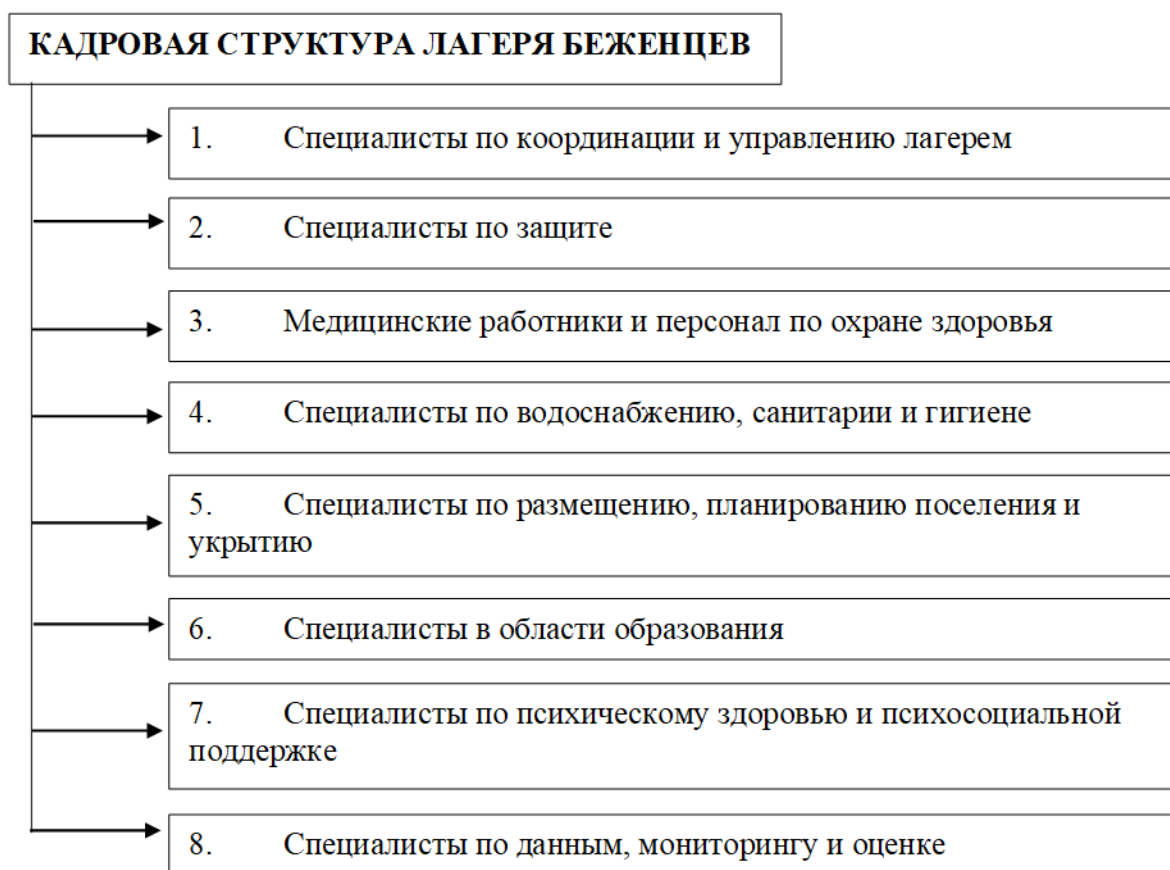

Рис. Кадровая структура лагеря беженцев.

Источник: составлено автором.

Первая и базовая группа — это специалисты по координации и управлению лагерем. К их функциям относятся координация услуг на уровне лагеря или площадки, организация систем обратной связи и жалоб, поддержка участия женщин, молодежи и маргинализированных групп, работа с партнерами, мониторинг пробелов в услугах,

информационное сопровождение и регулярное взаимодействие с властями и секторами. Из этого следует, что в кадровом ядре лагеря необходимы менеджеры лагеря, координаторы, специалисты по участию сообществ и по информационному управлению.

Вторая группа — это специалисты по защите. УВКБ ООН рассматривает защиту как центральную функцию гуманитарного ответа в беженских ситуациях, а это включает правовую помощь, регистрацию и документирование, защиту детей, профилактику и реагирование на гендерно обусловленное насилие, работу с лицами с особыми потребностями и организацию безопасной среды. На практике это означает необходимость в лагерях беженцев иметь не только общих protection officers, но и детских специалистов, GBV-специалистов, кейс-менеджеров, социальных работников и работников по взаимодействию с уязвимыми группами.

Третья ключевая группа — медицинский и общественно-здравоохранительный персонал. УВКБ ООН подчеркивает, что в лагерях и иных местах размещения необходимо обеспечивать базовые и экстренные медицинские услуги, а Всемирная организация здравоохранения отмечает, что в гуманитарных условиях перемещенные люди сталкиваются с дополнительными барьерами доступа к помощи из-за разрушенной инфраструктуры и сбоев в поставках [4]. Поэтому кадровый потенциал лагеря должен включать врачей, медицинских сестер, специалистов по общественному здоровью, акушеров, работников по репродуктивному здоровью и по эпидемиологическому наблюдению.

Отдельное значение имеет общинный уровень здравоохранения. Систематический обзор по деятельности работников общественного здравоохранения в гуманитарных условиях показывает, что общинные работники способны поддерживать непрерывность услуг в условиях острого и затяжного кризиса, а отсутствие местного общинного работника снижает доступ к сервисам, когда перемещение ограничено [5]. Для лагерей беженцев это означает практическую необходимость включения в кадровую структуру не только профессионального медперсонала, но и подготовленных общинных работников из числа местного населения или самих беженцев.

Четвертая важная группа — специалисты по водоснабжению, санитарии и гигиене (WASH). Стандарты Sphere и руководство УВКБ ООН по WASH рассматривают воду, санитарные условия и гигиену как базовые элементы безопасной среды в местах вынужденного размещения. Это означает потребность в инженерах, технических специалистах по водоснабжению, санитарных инспекторах, гигиенистах, специалистах по эксплуатации инфраструктуры и мобилизаторах по гигиене. Без этой группы невозможно поддерживать ни здоровье, ни эпидемиологическую безопасность, ни минимальные стандарты достоинства в лагере.

Пятая группа — специалисты по размещению, планированию поселения и укрытию. УВКБ ООН подчеркивает, что безопасные поселения должны соответствовать минимальным стандартам в сфере укрытия, WASH, защиты и доступа к услугам. Следовательно, лагерям беженцев необходимы инженеры, специалисты по планированию территории, логисты, которые обеспечивают пространственную организацию лагеря, размещение семей, планирование расширения и снижение рисков.

Шестая группа — специалисты в области образования. УВКБ ООН рассматривает образование в чрезвычайных ситуациях как одну из ключевых услуг, которую сами беженцы часто называют приоритетной, поскольку она дает детям и подросткам защиту, стабильность и чувство нормальности. Поэтому в кадровую структуру лагеря должны входить учителя, координаторы образования, специалисты по неформальному обучению, работники по вовлечению молодежи и по защите образовательной среды.

Седьмая группа — специалисты по психическому здоровью и психосоциальной поддержке. Руководство IASC по МНПСС рекомендует выстраивать межсекторальные системы психосоциальной поддержки в чрезвычайных ситуациях, а специальные материалы для координаторов лагерей подчеркивают необходимость интеграции МНПСС в лагерное управление [6]. Это означает потребность в психологах, психосоциальных работниках, консультантах, социальных работниках и координаторах межсекторального сопровождения.

Восьмая группа — специалисты по данным, мониторингу и оценке. Вакансии и руководства по организации лагерей беженцев прямо выделяют функции сбора, анализа и распространения точных и своевременных данных о лагерях, потребностях и услугах. В условиях лагеря беженцев это делает критически важными работников по информационному менеджменту, мониторингу и аналитике, поскольку без качественных данных невозможны ни планирование, ни адресное распределение помощи, ни подотчетность.

Хотя кадровый состав лагеря формируется по секторам, эффективная работа зависит и от набора общих компетенций. К ним относятся знание гуманитарных принципов, способность к межсекторальной координации, работа с жалобами и обратной связью, культурная компетентность, гендерная чувствительность, навыки коммуникации с сообществами и умение действовать в условиях нестабильности и ограниченных ресурсов. УВКБ ООН выделяет гуманитарные принципы как основу доступа и работы с затронутыми сообществами, а в требованиях к персоналу подчеркивает участие женщин, молодежи и маргинализированных групп, коммуникацию со стейкхолдерами и осведомленность о технологических решениях.

Особое значение имеет культурная компетентность. Скопинг-обзор по условиям предоставления услуг беженцам показывает, что культурная компетентность признана критически важной для эффективного и справедливого оказания услуг беженцам, однако требует большей концептуальной ясности и большего участия самих беженцев в проектировании сервисов [7]. Для гуманитарных миссий в лагерях это означает, что даже высокопрофессиональный секторный специалист без культурной и контекстной чувствительности не обеспечивает полноценного качества помощи.

Современное понимание кадрового потенциала гуманитарной миссии включает не только международный и национальный персонал, но и участие местных кадров и самих беженцев в предоставлении услуг. Современные исследования подчеркивают значимость участия сообщества и представительства сообщества, а обзор по общинным работникам показывает, что локально проживающие работники и местные лидеры критически важны для доверия, доступности услуг и устойчивости программ. Это позволяет рассматривать беженцев не только как получателей помощи, но и как потенциальных общинных работников, посредников, провайдеров знаний и участников систем обратной связи.

Такой подход особенно важен в секторах здравоохранения, психосоциальной поддержки, образования и работа с населением, где постоянный контакт с населением лагеря определяет качество результата. В то же время включение беженцев в кадровые процессы требует четких правил, подготовки, сопровождения и учета правовых ограничений страны пребывания. Это скорее вывод из сопоставления источников, чем прямо сформулированная норма в одном документе.

Даже при наличии необходимых профессиональных профилей гуманитарные миссии сталкиваются с кадровыми ограничениями. Обзор по работе в гуманитарных миссиях указывает на угрозы безопасности, психологическую травматизацию, ограничения мобильности, проблемы снабжения и супервизии [5]. Исследование по гуманитарной

рабочей силе в сфере мигрантского здоровья показывает, что работа в таких контекстах связана с высокими барьерами и требует специальных подходов к обучению и поддержке персонала. Это означает, что кадровый потенциал лагеря определяется не только набором должностей, но и способностью организации удерживать, поддерживать и постоянно обучать сотрудников.

Дополнительным ограничением выступает распределение функций между множеством организаций. Международная архитектура ответа предполагает координацию, но на практике межагентские границы, разная ресурсная обеспеченность и кадровая текучесть могут снижать целостность ответа. Поэтому одним из главных ресурсов лагеря является не только наличие специалистов, но и их включенность в общую координационную и информационную систему.

Заключение

Кадровый потенциал гуманитарных миссий в лагерях беженцев представляет собой междисциплинарную систему, в которой соединяются координационные, защитные, медицинские, санитарно-технические, образовательные, психосоциальные, аналитические и логистические функции. Анализ международных стандартов и руководств показывает, что эффективный лагерь беженцев не может обслуживаться одной профессиональной группой: его устойчивость зависит от слаженной работы менеджеров лагеря, специалистов по защите, медиков, WASH-персонала, планировщиков поселения, учителей, специалистов МНПСС, работников по данным и по взаимодействию с сообществами.

Проведенный анализ также позволяет сделать вывод, что ключевым качеством кадрового потенциала гуманитарной миссии является не только профессиональная специализация, но и способность к межсекторальной координации, культурной компетентности, работе с уязвимостью и подотчетности перед населением лагеря. В этом смысле кадровый потенциал следует рассматривать как стратегический ресурс гуманитарного ответа, от которого напрямую зависят защита беженцев, доступ к базовым услугам и институциональная устойчивость всей миссии.

Наконец, перспективным направлением развития кадрового обеспечения лагерей беженцев является сочетание международной экспертизы с локализацией и подготовкой местных и общинных кадров, включая участие самих беженцев в предоставлении отдельных услуг. Именно такая модель в наибольшей степени соответствует современным стандартам подотчетности, доступности и устойчивости гуманитарной помощи. Этот вывод основан на совокупности международных руководств по координации, участию сообществ и общинному здравоохранению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sphere Association. The Sphere Handbook: Humanitarian Charter and Minimum Standards in Humanitarian Response, fourth edition, Geneva, Switzerland, 2018.
2. Camp Coordination and Camp Management (CCCM). URL:<https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd12616/files/documents/CampCoordinationandCampManagement%20Manual.pdf> (дата обращения: 10.01.2026 г.)
3. International Coordination Architecture. URL:<https://emergency.unhcr.org/coordination-and-communication/interagency/international-coordination-architecture> (дата обращения: 10.01.2026 г.)
4. Refugee and migrant health. URL:<https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/refugee-and-migrant-health> (дата обращения: 10.01.2026 г.)

5. Miller N.P., Ardestani F.B., Dini H.S., Shafique F., Zunong N. Community health workers in humanitarian settings: Scoping review. *Journal of Global Health*. 2020;10(2):020602.

6. Iasc Guidelines on Mental Health and Psychosocial Support in Emergency Settings. IASC, 2007.

7. Lau L.S., Rodgers G. Cultural Competence in Refugee Service Settings: A Scoping Review. *Health Equity*. 2021;16;5(1):124-134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил Тарасович Ананченков, студент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil Tarasovich Ananchenkov, student of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Научная статья

УДК 658.3

DOI 10.63926/A/26-1-11

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СИСТЕМЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ЖЕНЩИН-МОРЯКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОХОДСТВА

Горкунова О.С.

*Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени
Н.А. Семашко*

105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, Российская Федерация

E-mail: olyafrommaykop@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-0914

Аннотация

В статье рассматриваются профессиональные риски, возникающие в системе здоровьесбережения женщин-моряков гражданского судоходства. Показано, что здоровье женщин-моряков формируется под влиянием не только общих для морского труда факторов — изоляции, сменного режима, усталости, шума, вибрации, химических и климатических воздействий, — но и гендерно-специфических рисков, связанных с ограниченной адаптацией судовой среды к физиологическим и гигиеническим потребностям женщин, трудностями доступа к медицинской помощи, гендерной дискриминацией и насилием на борту. Обосновывается, что система здоровьесбережения в гражданском судоходстве должна включать не только требования охраны труда и медицинского обеспечения, закрепленные в международных морских конвенциях, но и специальные организационные меры, учитывающие особенности женского труда на судах. Делается вывод о необходимости гендерно-чувствительной модернизации судовой среды, медицинского сопровождения, профилактики психосоциальных рисков и совершенствования международных и корпоративных стандартов охраны здоровья женщин-моряков.

Ключевые слова: женщины-моряки, гражданское судоходство, профессиональные риски, здоровьесбережение, морская медицина, психосоциальные риски, охрана труда, гендерные аспекты труда

OCCUPATIONAL RISKS ARISING IN THE HEALTH-SAVING SYSTEM OF WOMEN SEAMEN IN CIVIL SHIPPING

Gorkunova O.S.

National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

12 Vorontsovo Pole str., Moscow, 105064, Russian Federation

E-mail: olyafrommaykop@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-0914

Abstract

The article examines the occupational risks that arise in the health-saving system of women seamen in civil shipping. It is shown that the health of female seafarers is shaped not only by factors common to marine work - isolation, shift work, fatigue, noise, vibration, chemical and climatic influences, but also by gender—specific risks associated with limited adaptation of the ship's environment to the physiological and hygienic needs of women, difficulties in accessing medical care., gender discrimination and violence on board. It is proved that the health-saving

system in civil navigation should include not only the requirements of occupational safety and medical care, enshrined in international maritime conventions, but also special organizational measures that take into account the peculiarities of women's work on ships. It is concluded that there is a need for gender-sensitive modernization of the ship's environment, medical support, prevention of psychosocial risks, and improvement of international and corporate standards for the health of female seafarers.

Keywords: women seamen, civil shipping, occupational risks, health care, marine medicine, psychosocial risks, occupational safety, gender aspects of work

Введение

Современное гражданское судоходство остается одной из наиболее сложных профессиональных сфер с точки зрения сочетания производственных, средовых и психосоциальных нагрузок. Обзоры по морской медицине показывают, что моряки подвергаются широкому спектру опасностей, включая воздействие шума и вибрации, неблагоприятного микроклимата, химических веществ, инфекционных факторов, эргономических перегрузок, хронической усталости и психологического стресса. При этом специфика труда на судне связана с замкнутым пространством, длительной изоляцией, нерегулярным режимом труда и отдыха и ограниченным доступом к очной медицинской помощи [1].

В отношении женщин-моряков проблема приобретает дополнительную сложность. По данным обследований ИМО и WISTA, доля женщин среди плавсостава остается очень низкой; в базовом исследовании 2021 года женщины составляли около 2% моряков по данным респондентов, а в отраслевых оценках фигурируют величины порядка 1–2% [2]. Это означает, что судовая организация труда и система охраны здоровья исторически формировались применительно к мужскому большинству, а женские физиологические, гигиенические и социально-психологические потребности долгое время оказывались на периферии институционального внимания.

Актуальность темы определяется тем, что в научной и прикладной литературе сравнительно хорошо описаны общие риски морского труда, но значительно меньше разработаны вопросы гендерной адаптации системы здоровьесбережения на судах гражданского флота. Между тем имеющиеся исследования показывают, что женщины-моряки сталкиваются с сочетанием общепрофессиональных и специфических рисков: от боли в спине, головной боли, стресса и проблем с получением медицинской помощи до санитарно-гигиенических трудностей, дискриминации, домогательств и небезопасной судовой среды.

Цель статьи состоит в характеристике профессиональных рисков, возникающих в системе здоровьесбережения женщин-моряков гражданского судоходства, а также в выявлении направлений ее совершенствования на основе международных норм и реальных эмпирических данных.

Основная часть

Международно-правовой фундамент охраны здоровья моряков закреплён, прежде всего, в Конвенции о труде в морском судоходстве 2006 года. Она охватывает условия труда и отдыха, медицинскую помощь на борту и на берегу, охрану здоровья, безопасность, питание, жилье и социальную защиту. Для целей настоящего исследования особенно важно, что Конвенция прямо включает охрану здоровья, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и защиту по линии социального обеспечения в число базовых элементов достойного труда моряков [3].

С гендерной точки зрения принципиально значимо и то, что нормы МЛС предусматривают отдельные санитарные помещения для мужчин и женщин, а редакции Конвенции с поправками 2022 года усиливают требования к условиям жизни и труда на судах. В официальных разъяснениях ИЛО к МЛС отдельно зафиксировано требование о отдельных душевых для мужчин и женщин, а последующие поправки усилили внимание к фактическим условиям на борту и благополучию моряков [4].

Однако наличие международной нормы само по себе не означает полноты системы здоровьесбережения женщин-моряков. Исследования влияния МЛС на условия труда моряков показывают, что реальные проблемы, связанные с размещением, медицинским обслуживанием, охраной здоровья и безопасностью продолжают выявляться при инспекциях. Это позволяет говорить о разрыве между нормативной моделью и фактической практикой.

Рассмотрим общепрофессиональные риски морского труда как основу уязвимости женщин-моряков.

Первую группу рисков составляют общие профессиональные угрозы, характерные для морской службы независимо от пола. В классическом обзоре М. Oldenburg и соавторов подчеркивается, что моряки подвержены множеству рисков для здоровья на производстве: инфекционным болезням, воздействию опасных веществ, ультрафиолетового излучения, тяжелым климатическим условиям, хронической усталости и стрессу [1]. Позднейший систематический обзор по здоровью моряков подтверждает, что наиболее часто исследуемыми проблемами являются сердечно-сосудистые заболевания, передаваемые болезни, усталость и стресс.

Для женщин-моряков эти общие риски не исчезают, а напротив, могут усиливаться вследствие меньшей приспособленности части судовой инфраструктуры и организационных процедур к женскому телесному и социальному опыту. В исследованиях женщин-моряков наиболее часто упоминаются боли в суставах/спине, стресс/депрессия/беспокойство, головная боль; 55% респонденток в одном из наиболее цитируемых опросов указали, что связывают эти симптомы со своей работой. Почти половина участниц того же исследования сообщила о проблемах с получением медицинской помощи [5].

Следовательно, система здоровьесбережения женщин-моряков не может ограничиваться универсальными мерами охраны труда, ориентированными на «среднего» моряка. Уже на уровне базовой морской медицины требуется признание того, что одинаковые условия на борту могут порождать неодинаковые последствия для разных профессиональных и гендерных групп.

Важной составляющей профессиональных рисков являются эргономические перегрузки. Работа на судне связана с физическим трудом, неудобными позами, перемещением в условиях качки, использованием оборудования, средств индивидуальной защиты и рабочих пространств, которые нередко проектировались без учета антропометрических различий. Поправки 2022 года к МЛС и связанные с ними разъяснения подчеркивают важность наличия средства индивидуальной защиты подходящего размера; в отраслевых комментариях прямо отмечается, что это требование особенно значимо в связи с ростом числа женщин-моряков.

Качественные исследования по участию женщин в морской профессии показывают, что проблемы судовой среды касаются не только формальных норм, но и повседневной обжитости пространства: доступа к медикаментам, средствам гигиены, адекватному размещению и ощущению безопасности в каютах и общих помещениях. В исследовании S.C. Narayanan и соавторов респондентки указывали на отсутствие нужных лекарств для женщин, включая обезболивающие при менструальных болях, и на

необходимость включения женских гигиенических средств в стандартные судовые запасы [6].

Таким образом, эргономический риск в системе здоровьесбережения женщин-моряков следует понимать расширительно: как сочетание физических нагрузок, недостаточной антропометрической адаптации оборудования и неучета гендерно-специфических потребностей в медицинском и санитарном обеспечении.

Одним из наиболее серьезных блоков профессиональных рисков являются психосоциальные нагрузки. Для моряков в целом доказана высокая распространенность психологического неблагополучия. *Seafarer Mental Health Study* зафиксировало повышенные показатели депрессии, тревоги и суицидальных мыслей у моряков по сравнению с рядом наземных популяций [7]. Обзор по психическому здоровью моряков также связывает ухудшение ментального здоровья с длительной изоляцией, контрактами, усталостью, криминализацией, буллингом и иными стрессорами морской службы.

Для женщин-моряков психосоциальные риски дополняются гендерно маркированными факторами. Исследования и отраслевые опросы последовательно указывают на распространенность дискриминации, буллинга, запугиваний и травли. В отчете *IMO–WISTA 2024* подчеркивается, что женщины по-прежнему считают гендерную дискриминацию значимым барьером карьерного продвижения, а качественные и обзорные исследования описывают харрасмент как устойчивый риск профессионального участия женщин в море.

С точки зрения системы здоровьесбережения это принципиально важно, поскольку психическое здоровье женщины-моряка определяется не только рабочей нагрузкой и изоляцией, но и безопасностью социальной среды на борту. Если женщина вынуждена постоянно учитывать риск унижения, вторжения в личное пространство или сексуализированного давления, то даже формально соблюденные стандарты режима труда и отдыха не гарантируют сохранения здоровья.

Наиболее отчетливо гендерная специфика проявляется в сфере санитарно-гигиенического и гинекологического благополучия. Исследование портовых потребностей женщин-моряков отмечает, что отсутствие условий для доступа к санитарным средствам и их утилизации становится источником дополнительного стресса, тревоги и чувства уязвимости. Многие женщины стремятся сохранять приватность физиологических особенностей, а табуированность темы на борту усиливает социальную изоляцию и затрудняет обращение за поддержкой.

Эти данные позволяют утверждать, что в системе здоровьесбережения женщин-моряков существует особая зона риска, связанная не с «редкими частными трудностями», а с системной недоадаптированностью судового быта и медицинского снабжения к базовым женским физиологическим потребностям. Для гражданского судоходства, где продолжительность рейсов может быть значительной, а доступ к береговой помощи ограничен, данная проблема имеет не только бытовое, но и медицинское значение.

Еще один существенный риск связан с ограниченной доступностью медицинской помощи на море. Сам по себе морской труд предполагает отложенный доступ к врачебной помощи и зависимость от системы медицинской помощи на борту, телемедицинской поддержки и качества судовой аптечки. В отношении женщин-моряков это ограничение усугубляется тем, что стандартные медицинские алгоритмы и судовые аптечки не всегда включают средства и рекомендации, реально отвечающие на женские потребности.

В опросе женщин-моряков 48% участниц сообщили о проблемах при обращении за медицинской помощью [8]. Помимо общих трудностей удаленного доступа к помощи, в качественных исследованиях описываются барьеры конфиденциальности, нехватка гендерно-релевантной информации и отсутствие уверенности, что запросы, связанные с женским здоровьем, будут восприняты всерьез.

Следовательно, риск в системе здоровьесбережения возникает не только в момент заболевания, но и на уровне институциональной готовности медицинского обеспечения к оказанию своевременной, конфиденциальной и гендерно-чувствительной помощи.

Для женщин-моряков гражданского судоходства дискриминация и насилие следует рассматривать не только как социально-этическую проблему, но и как самостоятельный профессиональный риск для здоровья. Материалы постоянно документируют случаи дискриминации по признаку пола, травли и домогательств на борту; в ряде обзоров и правовых анализов подчеркивается, что существующие международные механизмы защиты на море долгое время слабо учитывали гендерно обусловленное насилие как специфическую форму трудового риска.

С медицинской точки зрения последствия таких практик включают тревогу, депрессивные реакции, хронический стресс, избегающее поведение, ухудшение сна и профессионального самочувствия. Кроме того, атмосфера дискриминации может снижать вероятность обращения за помощью и усиливать уход женщин из профессии, что превращает риск здоровьесбережения в риск профессионального удержания и кадровой устойчивости сектора.

Проведенный анализ показывает, что профессиональные риски женщин-моряков возникают не только из объективно тяжелых условий морского труда, но и из институциональной неполноты системы здоровьесбережения. Во-первых, международные стандарты создают общий каркас защиты, однако их практическая реализация на судах остается неравномерной. Во-вторых, значительная часть судовой среды, медицинского снабжения и организационных процедур исторически ориентировалась на мужское большинство. В-третьих, данные о здоровье женщин-моряков по-прежнему ограничены, а это затрудняет политике, основанной на фактических данных? для гражданского судоходства. Такой вывод следует из сопоставления MLC, инспекционных исследований и специализированных работ по здоровьесбережению женщин-моряков.

Особенно важно учитывать, что численная малочисленность женщин в отрасли сама по себе становится фактором риска: «универсальные» решения принимаются без поправки на их повседневный опыт, а проблемы здоровья и безопасности могут восприниматься как исключение, а не как нормативно значимая часть судовой политики. Это видно как из международных опросов IMO/WISTA, так и из качественных исследований участия женщин в морской профессии.

Заключение

Профессиональные риски, возникающие в системе здоровьесбережения женщин-моряков гражданского судоходства, носят комплексный характер. Они формируются на пересечении общих рисков морского труда — усталости, стресса, физических перегрузок, воздействия неблагоприятной среды и ограниченного доступа к медицинской помощи — и специфических гендерных рисков, связанных с санитарно-гигиеническими потребностями, репродуктивным и гинекологическим благополучием, дискриминацией, насилием и неполной адаптацией судовой среды к женскому присутствию.

Проведенный анализ также показывает, что действующая международная нормативная база создает важный, но недостаточный фундамент для защиты здоровья женщин-моряков. Конвенция МЛС закрепляет требования к медицинской помощи, санитарным условиям и охране здоровья, однако эмпирические данные свидетельствуют о сохраняющемся разрыве между формальными стандартами и реальными практиками на судах. В этой связи система здоровьесбережения в гражданском судоходстве должна развиваться в сторону более выраженной гендерной чувствительности.

Следовательно, сохранение здоровья женщин-моряков требует не только общего соблюдения норм охраны труда, но и институциональных изменений: адаптации судовой инфраструктуры, совершенствования судового медицинского обеспечения, профилактики психосоциальных рисков и насилия, а также более систематического учета женского опыта в морской медицине и судоходной политике. Только при таком подходе возможно перейти от формально универсальной модели охраны здоровья к действительно эффективной системе здоровьесбережения женщин в гражданском флоте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oldenburg M., Baur X., Schlaich C. Occupational risks and challenges of seafaring. *Journal of Occupation Health*. 2010;52(5):249-56.
2. Women in Maritime. Survey 2021. URL:https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/OurWork/TechnicalCooperation/Documents/women%20in%20maritime/Women%20in%20maritime_survey%20report_high%20res.pdf (дата обращения: 10.03.2026 г.)
3. Maritime Labour Convention, 2006. URL:<https://www.ilo.org/international-labour-standards/maritime-labour-convention-2006> (дата обращения: 10.03.2026 г.)
4. New important set of amendments to the MLC, 2006 will enter into force on 23 December 2024. URL:<https://www.ilo.org/resource/news/new-important-set-amendments-mlc-2006-will-enter-force-23-december-2024> (дата обращения: 10.03.2026 г.)
5. Stannard S., Vaughan C., Swift O., Robinson G., Altaf S.A., McGarry A. Women seafarers' health and welfare survey. *International Maritime Health*. 2015;66(3):123–38.
6. Narayanan S.C., Emad G.R., Fei J. Key factors impacting women seafarers' participation in the evolving workplace: A qualitative exploration. *Marine Policy*. 2023;148:105407.
7. Lefkowitz R.Y. Slade M.D. Seafarer Mental Health Study. Final Report. ITF Seafarers' Trust, 2019.
8. Stannard S., Vaughan C., Swift O., Robinson G., Altaf S.A., McGarry A. Women seafarers' health and welfare survey. *International Maritime Health*. 2015;66(3):123–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горкунова Ольга Сергеевна – аспирант Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorkunova Olga Sergeevna – PhD student at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation.

Научная статья

УДК 658.3

DOI 10.63926/A/26-1-17

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Казаченко М.Д.

Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко

105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д.12, Российская Федерация

E-mail: aalukmanov@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-8357-2113

Аннотация

В статье рассматриваются процессы формирования и развития новых профессий в цифровой экономике. Показано, что цифровая трансформация меняет не только технологическую базу производства и услуг, но и профессиональную структуру занятости, создавая спрос на новые виды трудовой деятельности, связанные с анализом данных, искусственным интеллектом, кибербезопасностью, цифровыми платформами, разработкой программных продуктов и управлением цифровыми системами. Обосновывается, что новые профессии возникают как результат сочетания автоматизации рутинных задач, усложнения цифровой инфраструктуры, роста значения данных и необходимости постоянного обновления навыков. Делается вывод о том, что развитие новых профессий зависит не только от технологических инноваций, но и от качества институтов образования, профессиональной подготовки, занятости и социальной адаптации работников к цифровому переходу.

Ключевые слова: цифровая экономика, новые профессии, рынок труда, цифровые навыки, автоматизация, искусственный интеллект, занятость, профессиональная трансформация

FORMATION AND DEVELOPMENT OF NEW PROFESSIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Kazachenko M.D.

National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

12 Vorontsovo Pole str., Moscow, 105064, Russian Federation

E-mail: aalukmanov@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-8357-2113

Abstract

The article examines the processes of formation and development of new professions in the digital economy. It is shown that digital transformation is changing not only the technological base of production and services, but also the professional structure of employment, creating demand for new types of work related to data analysis, artificial intelligence, cybersecurity, digital platforms, software development and digital systems management. It is proved that new professions arise as a result of a combination of automation of routine tasks, increasing complexity of digital infrastructure, increasing importance of data and the need for constant updating of skills. It is concluded that the development of new professions depends not only on technological innovations, but also on the quality of educational institutions, vocational training, employment and social adaptation of workers to the digital transition.

Keywords: digital economy, new professions, labor market, digital skills, automation, artificial intelligence, employment, professional transformation

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется ускоренной цифровой трансформацией, затрагивающей производство, управление, логистику, финансы, образование, здравоохранение и сферу услуг. Цифровые технологии уменьшают спрос на рутинные рабочие места и одновременно увеличивают потребность в специалистах в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), необходимых для программирования, разработки приложений, управления сетями и поддержки цифровой инфраструктуры. Это означает, что цифровая экономика влияет не только на содержание труда, но и на профессиональную структуру общества.

По оценкам Всемирного экономического форума, в ближайшие годы трансформация рабочих мест будет происходить под влиянием технологических изменений, прежде всего искусственного интеллекта, роботизации, обработки данных и цифрового доступа. В докладе *Future of Jobs Report 2025* подчеркивается, что технологические изменения остаются одним из главных драйверов преобразования рабочих мест и навыков, а наиболее быстрорастущими профессиями становятся позиции, связанные с большими данными, финтехом, ИИ и разработкой программного обеспечения [1].

Международная организация труда указывает, что цифровые технологии одновременно создают новые рабочие места и повышают производительность, но также усиливают существующие неравенства и ведут к вытеснению части занятости. Следовательно, анализ новых профессий в цифровой экономике требует учитывать не только технологический прогресс, но и институциональные условия, определяющие подготовку кадров, переобучение и адаптацию рынка труда [2].

Актуальность темы определяется тем, что новые профессии формируются быстрее, чем успевают адаптироваться системы образования, занятости и квалификационной сертификации. В этих условиях научное осмысление механизмов их возникновения и развития приобретает особое значение. Цель статьи состоит в характеристике факторов формирования новых профессий в цифровой экономике, выявлении основных направлений их развития и определении условий, необходимых для устойчивой профессиональной трансформации рынка труда.

Основная часть

Формирование новых профессий в цифровой экономике связано с изменением самой структуры производственной и организационной деятельности. Цифровая трансформация сопровождается быстрым развитием технологий, создающих как новые возможности, так и новые риски для экономики и общества. При этом ИКТ-сектор в странах ОЭСР рос примерно в три раза быстрее, чем экономика в целом в 2013–2023 годах, что указывает на расширение пространства для новых цифровых видов труда [3].

Рост цифровой экономики сопровождается увеличением спроса на труд, связанный с данными, платформами, кибербезопасностью, облачной инфраструктурой и автоматизацией процессов. ОЭСР отмечает устойчиво высокий спрос на ИКТ-специалистов и сохраняющийся дефицит таких кадров во многих секторах. Следовательно, новые профессии возникают не случайно, а как институционально закрепляемый ответ экономики на дефицит новых компетенций.

Одним из главных факторов формирования новых профессий выступает автоматизация. Она сокращает потребность в выполнении повторяющихся операций, но

одновременно создает спрос на деятельность, связанную с проектированием, сопровождением, анализом и контролем цифровых систем. Говоря о трудосберегающих технологиях, необходимо подчеркнуть, что такие технологии изменяют уровни занятости и структуру труда неоднородно, усиливая спрос на те виды деятельности, которые дополняют новые технологии, а не подменяются ими.

Особую роль сегодня играет искусственный интеллект, который относится к числу наиболее быстрорастущих профессий специалистов по большим данным, инженеров в области финансовых технологий, специалистов по ИИ и машинному обучению, а также разработчиков программного обеспечения. Это свидетельствует о том, что развитие ИИ формирует не только новые инструменты, но и новые устойчивые профессиональные роли. При этом ИЛО в обновлении 2025 года по влиянию генеративного ИИ на занятость подчеркивает, что воздействие генеративного ИИ чаще связано с трансформацией задач внутри профессий, чем с их полной заменой. Это означает, что новые профессии могут возникать не только как принципиально новые виды деятельности, но и как результат глубокой перестройки уже существующих профессиональных ролей [4].

Основные группы новых профессий в цифровой экономике представлены в таблице.

Развитие новых профессий сопровождается изменением состава востребованных навыков. В цифровую эпоху особенно возрастает значение не только узких технических цифровых навыков, но и более широкого набора компетенций, позволяющих эффективно использовать технологии. Это означает, что формирование новых профессий связано не только с появлением новых рабочих мест, но и с переходом к иной модели профессиональной квалификации.

Всемирный экономический форум в Future of Jobs Report 2025 указывает, что наиболее важными навыками становятся аналитическое мышление, технологическая грамотность, устойчивость, гибкость, лидерство, креативность и способность к постоянному обучению. Это показывает, что новые профессии в цифровой экономике развиваются на стыке технической и универсальной подготовки [1].

В сложившихся условиях работодатели должны инвестировать в обучение персонала и переобучение, а работники — включать обучение на протяжении всей жизни в профессиональную траекторию. В противном случае несоответствие между темпами технологических преобразований и скоростью обновления профессиональных квалификаций будет не сокращаться, а, напротив, возрастать.

Часть новых профессий возникает быстрее, чем складываются их устойчивые профессиональные стандарты. Это особенно заметно в области генеративного ИИ, где задачи и роли трансформируются очень быстро. МОТ подчеркивает, что влияние генеративного ИИ следует оценивать осторожно, поскольку речь часто идет не о полной замене профессий, а о глубокой перестройке задач и рабочих функций [4].

Проведенный анализ позволяет выделить несколько основных направлений развития новых профессий в цифровой экономике.

Прежде всего, будет продолжаться расширение цифро-технического ядра занятости, связанного с ИИ, анализом данных, облачными технологиями, разработкой программного обеспечения и кибербезопасностью.

Второе направление связано с ростом гибридных профессий, сочетающих цифровые и отраслевые компетенции. По мере цифровизации традиционных сфер труда именно такие профессии будут становиться особенно значимыми.

Третье направление — укрепление роли непрерывного обучения и переподготовки как обязательного условия профессионального развития. Без этого воспроизводство новых профессий окажется нестабильным и ограниченным.

Таблица. Группы новых профессий в цифровой экономике

Группа новых профессий	Содержание профессиональной группы	Примеры профессий	Фактор востребованности
Профессии, связанные с данными	Возникают в связи с превращением данных в самостоятельный экономический и управленческий ресурс. Направлены на сбор, обработку, анализ, интерпретацию и визуализацию данных.	Аналитик данных, инженер данных, архитектор данных, специалист по визуализации данных	Рост платформенной экономики, развитие цифровой инфраструктуры, увеличение объемов данных и необходимость принятия решений на их основе
Профессии в сфере искусственного интеллекта и машинного обучения	Связаны с разработкой, обучением, тестированием, внедрением и сопровождением интеллектуальных систем и алгоритмов.	Специалист по искусственному интеллекту, инженер машинного обучения, специалист по валидации ИИ-моделей, инженер запросов	Распространение генеративного ИИ, автоматизированной аналитики, предиктивных систем и интеллектуальных цифровых решений
Профессии, связанные с цифровой инфраструктурой	Обеспечивают разработку, поддержку и бесперебойное функционирование цифровой среды, программных решений, сетей и облачных сервисов.	Облачный инженер, специалист по DevOps, разработчик цифровых платформ, администратор сетей, системный архитектор	Рост цифровизации организаций, потребность в устойчивой ИКТ-инфраструктуре и сопровождении цифровых сервисов
Профессии в сфере кибербезопасности и цифрового доверия	Ориентированы на защиту информации, предотвращение цифровых угроз, обеспечение устойчивости цифровых систем и доверия к ним.	Специалист по защите данных, эксперт по информационной безопасности, аналитик киберрисков, специалист по цифровой устойчивости	Увеличение зависимости экономики от цифровых систем, рост киберугроз и необходимость защищенности цифровой среды
Гибридные профессии на стыке цифровых и отраслевых компетенций	Формируются в результате проникновения цифровых технологий в традиционные отрасли и требуют сочетания профессиональной отраслевой подготовки с цифровыми навыками.	Специалист по цифровому маркетингу, финтех-аналитик, менеджер цифровых продуктов, специалист по автоматизации бизнес-процессов, координатор цифровой трансформации	Специалист по цифровому маркетингу, финтех-аналитик, менеджер цифровых продуктов, специалист по автоматизации бизнес-процессов, координатор цифровой трансформации

Источник: составлено автором.

Четвертое направление — институциональное закрепление новых профессий через профессиональные стандарты, обновление образовательных программ, механизмы сертификации и включение цифровых профессий в политику занятости и экономического развития.

Заключение

Развитие новых профессий в условиях цифровизации социально-трудовой сферы очевидно будет продолжаться, что, в свою очередь, по-прежнему будет актуализировать необходимость исследования данного аспекта.

Перспективные направления исследования новых профессий связаны с изучением того, как цифровизация меняет не только перечень профессий, но и внутреннюю структуру трудовых задач, профессиональных ролей и востребованных компетенций. Все большее значение приобретает анализ гибридных профессий, возникающих на стыке цифровых и отраслевых знаний, а также исследование влияния генеративного искусственного интеллекта на трансформацию уже существующих видов труда. Важным направлением остается изучение институционализации новых профессий через системы образования, квалификаций и профессиональных стандартов. Кроме того, перспективны исследования, посвященные неравномерности распространения новых профессий по странам, секторам и социальным группам, а также качеству занятости в новых профессиональных сегментах. В целом современный научный интерес смещается от простого прогнозирования профессий будущего к анализу механизмов, посредством которых цифровая экономика перестраивает профессиональную структуру труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Future of Jobs Report 2025. URL:https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (дата обращения: 01.03.2026 г.)
2. Chacaltana J., Berhouet M.P., Perrot B., Lindgren M. Digital transformation in employment policies. International Labour Organization, 2024.
3. OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). Embracing the Technology Frontier. URL:https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-1_a1689dc5-en.html (дата обращения: 01.03.2026 г.)
4. Generative AI and jobs: A 2025 update. URL:<https://www.ilo.org/publications/generative-ai-and-jobs-2025-update> (дата обращения: 01.03.2026 г.)
5. Digitalization in employment policies. URL:<https://www.ilo.org/resource/article/digitalization-employment-policies> (дата обращения: 01.03.2026 г.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Дмитриевна Казаченко – аспирант Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Dmitrievna Kazachenko – PhD student at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation.

Научная статья

УДК 658.3

DOI 10.63926/A/26-1-22

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ АВТОМАТИЗАЦИИ

Лукманов А.А.

*Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени
Н.А. Семашко*

105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, Российская Федерация

E-mail: aalukmanov@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-8357-2113

Аннотация

В статье рассматривается институциональная среда трудовых отношений в условиях автоматизации и цифровой трансформации труда. Показано, что автоматизация воздействует не только на структуру занятости и содержание труда, но и на базовые институты рынка труда: коллективные переговоры, социальный диалог, системы профессиональной подготовки, правила занятости и механизмы социальной защиты. Обосновывается, что ключевая проблема состоит не в самой технологии, а в способности институциональной среды адаптироваться к перераспределению задач между человеком и машиной, росту нестандартных форм занятости и изменениям в структуре квалификационного спроса. Делается вывод о том, что адаптация системы трудовых отношений к автоматизации требует усиления институтов коллективного представительства, развития непрерывного обучения, модернизации доступа к социальной защите и формирования механизмов согласования интересов работников, работодателей и государства.

Ключевые слова: автоматизация, трудовые отношения, институциональная среда, рынок труда, коллективные переговоры, социальный диалог, социальная защита, профессиональное обучение

THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF LABOR RELATIONS IN THE ERA OF AUTOMATION

Lukmanov A.A.

National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

12 Vorontsovo Pole str., Moscow, 105064, Russian Federation

E-mail: aalukmanov@yandex.ru; ORCID: 0009-0001-8357-2113

Abstract

The article examines the institutional environment of labor relations in the context of automation and digital transformation of labor. It is shown that automation affects not only the structure of employment and the content of work, but also the basic institutions of the labor market: collective bargaining, social dialogue, vocational training systems, employment rules and social protection mechanisms. It is proved that the key problem lies not in the technology itself, but in the ability of the institutional environment to adapt to the redistribution of tasks between man and machine, the growth of non-standard forms of employment and changes in the structure of qualification demand. It is concluded that the adaptation of the labor relations system to automation requires the strengthening of institutions of collective representation, the

development of lifelong learning, the modernization of access to social protection and the formation of mechanisms for coordinating the interests of employees, employers and the state.

Keywords: automation, labor relations, institutional environment, labor market, collective bargaining, social dialogue, social protection, vocational training

Введение

Современный этап технологического развития характеризуется ускоренным распространением автоматизации, искусственного интеллекта и цифровых систем управления производством. Эти процессы затрагивают не только сферу техники и организации труда, но и основы функционирования институтов рынка труда. OECD подчеркивает, что ИИ и автоматизация уже заметно влияют на содержание работы, структуру спроса на труд и качество занятости, а их дальнейшее распространение требует поиска баланса между потенциальными выгодами и негативными последствиями для работников [1].

В научной литературе автоматизация рассматривается как фактор перераспределения задач между трудом и капиталом. Д. Асемоглу и П. Рестрепо показывают, что технологические изменения включают не только эффект вытеснения труда вследствие автоматизации, но и эффект восстановления занятости за счет появления новых задач и новых видов деятельности [2]. Из этого следует, что влияние автоматизации на занятость и трудовые отношения не является линейным и зависит от того, какие институты сопровождают технологический переход.

Международная организация труда (МОТ) указывает, что цифровизация размывает традиционные трудовые отношения, создает вызовы для систем социальной защиты, основанных на стандартной занятости, и усиливает требования к квалификации работников [3]. Это означает, что в центре анализа должны находиться не только масштабы автоматизации, но и готовность институциональной среды трудовых отношений к ее последствиям.

Цель статьи состоит в анализе проблем адаптации институциональной среды трудовых отношений к автоматизации и в выявлении основных направлений ее изменений.

Основная часть

Автоматизация меняет не только количество рабочих мест, но и саму структуру труда. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечает, что технологические изменения по-разному затрагивают профессии и отрасли, а их последствия зависят от того, насколько задачи в конкретной работе поддаются автоматизации и какие новые задачи возникают в ответ на внедрение технологий. В результате трансформируются требования к квалификации, границы профессий и механизмы распределения доходов [4].

При этом автоматизация не всегда приводит к непосредственному снижению общей занятости. OECD подчеркивает, что трудосберегающие технологии могут сопровождаться ростом производительности, снижением издержек и созданием новых задач, но распределение этих выгод и издержек между различными группами работников остается неравномерным. Именно поэтому автоматизация становится вызовом прежде всего для институтов, регулирующих распределение рисков и возможностей.

Для развивающихся и переходных экономик проблема осложняется тем, что автоматизация может сочетаться с более слабой институциональной защитой труда. Всемирный банк указывает, что последствия автоматизации в таких экономиках зависят

от структуры занятости, производственной специализации и качества институтов, определяющих адаптацию работников и фирм [5].

Институциональные барьеры адаптации социально-трудовых отношений к процессам автоматизации представлены на рисунке.

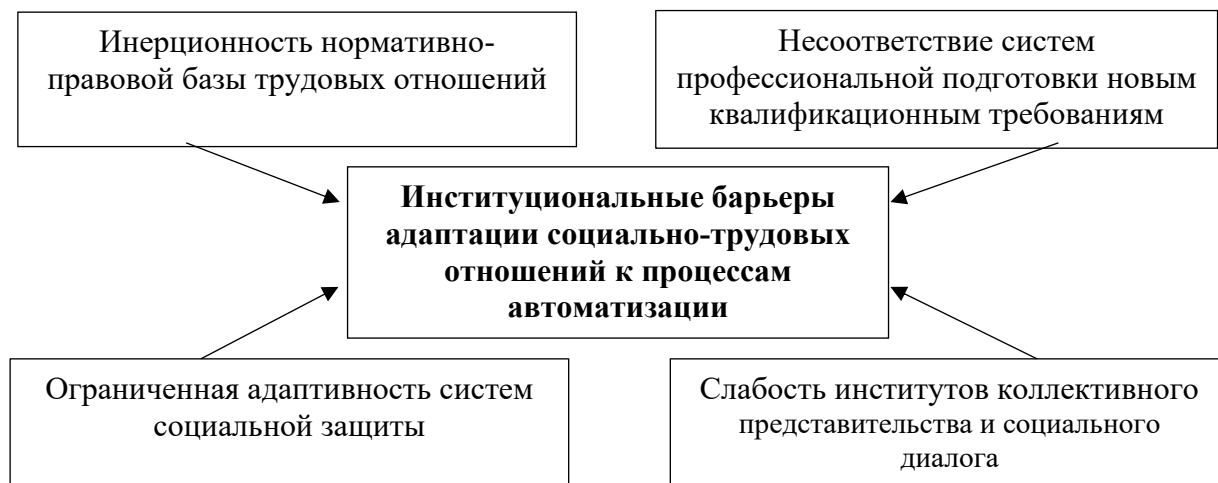

Рис. Институциональные барьеры адаптации социально-трудовых отношений к процессам автоматизации

Источник: составлено автором

Одним из ключевых барьеров адаптации выступает инерционность нормативно-правовой базы трудовых отношений. ИЛО подчеркивает, что цифровизация и новые формы организации труда размывают границы между стандартной и нестандартной занятостью, тогда как многие механизмы регулирования и социальной защиты по-прежнему построены вокруг классической модели формального трудового договора. В условиях автоматизации это приводит к тому, что часть работников оказывается вне прежних механизмов защиты или получает к ним ограниченный доступ [3].

Вторым барьером является несоответствие систем профессиональной подготовки новым квалификационным требованиям. МОТ отмечает, что цифровизация и автоматизация изменяют состав навыков, востребованных на рынке труда, и требуют постоянного обновления квалификации. Если институты подготовки и переподготовки не успевают реагировать на эти изменения, возникает разрыв между технологической модернизацией производства и готовностью рабочей силы к новым условиям.

Третьим барьером выступает ограниченная адаптивность систем социальной защиты. OECD подчеркивает, что в условиях технологических сдвигов и изменения форм занятости государствам необходимо модернизировать доступ к пособиям и услугам, поскольку традиционные системы часто недостаточно охватывают работников с нестабильной карьерой, прерывистой занятостью и новыми типами трудовой вовлеченности [6].

Наконец, существенным барьером оказывается слабость институтов коллективного представительства и социального диалога. В условиях автоматизации решения о внедрении новых технологий нередко принимаются на уровне работодателя или платформенного оператора, в то время как участие работников в обсуждении последствий автоматизации оказывается ограниченным. ОЭСР прямо связывает качество адаптации к ИИ и автоматизации с развитием коллективных переговоров и социального диалога.

По нашему мнению, эффективным механизмом адаптации в этой ситуации могут стать коллективные переговоры и социальный диалог. В современных условиях

коллективные переговоры и социальный диалог приобретают новое значение как инструменты согласования интересов сторон в процессе технологических изменений. ОЭСР в специальной главе *Employment Outlook 2023* отмечает, что социальный диалог и коллективные переговоры могут играть ключевую роль в управлении внедрением ИИ на рабочих местах, особенно в вопросах обучения, условий труда, мониторинга, алгоритмического управления и защиты прав работников [7].

Этот вывод подтверждается и исследованиями профсоюзной практики. Глобальный обзор использования коллективных переговоров для ответа на цифровизацию показывает, что предметом переговоров все чаще становятся не только заработная плата и рабочее время, но и право на обучение, регулирование алгоритмов, использование данных работников, защита занятости и порядок внедрения новых технологий [8].

Значение коллективных переговоров состоит и в том, что они способны смягчать неравномерные последствия технологических изменений. Развитые системы коллективных переговоров в целом положительно связаны с производительностью, занятостью и более координированным распределением выгод на рынке труда. В условиях автоматизации это особенно важно, поскольку технологический прогресс без институционального посредничества может усиливать неравенство и фрагментацию труда.

Одним из главных направлений адаптации системы трудовых отношений к автоматизации является развитие институтов непрерывного обучения. Цифровизация ведет к изменению состава навыков, необходимых работникам, а потому требует постоянного пересмотра политики в сфере занятости и подготовки кадров.

Важный аспект состоит в том, что обучение должно быть встроено в систему трудовых отношений, а не восприниматься как исключительно индивидуальная ответственность работника. Коллективные переговоры могут обеспечивать доступ к обучению и закреплять права работников на развитие навыков в условиях технологических изменений.

Автоматизация и цифровизация усиливают давление на существующие модели социальной защиты. Размывание стандартных трудовых отношений и рост нестандартной занятости ставят под вопрос эффективность систем, основанных на жесткой привязке к формальному трудовому договору.

В новых условиях особое значение приобретают упрощение доступа к выплатам и услугам, цифровизация администрирования, повышение адресности и перенос акцента с формального статуса занятости на реальные потребности и риски человека. Это особенно важно в эпоху автоматизации, когда профессиональные траектории становятся менее линейными и более подверженными прерыванию.

Следовательно, проблема адаптации трудовых отношений к автоматизации включает не только регулирование занятости, но и перестройку механизмов социальной защиты таким образом, чтобы они сопровождали профессиональные переходы, а не только компенсировали уже наступившую утрату работы.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько основных направлений изменений институциональной среды трудовых отношений (таблица).

Из представленной таблицы можно сделать вывод о том, что адаптация институциональной среды трудовых отношений к автоматизации требует комплексного и взаимосвязанного преобразования ее основных элементов. Недостаточно модернизировать только трудовое законодательство или только систему профессионального обучения, поскольку технологические изменения затрагивают одновременно правовое регулирование занятости, механизмы согласования интересов

сторон, квалификационную структуру рабочей силы и систему социальной защиты. В связи с этим наиболее эффективной представляется такая модель институциональных преобразований, при которой обновление трудового регулирования, развитие социального диалога, формирование системы непрерывного обучения и модернизация социальной защиты осуществляются согласованно. Только при подобном подходе автоматизация может стать не фактором дестабилизации трудовых отношений, а условием их устойчивого и социально сбалансированного развития.

Таблица. Направления изменений институциональной среды трудовых отношений

Направление институциональных изменений	Содержание изменений	Значение в условиях автоматизации
Модернизация трудового регулирования	Обновление норм трудового права с учетом размывания традиционных границ занятости, распространения платформенной занятости, дистанционных форм труда и усиления алгоритмического управления. Формирование правил, обеспечивающих прозрачность цифровых решений, участие работников в их обсуждении и защиту трудовых прав.	Позволяет адаптировать правовую систему к новым форматам труда и снизить риски ослабления правовой защищенности работников в условиях автоматизации.
Укрепление институтов социального диалога и коллективных переговоров	Расширение роли профсоюзов, объединений работодателей и механизмов переговоров в вопросах внедрения новых технологий, изменения условий труда, организации переподготовки и распределения выгод от роста производительности.	Создает механизм согласования интересов работников и работодателей, снижает конфликтность технологических изменений и способствует более справедливому распределению их результатов.
Развитие систем непрерывного обучения и переподготовки	Формирование устойчивых механизмов повышения квалификации и профессиональной переподготовки, встроенных в систему трудовых отношений и поддерживаемых государством, работодателями и институтами представительства работников.	Обеспечивает адаптацию рабочей силы к изменению квалификационного спроса и снижает риск структурного вытеснения работников вследствие автоматизации.
Модернизация социальной защиты	Расширение охвата социальной защиты, повышение переносимости социальных прав, упрощение доступа к пособиям и услугам, адаптация механизмов поддержки к нестандартным и прерывистым трудовым траекториям.	Позволяет снизить социальные риски, сопровождающие автоматизацию, и поддерживать устойчивость работников в условиях нестабильной занятости и профессиональных переходов.

Источник: составлено автором.

Заключение

Институциональная среда трудовых отношений в эпоху автоматизации переживает глубокую трансформацию. Автоматизация изменяет не только структуру рабочих мест и состав задач, но и устойчивость традиционных механизмов регулирования труда, социальной защиты и коллективного представительства. Поэтому главная проблема состоит не столько в масштабе технологических изменений, сколько в способности институтов рынка труда своевременно адаптироваться к новым формам занятости, квалификационным сдвигам и перераспределению рисков между работниками, работодателями и государством.

Проведенный анализ показывает, что среди ключевых институциональных барьеров адаптации выделяются инерционность трудового регулирования, недостаточная гибкость систем социальной защиты, несоответствие механизмов профессиональной подготовки новым требованиям и слабость институтов социального диалога. В этих условиях перспективы успешной адаптации связаны с укреплением коллективных переговоров, развитием непрерывного обучения, модернизацией доступа к социальной защите и включением работников в процессы принятия решений о внедрении новых технологий.

Таким образом, адаптация системы трудовых отношений к автоматизации должна рассматриваться как институциональный процесс, в котором технологический прогресс нуждается в социальном и правовом сопровождении. Без такого сопровождения автоматизация может усиливать нестабильность и неравенство; при наличии же развитой институциональной среды она способна стать фактором повышения производительности, обновления квалификационной структуры труда и более устойчивого развития рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labour Market, OECD Publishing, Paris, 2023.
2. Acemoglu D., Restrepo P. Automation and New Tasks: How Technology Displaces and Reinstates Labor. *Journal of Economic Perspectives*. 2019;33;2:3–30.
3. Charles L., Xia Sh., Coutts A.P. Digitalization and Employment. A Review. International Labour Organization 2022.
4. Labour-saving technologies and employment levels: are robots really making workers redundant? OECD science, technology and industry policy papers. January 2022. No. 124.
5. Molina C., Maloney W.F. Is Automation Labor-Displacing in the Developing Countries, Too? Robots, Polarization, and Jobs. World Bank. 2019.
6. Modernising Access to Social Protection: Strategies, Technologies and Data Advances in OECD Countries. OECD, Publishing, Paris, 2024.
7. OECD Employment Outlook 2023. Artificial Intelligence and the Labour Market. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2023_08785bba-en/full-report/social-dialogue-and-collective-bargaining-in-the-age-of-artificial-intelligence_5828691a.html (дата обращения: 17.03.2026 г.)
8. Voss E., Bertossa D. Collective Bargaining and Digitalization: A Global Survey of Union Use of Collective Bargaining to Increase Worker Control over Digitalization. *New England Journal of Public Policy*. 2022;34;1:10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукманов Айнур Айратович – аспирант Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ainur Airatovich Lukmanov – PhD student at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 37.018

DOI 10.63926/A/26-1-29

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ МЕДИАКЛАССОВ

Васильева Т.Ю.¹, Ивакин М.В.², Юрков И.А.³

¹ГБОУ «Школа Новокосино» имени Героя Советского Союза, адмирала А.П. Михайловского,

111673, г. Москва, ул., Суздальская, д. 24Б, Российская Федерация

²ГБОУ «Школа Новокосино» имени Героя Советского Союза, адмирала А.П. Михайловского

111673, г. Москва, ул., Суздальская, д. 24Б, Российская Федерация

³Московский городской педагогический университет, Институт развития профильного обучения

109044, г. Москва, ул. Воронцовская, 6Ас1, Российская Федерация

E-mail: Ivanyourkov2000@gmail.com, ORCID: 0009-0008-5618-8934

Аннотация

В статье обосновывается потенциал реализации конвергентного подхода в системе дополнительного образования старшеклассников медиаклассов. На основе анализа научно-исследовательской литературы уточняется сущность конвергентного подхода, выделяются его ключевые характеристики. В результате обобщения выявляются педагогические условия реализации конвергентного подхода в дополнительном образовании школьников. Результаты анализа педагогического опыта реализации междисциплинарного проекта, объединившего воспитанников театральной мастерской и обучающихся медиаклассов при консультативном сопровождении учителя истории, позволяют сделать вывод, что дополнительное образование выступает продуктивной средой для реализации конвергентного подхода при соблюдении комплекса педагогических условий, обеспечивающих формирование метапредметных результатов и предпрофессиональных компетенций старшеклассников.

Ключевые слова: конвергентный подход, медиаклассы, дополнительное образование, плейбек-театр, межпредметные связи

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE APPLICATION OF THE CONVERGENT APPROACH IN THE ADDITIONAL EDUCATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS OF MEDIA CLASSES

T. Vasilyeva¹, M. Ivakin², I. Yurkov³

¹ GBOU "Novokosino School" named after the Hero of the Soviet Union, Admiral A.P. Mikhailovsky, 111673, Moscow, Suzdalskaya str., 24B, Russian Federation

² GBOU Novokosino School named after the Hero of the Soviet Union, Admiral A.P. Mikhailovsky, 111673, Moscow, Suzdalskaya str., 24B, Russian Federation

³ Moscow City Pedagogical University, Institute for the Development of Specialized

Abstract

The article substantiates the potential of implementing a convergent approach in the system of additional education for high school students of media classes. Based on the analysis of scientific research literature, the essence of the convergent approach is clarified, and its key characteristics are highlighted. As a result of the generalization, the pedagogical conditions for the implementation of a convergent approach in the additional education of schoolchildren are revealed. The results of the analysis of pedagogical experience in the implementation of an interdisciplinary project that brought together students of the theater workshop and students of media classes with the advisory support of a history teacher allow us to conclude that additional education is a productive environment for the implementation of a convergent approach while observing a set of pedagogical conditions that ensure the formation of meta-subject results and pre-professional competencies of high school students.

Keywords: convergent approach, media classes, additional education, playback theater, interdisciplinary communication

Введение

Современное дополнительное образование обучающихся общеобразовательной школы рассматривается в педагогической науке как особое образовательное пространство, обладающее высоким потенциалом для реализации проектной и творческой деятельности [10]. Вместе с тем исследователи отмечают, что фрагментарное использование отдельных образовательных форм и технологий в дополнительном образовании не всегда обеспечивает целостность образовательного опыта и устойчивость образовательных результатов [4]. В этих условиях актуализируется поиск таких педагогических подходов, которые позволяли бы интегрировать различные виды деятельности и образовательные практики в рамках единого педагогического замысла.

Одним из таких подходов в современной педагогике является конвергентный. Конвергенция – это процесс сближения, взаимопроникновения и интеграции различных систем, областей знания, технологий или подходов, ведущий к формированию новых, более сложных и эффективных структур [2]. Конвергентный подход возник в науке как ответ на возрастающую необходимость преодоления дисциплинарных барьеров в решении комплексных задач, где традиционные методы отдельных наук оказывались несостоятельными. Конвергентный подход также определяется как «НБИК-конвергенция» – это слияние «нано», «био», «инфо», «когно» — нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий. В философии образования XXI века выделяются тенденции, объясняющие необходимость использования конвергентного подхода: кризис образования и педагогического мышления как выражение кризиса духовной культуры, слияние направлений в философии образования, поиск новых философских концепций образования.

Проблему настоящего исследования определяет вопрос: каковы педагогические условия реализации конвергентного подхода в системе дополнительного образования старшекласников медиаклассов.

Целью статьи является выявление и обоснование педагогических условий реализации конвергентного подхода в системе дополнительного образования старшекласников медиаклассов на основе анализа теоретических источников и опытно-экспериментальной работы.

Основная часть

Проведя терминологический анализ понятия «конвергентный подход в образовании», мы выделяем значимые для исследования позиции:

– это особый тип мышления, способный стереть границы между дисциплинами (М.В. Ковальчук) [7].

– образовательная технология, акцентированная на взаимном проникновении дисциплин при их изучении (Р. М. Исмагилова) [5].

– междисциплинарная образовательная среда (Капранов В.К. и Капранова М.Н.) [6].

Обобщая указанные позиции, можно установить, что сущность конвергентного подхода заключается в попытке исследовать изучаемые явления комплексно, используя для этого междисциплинарные средства и методы. При этом исследователи отмечают, что не следует отождествлять конвергенцию с интеграцией. «Смысл интеграции — привнести в содержание образования новую учебную дисциплину, основанную на межпредметных связях», тогда как смысл конвергенции — приобщить к междисциплинарному синтезу как таковому, научить видеть единое в разрозненном [9].

Обобщая исследования Л.М. Андрухиной, С. Я. Астрейко и З. В. Лукашья, Г.А. Александрова, Фещенко Т.С. и Шестаковой Л.А. и др. можно установить, что конвергентный подход в образовании обладает следующими характеристиками: междисциплинарность, технологическая интеграция, проектная деятельность и ориентация на практический результат, обучение различным видам деятельности, а не отдельным предметам, формирование надпредметных знаний, инновационная открытость.

Согласно Г. А. Александровой, конвергенция должна «пронизывать все стороны жизнедеятельности образовательных организаций», одна из причин такой необходимости в том, что данный подход является условием для подготовки конкурентоспособных кадров. Он позволяет сформировать гибкие компетенции и способность осваивать новые технологии [1]. В этой связи мы разделяем позицию М.В. Градова о том, что реализация данного подхода позволяет педагогам «оказать существенную помощь в предпрофессиональной подготовке обучающимся в рамках предпрофильного и профильного обучения» [3, с.227]. Цель предпрофессионального образования в медиаклассах – сформировать представление о профессиональной деятельности в сфере медиа для осознанного выбора профессии. Реализация данной цели возможна при конвергентном образовании, которое понимается как «целенаправленный процесс формирования компетенций, необходимых для жизни и трудовой деятельности в эпоху конвергентных наук и технологий» [11, с.163].

Конвергентный подход обладает значительным потенциалом в системе дополнительного образования, где вариативность форм и видов деятельности создаёт благоприятные условия для его реализации.

В отличие от урочной системы, дополнительное образование ориентировано на свободный выбор обучающихся, их интересы и склонности, что создаёт благоприятные условия для реализации проектных форм обучения.

Исследователи подчёркивают, что именно в системе дополнительного образования наиболее последовательно реализуются принципы субъектности, индивидуализации и практико-ориентированности [4]. Эти особенности позволяют рассматривать дополнительное образование как образовательное пространство, в котором возможно объединение различных видов деятельности в рамках единого педагогического замысла, что является естественной средой для реализации конвергентного подхода.

В научных работах, посвящённых проектной деятельности в дополнительном образовании, подчёркивается, что проект как форма организации образовательного процесса обладает интегративным потенциалом, поскольку объединяет содержание из разных областей знания и требует от обучающихся активного включения в процесс планирования, реализации и рефлексии деятельности [4]. Это соответствует логике конвергентного подхода, при котором образовательные результаты достигаются не за счёт изолированного освоения отдельных знаний и умений, а в ходе целостного опыта деятельности.

Кроме того, дополнительное образование характеризуется гибкостью в выборе образовательных форм и средств, что позволяет педагогам комбинировать различные педагогические технологии и форматы работы с обучающимися. По мнению Н. А. Соколовой, именно вариативность и открытость дополнительного образования создают условия для педагогических экспериментов и внедрения новых подходов, ориентированных на развитие личности обучающихся [10].

Теоретический анализ позволяет выделить комплекс педагогических условий, необходимых для реализации конвергентного подхода в дополнительном образовании старшеклассников медиаклассов:

- 1) организация междисциплинарного взаимодействия, обеспечивающего единство различных видов деятельности [13];
- 2) реализация полного цикла проектной деятельности, выступающей интегративной формой организации образовательного процесса;
- 3) использование потенциала дополнительного образования (вариативность, гибкость, практико-ориентированность) для организации образовательного пространства, направленного на освоение обучающимися различных видов деятельности (исследовательской, творческой, медиапроизводственной);
- 4) синтез когнитивных (направленных на развитие рефлексии, эмпатии, смыслообразования) и информационных (медиа) технологий.

Проверка педагогических условий была осуществлена в ходе междисциплинарного проекта на базе «Школы Новокосино», объединившего воспитанников школьной театральной мастерской «НаБис» и старшеклассников медиаклассов, обучающихся по программе дополнительного образования «SNK-медиапроекты» при консультативном сопровождении учителя истории. Совместная работа была направлена на создание театрального спектакля, посвящённого детям Великой Отечественной войны.

Используя схему междисциплинарного подхода В.Г. Смеловой [8], можно представить формулу конвергенции осуществленной образовательной практики:

– межпредметные связи: история (работа с источниками) + литература (анализ дневников, воспоминаний) + информатика (медиапроизводство: анимация, обработка видео и др.) = создание условий для синтеза исследовательской, творческой и медиадеятельности;

– интеграция: театральное искусство + наука (история) = перевод документальных фактов в эмоционально прожитые сценические образы;

– конвергенция методов: метод плейбек-театра + исторические методы познания + методы визуализации с помощью медиатехнологий = возник качественно новый продукт — спектакль, где экран и сцена существуют в неразрывном единстве, усиливая смысловое воздействие друг друга.

На первом этапе обучающиеся под руководством учителя истории осуществляли поиск и анализ информации, связанной с повседневной жизнью детей в годы Великой Отечественной войны. Работа строилась на основе обращения к различным видам

исторических источников: архивным фотографиям, видеохронике, дневниковым записям, воспоминаниям очевидцев. Обучающиеся осваивали приёмы источниковедческого анализа, сопоставляли факты, выявляли эмоционально-смысловое содержание исторических свидетельств.

Данный этап имел принципиальное значение для реализации конвергентного подхода, поскольку формировал содержательное ядро проекта и обеспечивал научно-историческую достоверность будущего художественного продукта. История в данном случае выступала не как абстрактный учебный предмет, а как основание для дальнейшей творческой интерпретации и медиавизуализации, что обеспечивало переход от познавательной деятельности к творческой. Данный этап способствовал формированию у обучающихся умений анализа и интерпретации исторических источников, а также переходу от фактологического усвоения материала к его ценностно-смысловому осмыслению.

На следующем этапе работа продолжилась в рамках школьной театральной мастерской, где обучающиеся на основе изученных исторических источников создавали сценические истории детей войны. В качестве ведущей педагогической технологии театральным преподавателем был выбран плейбек-театр — форма импровизационного театра, основанная на немедленном сценическом воплощении рассказанных историй. В педагогическом контексте плейбек-театр рассматривается как технология, направленная на развитие рефлексии, эмпатии, коммуникативных навыков и способности к осмыслению личного и социального опыта [12].

В ходе работы над спектаклем обучающиеся не просто воспроизводили исторические факты, а «проживали» истории детей войны, соотнося их с собственным эмоциональным и жизненным опытом. Исторические документы становились отправной точкой для создания обобщённых, но лично окрашенных сценических образов.

Особенностью данного этапа стало сочетание традиционного анализа драматургического материала с импровизационными формами плейбек-театра. Классическая структура спектакля дополнялась эпизодами, созданными на основе личной интерпретации обучающимися изученных историй. Таким образом, происходил синтез документального содержания и спонтанного театрального действия, что усиливало воспитательный и смысловой потенциал постановки. Использование технологии плейбек-театра обеспечило личностное проживание исторического материала, способствуя развитию эмпатии, рефлексии и субъектной позиции обучающихся за счёт соотнесения исторических событий с индивидуальным жизненным опытом.

Параллельно с театральной работой обучающиеся медиаклассов осуществляли медиасопровождение проекта. Их деятельность включала создание анимационных элементов, «оживление» архивных фотографий, улучшение качества видеохроники военных лет, а также разработку видеовставок, связывающих отдельные сцены спектакля в единое смысловое полотно.

Медиадеятельность выполняла не иллюстративную, а смыслообразующую функцию: визуальные образы усиливали эмоциональное воздействие спектакля и способствовали более глубокому погружению зрителя в исторический контекст. Кроме того, обучающиеся медиаклассов создали рекламный видеоролик, направленный на привлечение школьников к просмотру спектакля, а также документальный фильм, фиксирующий процесс совместной работы над постановкой.

В рамках конвергентного подхода медиапроизводство выступило связующим звеном между историческим содержанием и театральной формой. Обучающиеся осваивали медиатехнологии не изолированно, а в контексте решения комплексной

творческой задачи. Включение медиатехнологий способствовало развитию медиакомпетенций обучающихся и расширило художественные средства выразительности спектакля, в котором экран выступил полноправным элементом сценического действия, усиливающим его смысловое и эмоциональное воздействие.

Заключение

Анализ представленной педагогической практики позволяет зафиксировать выделенные нами педагогические условия, при которых реализация конвергентного подхода в дополнительном образовании медиаклассов становится наиболее продуктивной. В качестве критериев проверки педагогических условий были использованы принципы конвергентного образования, выделенные Т.С. Фещенко, Л.А. Шестаковой [11]. Согласно данным критериям:

— «междисциплинарный синтез естественного и гуманитарного знания» проявился в слиянии истории, театрального искусства и информатики (проверка 1 условия);

— «приоритет проектной деятельности» был реализован в полном цикле создания общего творческого продукта — спектакля с медиасопровожением. Проект охватывал все этапы: от погружения в проблему (изучение истории) через планирование и поиск информации к созданию конкретного результата и его презентации (проверка 2 условия);

— «обучение не предметам, а видам деятельности» в использовании потенциала дополнительного образования для организации пространства, направленного на освоение старшеклассниками медиаклассов различных видов деятельности (исследовательской, творческой, медиапроизводственной), что обеспечило формирование не только универсальных учебных действий, но и предпрофессиональных компетенций (проверка 3 условия);

— «надпредметные знания через НБИК-технологии» были освоены учащимися через использование когнитивных технологий (плейбек-театра) и информационных (медиа) технологий, что позволило выйти на новый уровень понимания исторического материала (проверка 4 условия).

Таким образом, выделенные педагогические условия нашли подтверждение в ходе опытно-экспериментальной работы. Реализация конвергентного подхода в дополнительном образовании старшеклассников медиаклассов оказалась продуктивной, что выразилось в формировании у обучающихся метапредметных результатов и предпрофессиональных компетенций. Представленный опыт может быть использован в практике работы медиаклассов и других профильных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Г. А. Конвергентная концепция развития педагогического образования // Педагогическое образование и наука. 2016. № 4. С. 9–15.

2. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978 [Электронный ресурс] URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/063/687.htm> (дата обращения: 02.10.2025).

3. Градов М.В. Конвергентный подход к проектированию дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ // Проблемы современного образования №2 2019. С. 225–234.

4. Еремеева Е.Ю. Педагогические возможности проектной деятельности подростков в учреждении дополнительного образования детей: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2009. С. 3–23.

5. Исмагилов Р. М. О конвергентном образовании [Электронный ресурс] // Концепт. 2015. Т. 13. С. 351–355. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/85071.htm> (дата обращения: 15.05.2018)

6. Капранов В. К., Капранова М. Н. Конвергенция образования // Педагогическая мастерская. Всё для учителя! 2016. № 4 (52). С. 4–5

7. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.

8. Конвергентное образование: как применять новый подход на обычных уроках [Электронный ресурс] // Институт непрерывного образования МГПУ. URL: <https://ino.mgpu.ru/notes/konvergentnoeobrazovanie-kak-primenyat-novuj-podhod-na-obuchnyh-urokah/> (дата обращения: 09.02.2026).

9. Савиных Г.П. Оценка потенциала конвергентности основной общеобразовательной программы // Школьные технологии. 2019. С. 28–35.

10. Соколова Н. А. Педагогика дополнительного образования детей: учеб. пособие для студ. пед. вузов. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. 224 с.

11. Фещенко Т.С., Шестакова Л.А. Конвергентный подход в школьном образовании – новые возможности для будущего // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65). Ч. 2. С. 159–165.

12. Ширинкина Е. В. Инструментарий сторителлинга при разработке обучающих решений в педагогическом проектировании // Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 40–44.

13. Юрков, И. А. Межпредметное взаимодействие преподавателей в решении Проблемы профессионального самоопределения старшеклассников медиаклассов / И. А. Юрков // Гусевские чтения – 2025. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 26 марта 2025 года. Ярославль-Москва: ООО "Канцлер", 2025. С. 550–559.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Татьяна Юрьевна – педагог-организатор, ГБОУ «Школа Новокосино»;

Ивакин Михаил Викторович – учитель истории и обществознания, ГБОУ «Школа Новокосино»;

Юрков Иван Александрович – аспирант Института непрерывного образования МГПУ, учитель ГБОУ «Школа Новокосино», методист Института развития профильного обучения МГПУ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Y. Vasilyeva – a teacher-organizer, GBOU «Novokosino School»;

Mikhail V. Ivakin – a teacher of history at the «Novokosino School»;

Ivan A. Yurkov – a postgraduate student at the Institute of Continuing Education of Moscow State Pedagogical University, a teacher at the «Novokosino School», a methodologist at the Institute for the Development of Specialized Education at Moscow State Pedagogical University.

Научная статья

УДК 378.147:811.161.1

DOI 10.63926/A/26-1-36

ОТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Воропай Е. В.

Российский государственный университет народного хозяйства имени

В. И. Вернадского (РГУНХ им. В.И. Вернадского), г. Балашиха, Россия

143900, Московская область, г. Балашиха, ш. Энтузиастов, 50,

Российская Федерация

E-mail: evgvoropay@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема внедрения норм современного русского литературного языка, закреплённых в нормативных словарях 2025 года, в образовательный процесс высшей школы. Анализируется двадцатилетний разрыв между принятием Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» и формированием нормативной словарной базы. На основе анализа лексикографических источников (орфографический словарь и орфоэпический словарь Института русского языка им. В. В. Виноградова, «Академос», портал Грамота.ру), правовых документов 2024–2026 гг. и Основ государственной языковой политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474) предлагаются обобщённые рекомендации для преподавателей вузов и учителей школ по формированию компетенции использования русского языка как государственного. Особое внимание уделяется дифференциации функционально-стилевых разновидностей языка и преодолению разрыва между школьной подготовкой и требованиями профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: государственный язык, нормативный словарь, лексикографическая кодификация, вузовская методика, русский язык как государственный, функциональные стили, ортологическая традиция, основы государственной языковой политики

FROM LEXICOGRAPHIC CODIFICATION TO EDUCATIONAL PRACTICE: IMPLEMENTING THE NORMS OF THE STATE LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION

E. Voropai

Vernadsky Russian State University of National Economy (V.I. Vernadsky Russian State University of National Economy), Balashikha, Russia

E-mail: evgvoropay@gmail.com

Abstract

The article examines the problem of introducing the norms of the modern Russian literary language, as established in the normative dictionaries of 2025, into the educational process of higher education. It analyzes the twenty-year gap between the adoption of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" and the formation of a normative dictionary base. Based on an analysis of lexicographic sources (the orthographic and orthoepic dictionaries of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, the "Akademos" portal, and the Gramota.ru

portal), legal documents from 2024–2026, and the Foundations of State Language Policy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree No. 474 of July 11, 2025), generalized recommendations are proposed for university instructors and school teachers on developing competence in using Russian as the state language. Special attention is paid to the differentiation of functional and stylistic varieties of the language and bridging the gap between school preparation and the requirements of professional communication.

Keywords: state language, normative dictionary, lexicographic codification, teaching methodology in higher education, Russian as a state language, functional styles, orthological tradition, Foundations of State Language Policy

Введение

Двадцатилетний период с 2005 по 2025 годы может быть охарактеризован как время нормативного вакуума в сфере реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [17]. Статья 1, пункт 6 закона устанавливала: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях». Однако сам перечень нормативных словарей отсутствовал более двадцати лет, что делало правовую норму декларативной.

Как отмечает С. П. Кушнерук, закон представлял собой «документ с явными признаками документной и содержательной уязвимости» [8], а отсутствие базового понятия «государственный язык» в тексте закона ставило вопрос о том, могут ли в полной мере использоваться нормы современного русского литературного языка в рамках государственной коммуникации [14, с. 2].

Ситуация принципиально изменилась в 2024–2025 гг. В апреле 2024 года закон был дополнен отдельной статьёй, регулирующей создание и использование национального словарного фонда. К концу 2025 года на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН были опубликованы утверждённые нормативные словари. Одновременно с этим Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 утверждены Основы государственной языковой политики Российской Федерации [16] – документ стратегического планирования, определяющий цели, принципы, задачи и направления государственной языковой политики. Перечень поручений Президента РФ от 3 февраля 2026 г. № Пр-232 конкретизирует эти задачи, предписывая «разработку и изучение в образовательных организациях высшего образования дисциплины (модуля) «Русский язык как государственный» и создание базового учебно-методического комплекса к 1 марта 2027 г.» [12].

Таким образом, перед педагогическим сообществом встаёт задача содержательного наполнения новой дисциплины, которая, по словам директора Института проблем государственного языка СПбГУ С. А. Белова, принципиально отличается от школьного курса русского языка: «Изучать и владеть русским языком как государственным означает знать и понимать требования, которые установлены законом, отличать норму литературного языка от просторечия, жаргона и диалекта. Это часть той подготовки, которая должна стать обязательной для представителей разных профессий» [3].

Цель настоящей статьи – на основе анализа новых лексикографических источников, правовых документов и теоретических подходов к пониманию государственного языка предложить обобщённые рекомендации для преподавателей

вузов, готовящихся к введению нового содержательного модуля в образовательные программы.

Понятие государственного языка и традиции нормативности

Ключевое определение государственного языка впервые на законодательном уровне закреплено в Основах государственной языковой политики (2025): «государственный язык Российской Федерации – общеупотребительная форма русского языка, соответствующая нормам современного русского литературного языка, зафиксированным в нормативных словарях, справочниках и грамматиках, и подлежащая обязательному использованию в определенных законодательством Российской Федерации сферах» [16, п. 4а].

С. А. Белов и Н. М. Кропачев подчёркивают, что «государственный язык – это правовой статус, придаваемый определённому языку в целях обеспечения единства государства (как политической нации), создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства» [4, с. 16]. Государственный язык – «это не разновидность языка, а его официальный статус» [4, с. 13]. Функции обеспечения общего коммуникативного пространства государственный язык выполняет, обращаясь к лингвистической категории «стандартного» (литературного) языка, исходя из того, что именно эта часть национального языка может обеспечить эффективную коммуникацию между представителями разных языковых сообществ [4, с. 1–2].

В Основах также подчёркивается особая роль русского языка: «Русский язык – язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Русский язык является одной из основ российской государственности и неразрывно связан с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями» [16, п. 10]. «Русский язык является национальным достоянием России, важным элементом российской и мировой культуры, объединяющим многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира» [16, п. 11].

Для понимания того, как именно фиксируются нормы, важна работа М. Н. Приёмшевой и Е. Г. Стуковой (2024), показывающая наличие двух традиций в отечественной лексикографии: ортологической (предписывающей, реализованной в словарях типа «Словаря русского языка» С.И. Ожегова) и нормативно-стилистической (описательной, свойственной большим академическим словарям) [13, с. 5–23]. Утверждённые в 2025 году нормативные словари ориентированы именно на ортологическую традицию, что соответствует задачам государственного языка как инструмента, обеспечивающего единство и понятность публичной коммуникации.

О. В. Мякшева и О. Б. Сиротинина подчёркивают: «Государственным языком РФ является современный русский литературный язык, государственный язык – это не форма, тем более не разновидность языка, это его официальный статус. В разных сферах жизни он используется не в полном объеме, а лишь тот или иной его функциональный стиль строго в соответствии с целями и задачами общения» [9]. Этот тезис принципиален для построения образовательной стратегии: мы не создаём «новый язык» и не сводим государственный язык к официально-деловому стилю, а учим студентов и школьников дифференцированному использованию функциональных стилей литературного языка в различных ситуациях профессиональной и публичной коммуникации.

Нормативные словари и цифровые ресурсы

Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (от 01.06.2005) устанавливает статус русского языка, обязательного к использованию в госорганах, судопроизводстве, рекламе, СМИ и при информации для потребителей [17]. Ключевая норма содержится в статье 1, пункте 6: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи».

Долгое время – с 2005 по 2025 годы – этот пункт оставался декларативным, поскольку отсутствовал утверждённый перечень нормативных словарей. Ситуация изменилась в 2024–2025 гг. В апреле 2024 года закон был дополнен отдельной статьёй, регулирующей создание и использование Национального словарного фонда. К 2025 году на сайте Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН были опубликованы утверждённые нормативные словари:

- 1) Орфографический словарь (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН);
- 2) Орфоэпический словарь (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН);
- 3) Толковый словарь государственного языка (Санкт-Петербургский государственный университет);
- 4) Словарь иностранных слов (Институт лингвистических исследований РАН).

Важной особенностью новых словарей является их цифровая доступность. Портал «Академос» представляет собой постоянно обновляемый орфографический ресурс, фиксирующий не только устоявшиеся нормы, но и новые заимствования, прошедшие процедуру кодификации [1]. Портал Грамота.ру выполняет функцию навигатора по нормативным ресурсам и содержит справочную информацию о правилах русского языка.

С 1 марта 2026 года вступили в силу новые поправки (Федеральный закон № 168-ФЗ от 24.06.2025), которые существенно ужесточают требования к использованию русского языка в публичном пространстве, включая вывески, меню, рекламу [18]. Закон вводит дополнительные ограничения на использование иностранных заимствований при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке.

Как отмечается в материале портала Грамота.ру (2024), «единицы, которые отсутствуют в этих словарях, вероятно, не могут употребляться там, где русский язык выступает как государственный. Фактически это означает, например, что журналист, использующий слова, которые отсутствуют в нормативных словарях, тем самым нарушает закон. Впрочем, санкций за это нарушение пока не предусмотрено. Вопрос, могут ли единицы за пределами четырёх словарей быть частью русского литературного языка, остаётся открытым» [16].

Данная ситуация создаёт уникальный вызов для системы образования: отсутствие жёстких репрессивных механизмов (пока) делает превентивную образовательную работу основным инструментом реализации закона. Как отмечает М. А. Кронгауз, «нужно просто издавать словари и грамматики русского языка и делать это независимо от его "государственности"» [7]. В 2025–2026 годах этот тезис получил практическое воплощение: словари созданы, поправки приняты, и теперь ключевая задача педагога – научить пользоваться этими словарями.

Разрыв между школьной подготовкой и требованиями профессиональной коммуникации

Анализ нормативных документов и научной литературы позволяет выявить существенный разрыв между школьной подготовкой по русскому языку и теми требованиями, которые предъявляет к выпускнику использование русского языка как государственного в профессиональной сфере.

Н. В. Белоконь обращает внимание на то, что «предметные результаты, которые должны быть обеспечены по учебному предмету "Русский язык", не содержат упоминания о государственном языке Российской Федерации вообще», предметные результаты по учебному предмету «Родной язык...» должны обеспечивать «формирование ответственности за языковую культуру как общечеловеческую ценность» [5, с. 5]. Это приводит к тому, что выпускник школы, владея базовыми орфографическими и пунктуационными навыками, не имеет представления о правовом статусе языка и требованиях к его использованию в публичной сфере.

С. А. Белов и Н. М. Кропачев констатируют: «Знакомство с нормативными документами, регламентирующими изучение языка в российских школах... показывает, что именно такое содержание понятия "государственный язык" в подобных документах как раз не отражается, а предмет изучения ограничивается общим упоминанием о статусе русского языка как государственного» [4, с. 14–15].

Восполнение этого пробела авторы видят в том, что «обучение "государственному" языку должно предполагать изучение самого понятия нормы языка, средств и способов нормирования и стандартизации литературного языка, социолингвистических представлений о приемлемости и уместности... чтобы чётко очертить границы использования литературного языка. Изучение языка как государственного предполагает знакомство с юридическими нормами и правилами его употребления, в частности знание сфер обязательного использования государственного языка, официальных источников закрепления норм» [4, с. 14].

Задачи государственной языковой политики, сформулированные в Основах (2025), прямо указывают на необходимость «совершенствования системы образования и подготовки специалистов по изучению и преподаванию русского языка, подготовки научно-педагогических кадров, а также повышения качества преподавания русского языка на всех уровнях общего и профессионального образования» [16, п. 20з]. Кроме того, предусмотрено «определение контрольных цифр приёма на обучение по образовательным программам высшего образования... по направлениям подготовки и специальностям в области педагогики и филологии по таким профилям, как русский язык и литература, с учётом прогнозной потребности в кадрах» [16, п. 23в].

Таким образом, миссия системы образования – сформировать у обучающихся не просто грамотность, а коммуникативную компетенцию, включающую:

- знание сфер обязательного использования государственного языка;
- умение дифференцировать функциональные стили и выбирать языковые средства, соответствующие ситуации общения;
- навык работы с нормативными словарями как с официальными источниками фиксации нормы;
- понимание границы между литературной нормой, просторечием, жаргоном и диалектом.

Обобщённые рекомендации для педагогов

С учётом того, что разработка базового учебно-методического комплекса дисциплины «Русский язык как государственный» поручена Министерству науки и

высшего образования РФ при участии Санкт-Петербургского государственного университета и должна быть завершена к 1 марта 2027 года [12], предлагаются обобщённые рекомендации, которые могут быть использованы педагогами в переходный период при подготовке к введению нового содержательного модуля.

При планировании занятий, посвящённых русскому языку как государственному, целесообразно опираться на следующие принципы, вытекающие из анализа правовых документов и научной литературы:

1. Принцип правового контекста. Изучение языка как государственного не может ограничиваться традиционными разделами орфографии и пунктуации. Необходимо знакомить обучающихся с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации», сферами обязательного использования государственного языка, понятием языкового суверенитета. Как отмечают А. В. Нечкин и В. В. Руденко, «регулирование использования русского языка в законодательно установленных сферах должно быть дифференцированным и осуществляться с учётом специфики данных общественных отношений» [10, с. 27].

2. Принцип функционально-стилевой дифференциации. Поскольку государственный язык используется в различных сферах (официально-деловой, научной, публицистической), обучение должно быть направлено не на механическое заучивание правил, а на формирование умения выбирать языковые средства, соответствующие конкретной коммуникативной ситуации. Это позволяет избежать опасности, о которой предупреждают О. В. Мякшева и О. Б. Сиротинина: «не пытаться внедрить в речь учителей на уроках, в рекламные буклеты и журнальные колонки те лексические и стилистические нормы, которые характерны для официально-делового стиля, не обеднять гибкий и разнообразный русский литературный язык» [9].

3. Принцип опоры на нормативные словари. Новые словари 2025 года являются единственным официальным источником, фиксирующим норму для целей государственного языка. Педагогам необходимо не только самим ориентироваться в этих ресурсах, но и формировать у обучающихся устойчивую привычку обращаться к ним в спорных случаях. В Основах государственной языковой политики особо выделено «расширение возможностей использования федеральной государственной информационной системы Национальный словарный фонд и её популяризация как официального источника знаний о нормах и правилах современного русского литературного языка» [16, п. 23а].

На основе анализа научной литературы и нормативных документов можно выделить несколько ключевых направлений, которые должны быть отражены в образовательных программах:

Формирование представления о правовом статусе языка.

Обучающиеся должны понимать, что государственный язык – это не особая разновидность языка, а его официальный статус, налагающий определённые обязательства в публичной коммуникации. Важно различать частное общение (языковые предпочтения свободны) и публичные сферы (действуют законодательные требования). В Основах подчёркивается необходимость «утверждения в обществе представления о высокой социальной ценности речевой культуры и навыков владения русским языком, грамотности речевого общения и недопустимости использования нецензурной лексики» [16, п. 20б].

Целесообразно включать в занятия задания, требующие обращения к нормативным словарям для проверки:

- написания слов (орфографический словарь);
- произношения и ударения (орфоэпический словарь);

- значения и сочетаемости (толковый словарь);
- наличия/отсутствия общеупотребительного аналога у заимствований (словарь иностранных слов).

Особого внимания требует проблема квалификации просторечной, жаргонной и диалектной лексики. Как отмечает Н. В. Белоконь, «придать точный юридический смысл понятию "нецензурная брань" достаточно сложно, поскольку квалификация правонарушения... сопряжена с моралью, этикой, а также такими аспектами коммуникации, как оценивание, контекст, эмоционально-стилистическая окраска» [5, с. 3]. Задача педагога – не дать готовый перечень запрещённых слов (что невозможно), а сформировать понимание контекстуальной природы оценки и умение избегать рискованных употреблений.

Практикумы по анализу и созданию текстов разных стилей (официально-делового, научного, публицистического) позволяют сформировать у обучающихся представление о стилистической норме и границах её вариативности.

При реализации образовательных программ по русскому языку как государственному необходимо учитывать профессиональную направленность подготовки.

Для будущих юристов, государственных и муниципальных служащих приоритетным является освоение официально-делового стиля, требований к языку нормативных правовых актов, навыков лингвистической экспертизы документов. В Основах особо выделена задача «организации повышения квалификации государственных и муниципальных служащих по дополнительным профессиональным программам, способствующим повышению уровня владения русским языком как государственным языком Российской Федерации» [16, п. 23г].

Для журналистов и специалистов в сфере медиа важно понимание границ допустимого в публицистическом стиле, умение сочетать экспрессию с соблюдением нормы, знание требований к языку СМИ.

Для педагогов необходимо формирование не только собственной речевой компетенции, но и методических умений, позволяющих транслировать нормы государственного языка обучающимся. Это соответствует задачам, поставленным в Перечне поручений Президента РФ о «повышении качества подготовки учителей начальной школы, предусмотрев в том числе увеличение количества часов, отводимых на изучение русского языка и литературы и методики преподавания» [12].

Для специалистов технического и естественно-научного профиля акцент может быть сделан на языке профессиональной коммуникации, требованиях к инструкциям, отчётам, деловой переписке.

Как подчеркивает С. А. Белов, владение русским языком как государственным «должно стать обязательной частью подготовки представителей разных профессий, которые, владея особым профессиональным языком, при общении за пределами своего круга могли бы понятно и доходчиво объяснить другим вопросы по предмету своей профессиональной компетенции» [3].

Эффективная реализация задач, связанных с русским языком как государственным, требует координации усилий преподавателей разных дисциплин:

- преподаватели русского языка обеспечивают знакомство с нормативными словарями, функциональными стилями, грамматическими и лексическими нормами;
- преподаватели профессиональных дисциплин могут демонстрировать образцы профессиональной коммуникации, соответствующие требованиям к государственному языку, и обращать внимание на типичные ошибки в профессиональной речи;

– преподаватели иностранных языков могут проводить сопоставительный анализ явлений заимствования, помогая студентам осознать границы использования иноязычной лексики.

Важно также обеспечить преемственность между школьным и вузовским образованием. Как отмечается в Основах, необходимо «создание условий для речевого развития, воспитания интереса к чтению и книге на всех уровнях общего образования, в том числе в системе дошкольного образования» [16, п. 20п] и «возрождение практики чтецких программ в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях» [16, п. 23ж].

Социальный и культурный контекст: язык как инструмент единства

Разработка содержания образования в области русского языка как государственного не может ограничиваться прагматическими задачами. Важно учитывать культурную и интеграционную функции языка. В Основах государственной языковой политики подчёркивается, что «русский язык является национальным достоянием России, важным элементом российской и мировой культуры, объединяющим многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира» [16, п. 11].

О. В. Мякшева и О. Б. Сиротина приводят пример учебников русского языка для школьников Туркменистана, в которых в качестве материала изучения предлагаются «художественные тексты классиков русской и туркменской литературы (последние, естественно, в переводе на русский язык)», включая И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова [9]. Этот пример показывает, что даже при обучении русскому языку как неродному культурный компонент остается важным.

Особого внимания заслуживает пример, приводимый авторами: книга чеченского филолога, написанная на русском языке, в которой «мировосприятие чеченца выливалось в формы русского языка, и такое сочетание рождало особый текст» [9]. Авторы задают риторический вопрос: «Разные языки одного государства обогащают друг друга, если их носители объединяют стремлением жить мирно и созидательно. Возможно ли было появление такой книги, если бы в далекие 70-е гг. прошлого века государство решило, что "обучение русскому языку как государственному в национальных регионах РФ должно отличаться от обучения русскому языку как государственному у носителя русского языка как родного"?» [9].

Этот пример предостерегает от механистического подхода к преподаванию русского языка как государственного. Задача педагога – не создать «упрощённый» или «канцелярский» суррогат, а научить пользоваться всем богатством литературного языка, понимая при этом границы допустимого в различных коммуникативных ситуациях. Как заключают О. В. Мякшева и О. Б. Сиротина: «...неужели мы хотим предложить российским детям русский, минимизированный до официально-документального стиля, но обильно сдобренный глобализмами и обесцененной лексикой? Такой язык вряд ли поможет процветанию нашего многонационального государства» [9].

Заключение

Появление в 2025 году утверждённого перечня нормативных словарей и принятие Основ государственной языковой политики (2025) создали необходимую инструментальную и стратегическую базу для реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». Однако наличие словарей и документов само по себе не решает проблему соблюдения языковых норм в публичной

коммуникации. Ключевым звеном становится система образования, и прежде всего – высшая школа, где происходит профессиональное становление будущих специалистов.

Перечень поручений Президента РФ от 3 февраля 2026 г. № Пр-232 ставит конкретные задачи по введению дисциплины «Русский язык как государственный» и разработке учебно-методического комплекса. Предложенные в статье обобщённые рекомендации, основанные на анализе теоретических подходов к пониманию государственного языка, новых лексикографических источников и правовых документов, могут быть использованы преподавателями вузов и учителями школ в переходный период при подготовке к введению нового содержательного модуля.

Принципиально важно, что преподавание русского языка как государственного не должно сводиться к обучению «канцеляриту» или формальному заучиванию словарных списков. Как подчёркивает С. А. Белов, «владение русским языком как государственным требует формирования навыков точного, однозначного и максимально понятного изложения информации» [3]. Это означает, что выпускник должен уметь:

- выбирать языковые средства, адекватные ситуации профессиональной коммуникации;
- проверять спорные случаи по нормативным словарям;
- отличать литературную норму от просторечия, жаргона и диалекта;
- понимать правовые последствия использования языковых средств в публичной сфере.

Только при таком подходе русский язык сможет в полной мере выполнять свою функцию «цемента социальной архитектуры» [3], обеспечивая единство многонационального государства и эффективную коммуникацию между всеми его гражданами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академос: Орфографический академический ресурс // Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Белов С. А. Государственный язык – это цемент зданий социальной архитектуры // Санкт-Петербургский государственный университет: официальный сайт. 2026. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/sergey-belov-gosudarstvennyy-yazyk-eto-cement-zdaniy-socialnoy-arkhitektury> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Белов С. А. Зачем в вузах нужен новый предмет «Русский как государственный» // Российская газета. 2026. 16 февраля.
4. Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 1. С. 4–21.
5. Белоконь Н. В. Изменение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3. С. 224–231.
6. Государственный язык Российской Федерации в жизни современной России: Дайджест. СПб., 2016.
7. Кронгауз М. А. Родная речь как юридическая проблема // Отечественные записки. 2003. № 2 (11). С. 497–501.
8. Кушнерук С.П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа // Научный диалог. 2012. № 12: Филология.
9. Мякшева О. В., Сиротина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации // (материалы из личного архива автора, файлы 2026-03-16_08-05-54 – 2026-03-16_08-06-51).

10. Нечкин А. В., Руденко В. В. Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 26–30.

11. Нормативные словари, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (дата обращения: 16.03.2026).

12. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № Пр-232 «По вопросам развития и поддержки русского языка как государственного и языков народов России».

13. Приёмывшева М. Н., Стукова Е. Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23.

14. Руднев Д. В., Садова Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 1–11.

15. Термин «государственный язык»: правовой статус и лингвистическое содержание // Грамота.ру. 2024. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).

16. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации».

17. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

18. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"».

REFERENCES:

1. Akademos: Orthographic Academic Resource // V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (accessed: 16.03.2026).

2. Belokon N.V. Amendment of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 3. P. 224–231.

3. Belov S.A. The State Language is the Cement of the Buildings of Social Architecture // Saint Petersburg State University: official website. 2026. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/sergey-belov-gosudarstvennyy-yazyk-eto-cement-zdaniy-socialnoy-arkhitektury> (accessed: Federal Law No. 53-FZ of June 1, 2005 "On the State Language of the Russian Federation" (with amendments and additions).

4. Belov S.A. Why do universities need a new subject "Russian as a State Language" // Rossiyskaya Gazeta. 2026. Feb. 16.

5. Belov S.A., Kropachev N.M. The Notion of State Language // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2020. Vol. 17. Iss. 1. P. 4–21.

6. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 11, 2025 "On Approval of the Foundations of State Language Policy of the Russian Federation".

7. Federal Law No. 53-FZ of June 1, 2005 "On the State Language of the Russian Federation" (with amendments and additions).

8. Federal Law No. 168-FZ of June 24, 2025 "On Amendments to the Federal Law 'On the State Language of the Russian Federation'" (enters into force on March 1, 2026).

9. Krongauz M.A. Native Speech as a Legal Problem // Otechestvennye zapiski. 2003. No. 2 (11). P. 497–501.

10. Kushneruk S.P. The Federal Law of Russia on the State Language as an Object of Document-Linguistic Analysis // *Scientific Dialogue*. 2012. No. 12: Philology.

11. List of Instructions of the President of the Russian Federation No. Pr-232 of February 3, 2026 "On Issues of Development and Support of the Russian Language as a State Language and the Languages of the Peoples of Russia".

12. Myaksheva O.V., Sirotinina O.B. Modern Russian Literary Language as the State Language of the Russian Federation // (materials from the author's personal archive, files 2026-03-16_08-05-54 – 2026-03-16_08-06-51).

13. Nechkin A.V., Rudenko V.V. Improving Legal Mechanisms for Strengthening the Status of the Russian Language as the Language of the State-Forming People // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 1. P. 26–30.

14. Normative dictionaries fixing the norms of the modern Russian literary language when used as the state language of the Russian Federation // V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (accessed: 16.03.2026).

15. Priemysheva M.N., Stukova E.G. On the Notion "Normative Dictionary" in Russian Explanatory Lexicography: Normative-Stylistic vs Orthologic Traditions // *Russian Journal of Lexicography*. 2024. No. 32. P. 5–23.

16. Rudnev D.V., Sadova T.S. Russian as a State Language and Modern Russian Literary

17. *The State Language of the Russian Federation in the Life of Modern Russia: Digest*. St. Petersburg, 2016.

18. The term "state language": legal status and linguistic content // *Gramota.ru*. 2024. URL: <https://gramota.ru/> (accessed: 16.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воропай Евгения Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры базовых дисциплин Российского государственного университета народного хозяйства имени В. И. Вернадского.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Voropai – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Basic Disciplines, Vernadsky Russian State University of National Economy.

Научная статья

УДК 37.00

DOI 10.63926/A/26-1-47

**НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА**

Глотов С. А.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, Российская Федерация

E-mail: glotov_rgsu@mail.ru

Глотова Л. С.

117519, Московский государственный университет спорта и туризма

г. Москва, ул. Кировоградская, д. 21, корп. 1, Российская Федерация

E-mail: lar1934@yandex.ru

Аннотация

В статье речь идет о развитии наставнической деятельности как важнейшего компонента реализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей в молодежной среде, в сфере детско-юношеского спорта. При этом авторы опираются как на уже действующие с 1993 года Конституционные нормы, так и поправки, внесенные в Основной закон страны в 2020 году.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки в российскую Конституцию в 2020 году, традиционные духовно-нравственные ценности, наставничество детей и молодежи, детско-юношеский спорт

**MENTORING AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE REALIZATION OF
TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES: CONSTITUTIONAL AND
LEGAL FRAMEWORK AND RUSSIAN PRACTICE**

Glotov S. A.

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

117418, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, Russian Federation

Glotova L. S.

Moscow State University of Sport and Tourism

117519, Moscow, Kirovogradskaya St., 21, bldg. 1, Russian Federation

Abstract

The article deals with the development of mentoring activities as an essential component of the implementation of traditional Russian spiritual and moral values among young people, in the field of youth sports. At the same time, the author relies on both the Constitutional Norms already in force since 1993 and the amendments made to the Basic Law of the country in 2020.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Russian Constitution in 2020, traditional spiritual and moral values, mentoring children and youth, children's and youth sports

Введение

После довольно длительного этапа «безвременья» в организации жизни общества и воспитательной работы с организованной молодежью¹, возникшего в нашей стране в конце XX века, начале XXI веков, Россия возвращается к плановой, систематической работе на этом важном направлении государственной и общественной жизни.

Этому способствовало внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, в т.ч. принятие новой статьи 67.1, ее пункта 4 провозглашавшего норму-цель о том, что дети являются важнейшим приоритетом в государственной политике России. При этом государство создает условие для их всестороннего развития в духовной, нравственной, интеллектуальной и, конечно,² физкультурно-спортивной сферах деятельности, воспитания у них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Государство обеспечивает, как приоритет семейного воспитания, так и «берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» (п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ), что также важно в современных условиях.³

Вместе с тем, по данным Министерства Просвещения РФ количество выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2021 году в России составляло 46 831 человек, в 2022 году – 45 332, в 2023 году – 41 958. Количество сирот, устроенных в семьи, равнялось 49 183 человек в 2022 году – 47 179, в 2023 году – 43 797. В РФ работало 932 детских дома, в них содержится 58 тыс. детей⁴.

Конституционная реформа в России 2020 года о базовых духовно-нравственных ценностях

Среди новых мер конституционно-правового порядка, способствующих укреплению воспитательного процесса в стране наряду с установленными ранее, в 2020 году были внесены следующие изменения и дополнения:

– об образовании и молодежной политике, включение в предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п.е) ст. 71 Конституции РФ) «установление единых правовых основ системы воспитания и образования, в т.ч. требования организации непрерывного образования».

Таким образом, непрерывное образование, его реализация на практике с различными категориями граждан с 2020 года становится предметом постоянного внимания со стороны федеральных органов государственной власти, призвано вносить более весомый вклад в общее дело воспитания детей и молодежи, взрослого населения страны, что подтверждается значительным ростом лиц, участвующих в системе

¹По данным государственной статистики с сентября 2023 года по 2024 год в российских школах обучалось 18 млн школьников (в 2025 году их стало на 346 тыс. меньше); На январь 2026 года в вузах проходило обучение 4 млн 846 тыс. человек, в колледжах (техникумах) 3,9 млн. студентов.

²На потерю ценностных ориентаций в системе национальных ценностей, что безусловно влияет на процесс воспитания, сегодня обращает внимание, на пример, В. Э. Багдасарян в своей монографии: Конституции Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. — Москва: Духовное просвещение, 2019 — 296 с.; См. также: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Том 2. От Великой Победы до краха. — М.: Канцентиал, 2025 — 656 с;

³К сожалению, можно утверждать, что институт брака и семьи в современной Российской Федерации находится в критическом состоянии, число развода составляет 8 из 10, многие дети лишились родительского внимания и становятся участниками мошеннических действий, и даже становятся на путь терроризма. Государство в 2025 году пришлось принимать срочные законодательные и иные меры по пересечению дропперства и участия несовершеннолетних в террористических актах. По данным ВЦИОМ, основанным на информации из ЗАГСов, в 2024 году было заключено 880 тыс. браков и 644,5 тыс. разводов.

⁴Юлия Сапрыкина. Откуда в России взялись «лишние» дети-сироты. // Российская Федерация сегодня, №7, июнь 2024. с. 16-19; Любовь Маврина. Ритуал или проект.; Почему в России много разводов. / Российская Федерация сегодня №12, декабрь 2025 года. с. 20-25

повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Данная практика широко распространена в системе Департамента спорта города Москвы, в том числе реализуется Московским государственным университетом спорта и туризма, который реализует более 200 программ дополнительного профессионального образования. В 2025 году на программах ДПО прошли обучение более 3500 тысяч слушателей из Москвы и других регионов России.

– защиту семьи и детства, статуса брака как союза мужчины и женщины, создание со стороны федеральных и региональных (субъектовых) властей, условий для достойного воспитания детей в семье (и 1.ж.1) ст. 72 Конституции РФ). Не сложно предположить, что к этим условиям можно и нужно относить широкую доступность детей к занятиям физкультурой и спортом в системе дошкольного образования в различного рода спортивных школах¹, а также создание широкой сети центров раннего физического развития детей на бюджетной основе с участием муниципальных образований, как того требует закон², в том числе в г. Москве;

– включение в текст Основного закона страны, и тем самым утверждение на самом высоком правовом уровне традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Среди них: сохранение памяти предков, установка на преемственность в историческом развитии Российского государства; признание и укрепление сложившегося государственного единства (п.2 ст.67.1 Конституции РФ); защита суверенитета и территориальной ценности страны (п.2 ст.67); защита исторической правды, уважительное отношение к памяти защитников Отечества (при этом умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается) (п.3 ст.67.1); уважение человека труда (п. 5 ст. 75 и ст. 75.1); социальное партнёрство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст.75.1); признание российской культуры уникальным наследием её многонационального народа и её защита государством и другие. Это составляет, своего рода, основу конституционного правового "каркаса", нашей духовности, основы воспитания детей и молодёжи, граждан Российской Федерации;³

¹См, например, подробно: Паршиков А.Т. Спортивная школа: история и современность. Учебно-метод. пособие / А.Т. Паршиков – М.: Спорт, 2023 – 144 с. В книге рассматривается история создания и развития спортивных школ в СССР-России с середины 20-х годов прошлого столетия до 2022 года, анализируются важнейшие решения государства по данной проблематике. О состоянии детско-юношеского спорта в 90-е года прошлого столетия и начало «нулевых» XXI века: См.: Л.С. Глотова. Современное состояние детско-юношеского спорта в Российской Федерации. – М.: АПК и ППРО, 2009 – 196 с.;

См.: Гловатов С.А., Масягина Н.В., Глотова Л.С. Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта в мире и в Российской Федерации (учебное пособие в форме презентации). Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: ГАОУ ВО МГУСиТ, «Белый ветер»; 2023 – 154 с.

²См. Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. №127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и Федеральный Закон "Об образовании в Российской Федерации"». Концепцию развития детско-юношеского спорта в РФ до 2030 года, утверждённую распоряжением правительства России от 28 декабря 2021 г. №3894-р. и др. См. также: Каткова А.М., Лях В.И., Глотова Л.С., Быстрицкая Е.В. Программа раннего физического развития детей и города Москвы возраст от одного года до семи лет на основании координационных упражнений: учебно-методическое пособие. — М.: ГАОУ ВО МГУСиТ; 2025; Государственная поддержка семьи в Российской Федерации. – Москва: РИТМ, 2025 – 74 с.; Преемственность поколений в системе традиционных семейных ценностей России. К 80-летию Великой Победы.: Материалы XXIII Международного Конгресса «Российская семья» (28 мая 2025 г.) / под общ. ред. Г.И. Климантовой – Москва: РИТМ, 2025 – 208 с.

³Сегодня это подкрепляется изданием линейки школьных учебников по истории страны, написанных с патриотической позицией, увеличением времени на изучение истории России в школах, СУЗах и ВУЗах. См. например: История. История России, 1996 г. – начало XXI в.: 11-й класс: базовый уровень: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 частях. Часть 1 / А.А. Данилов, А.В. Торкунов, О.В. Хлевнюк [и др.] под ред. А.В. Торкунова. – 2-е изд., стер. – Москва: Просвещение, 2022. — 112 с. История. История России, 1996 г. – начало XXI в.: 11-й класс: базовый уровень: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 частях. Часть 2 / А.А. Данилов, А.В. Торкунов, О.В. Хлевнюк [и

– провозглашение в новой статье 75.1 Конституции России права на развитие государства, общества, семьи, личности, на чем настаивает ООН в своих Целях тысячелетия и других документы доктринального характера: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества...»;

– наделение правительства РФ новыми правами и обязанностями (ст. 114 Конституции России) в т.ч. по поддержке институтов гражданского общества, некоммерческих организаций в т.ч. их участие в выработке и проведении государственной политики (п.1.е¹ ст. 114); по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности (п. 1. е² ст. 114); содействие развития предпринимательства и частной инициативы (п.1 е³ ст. 114) и другие;¹

и еще один важный аспект – возвращение, но теперь уже на конституционном уровне, к разрабатываемой и реализуемой в советский период теории, и практики здорового образа жизни населения². С 4 июля 2020 согласно п.1.ж) ст.172 Конституции РФ, в совместном ведении Российской Федерации её субъектов находится создание в республиках, краях и областях «условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью» это, конечно, касается детей и молодёжи, повышает ответственность организаторов физкультурно-спортивной деятельности на всех уровнях, тренерско-педагогического состава за результаты своей повседневной работы, тем более, что состояние здоровья многих подростков оставляет желать много лучшего.

Известно, что до утверждения в декабре 2021 года распоряжением правительства РФ №3894-р "Концепции развития детского юношеского спорта в РФ до 2030 года и мероприятий по её реализации", по итогам 2020 года в детско-юношеский спорт было вовлечено только 9% от общей численности детей - всего 1978 тыс. ребят.

Согласно целевым показателям Концепции, число детей, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности детей, к 2030 должно составлять 90% доли учащихся. Число же способных выполнять нормативы испытаний Всероссийского физкультурного спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» должна достигнуть к 2030 году 15%.

В каждой общеобразовательной организации, в том числе и в школе, должен работать спортивный клуб. 35% учащихся к 2030 году должны участвовать в соревнованиях школьных спортивных лиг. Число тренерского состава к 2030 году должно вырасти в 3 раза по сравнению с 2021 годом.

Указанные выше положения, введенные 5 лет назад, конституционные нормы, призваны содействовать активизации деятельности властных структур и гражданского общества по укреплению духовно-нравственных основ жизнедеятельности российского

др.] под ред. А.В. Торкунова. – 2-е изд., стер. – Москва: Просвещение, 2022. — 159 с. См. также подробно: Глотов С.А., Масыгина Н.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: вопросы формирования. Учебное пособие / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова М.: ГАОУ ВО МГУСИТ, Москва, 2025 – 138 с.

¹См. об этом подробно: Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С., Парфенова Н.В., Государственная политика Российской Федерации в сфере безопасности детей, развития молодежных движений. Учебное пособие в форме слайдов / Под ред. д.ю.н. проф. Глотова С.А. М.: ГАОУ ВО МГУСИТ. ИП Воронцов М.Ю., 2025 – 143 с.

²См., например: Кобяков Ю. П. Физическая культура. Основы здорового образа жизни: учебное пособие. / Ю. П. Кобяков — Ростов Н/Д: Феникс, 2012 — 252 с.; Глотова Л.С. Методика обучения предмету физическая культура. Учебное пособие. часть II. М.: спортивно-педагогический колледж Москомспорта, 2016 — 192 с. ; Каткова А.М., Лях В.И., Глотова Л.С., Быстрицкая Е.В. Программа раннего развития детей города Москвы в возрасте от одного года до семи лет на основании координационных упражнений: учебно-методическое пособие. — М.: ГАОУ ВО МГУСИТ, 2023 — 356 с.

государства и общества, воспитанию детей и молодёжи в патриотическом ключе, повышению социальной и деловой активности, впоследствии инициативному и ответственному служению Отечеству на своем рабочем месте, в трудовом, воинском и т.д. коллективе.

Развитие наставничества в области физической культуры и спорта¹

Это в полной мере касается и тех, кто сегодня занят тренерско-педагогическим трудом², наставничеством в сфере физической культуры и спорта. Эта работа осуществляется на базе уже ранее действующих Конституционных норм 1993 года (ст. 29, 30, 32, 34, 38, 41, 43, 44, 71, 72, 83, 162, 103, 114, 130), а также дополненных в 2020 году, о чем сказано выше.

В целях уточнения и практической реализации мер по активизации работы по воспитанию (формированию) у населения, особенно детей и молодежи, чувства патриотизма, гражданской ответственности и т.д., Президент России 9 ноября 2022 года издал Указ №809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также своим Указом от 1 апреля 2025 года №197 учредил «День Наставника».

Указ Президента РФ №809 сегодня является «программным манифестом» организации воспитательной работы, закрепив в пункте 5 семнадцать ключевых ценностных ориентиров (качеств), которыми должны обладать россияне:

1. Жизнь	10. Гуманизм
2. Достоинство	11. Милосердие
3. Права и свободы человека	12. Справедливость
4. Патриотизм	13. Коллективизм
5. Гражданственность	14. Взаимопомощь и взаимоуважение
6. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	15. Историческая память и преемственность поколений
7. Высокие нравственные идеалы	16. Единство народов России.
8. Крепкая семья	17. Созидательный труд
9. Приоритет духовного над материальным	

В некотором роде, приведенный перечень имеет аналоги в российской (советской) истории в качестве «морального кодекса» строителя «коммунизма» и православных церковных заповедей имперской России.

Не сложно заметить, что большая часть перечисленных выше качеств личности формируется с детских лет в семье под воздействием родителей, братьев и сестер,

¹ См., Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С. Наставничество в современной России: вопросы, теория и практика. Учебное пособие в форме слайдов / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова. - М.: ГАОУ ВО МГУСИТ. М: «Галлея – принт», 2026 – 104 с.

² См., например, подробно: Масыгина Н.В. Педагогическая система профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров физкультурно-спортивной отрасли: автореферат дис. ... доктора педагогических наук – Москва, 2021. - 40 с.; Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства: Н.В. Масыгина, С. В. Начинская, Е.В. Быстрицкая, А.В. Соловьева, МГУСИТ – Москва: ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ» Нижний Новгород, 2023 – 170 с; Глотова Л.С. Педагогические условия подготовки тренеров-преподавателей к реализации программ комплексного воспитания и развитие дошкольников. Монография – М.: МГУСИТ, ИП Воронцов М.Ю., 2025 – 186 с.; Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С. Физическая культура и спорт России на службе Родины. (к 100-летию с начала формирования государственной системы физической культуры и спорта). Учебное пособие в форме слайдов / под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова. – М.: Московский Государственный университет просвещения. Издательство Белый ветер, 2024 – 146 с.

родственников и в общественном пространстве, в школе, колледже, вузе, участия в жизни коллектива и, конечно, в процессе физкультурно-спортивной деятельности, детско-юношеском спорте, под влиянием наставников, в т.ч. тренеров-педагогов.

Как справедливо отмечает А.Т. Паршиков, с 20-х годов XX века в Советском Союзе (России) началась разработка новой теории воспитания. Основной программой, целью этой работы, которой стало всестороннее развитие личности, а ее важнейшими инструментами реализации должны были стать внешкольная работа, активная физкультурно-спортивная и культурно-массовая деятельность среди детей и молодежи. В стране был провозглашен лозунг «Все лучшее – детям!».

Изучая историю создания и развития спортивных школ в СССР-России, в так называемом узком детско-юношеском спорте, А.Т. Паршиков выделяет и обосновывает ряд этапов, в т.ч. таких как:

- поиск новых форм работы с детьми до появления и в процессе создания спортивных школ (1925-1946);
- обретение уверенности в послевоенном развитии детско-юношеского спорта и спортивных организаций (школ) 1946-1966;
- время принятия прогрессивных масштабных решений в этой важной отрасли деятельности (1966-1991 гг.);
- тяжелое и болезненное время перемен после слома Советского Союза, устоявшихся устоев в обществе государстве, создание новых (1991-2009 гг.)
- после своего наиболее оптимального пути развития детско-юношеского спорта, спортивных школ (СШ) и спортивных школ олимпийского резерва (СМОР), утверждение и реализация федеральных стандартов спортивной подготовки по видам спорта и т.д. (2010-2022 гг.).

На всех этапах этого исторического пути, функционирование детско-юношеского спорта поддерживали и развивали настоящие подвижники, специалисты высокого класса, наставники (А.Т. Паршиков приводит в качестве примера Льва Павловича Матвеева, общепризнанного теоретика физического воспитания и спорта),¹ болеющих за дело, умеющие его организовать и обучить ему других. Эта традиция сохраняется и в наши дни, ведь согласно словарю русского языка Сергея Ивановича Ожегова (1900-1964 гг.) наставник — это учитель и воспитатель, руководитель классный. Классный наставник — это классный воспитатель в гимназии, в реальном училище. Капитан наставник — на флоте. Мастер наставник — на заводе, а наставничество — это руководство молодыми коллективами или отдельными лицами, осуществляемое опытным специалистом.²

Что касается педагогического наставничества, то его цели были четко обозначены в Плане основных мероприятий по проведению в Российской Федерации годы педагога и наставника, утверждённом правительством РФ от 18 апреля 2023 г. №399-р, а также в Концепции развития наставничества в РФ на период 2030 года (утверждена Распоряжением России от 21 мая 2025 года №1264-рп).

Речь идёт о реализации таких задач, как:

- формирование в общественном сознании представлений о важности труда, значимости и особом статусе педагогических работников и наставников;

¹См подробно: Паршиков А.Т. Спортивная школа: история и современность. Учебно-метод. пособие. / А.Т. Паршиков. – М.: Спорт 2023. – 144 с.

²См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений, С.И. Ожегов под редакцией профессора Л.И. Скворцова, 27 изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2018. – 325 с.

- популяризации и повышении престижа педагогических профессий в Российском обществе;
- совершенствование организационных механизмов в повышение профессионального условия, повышение и распространение опыта лучших педагогических работников и наставников;
- развитие института наставничества.¹

В настоящее время наставничество активно развивается, находя закрепление в российском законодательстве и развитие в различного рода методиках, практикумах², теоретических работах.

По мнению авторов учебно-методического пособия, Настольная книга Наставники спортивной организации...

Наставничество в спорте – это форма обеспечения профессиональной адаптации, становления, самоопределения, самоорганизации и поступательного профессионального развития тренеров и иных специалистов организации, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта, а также содействуя им в преодолении проблемных ситуаций и кризисных явлений.

Наставник в спорте — это специалист, имеющий спортивные и почетные звания, связанные с тренерской и педагогической деятельностью (Заслуженный тренер, Заслуженный тренер России, Заслуженный работник физической культуры РФ, Мастер спорта России международного класса, Мастер спорта России), имеющий квалификационную категорию не ниже «тренер первой квалификационной категории» не позднее, чем год назад.

Конечно, приведенные выше определения нельзя считать идеальными, но они отражают, что называется, существо дела, учитывается жизненный путь наставника, его заслуги, опыт работы в физкультурно-спортивной сфере деятельности. Возможно, определение наставничества нуждается в дополнении, большим воспитательным компонентом как того требует Федеральный закон об образовании; 127-ФЗ о гармонизация образовательной и физкультурно-спортивной деятельности, рекомендации Министерства просвещения РФ, Минспорта России³ и т.д.

Следует учитывать так же, что современное наставничество – оплачиваемая деятельность согласно статье 351.8 Трудового Кодекса РФ «Особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда».

Наставник:

- выполняет работу на основании его письменного согласия;
- работы выполняются по поручению работодателя;
- целью работы является оказание помощи другому работнику во владении навыками работы на производстве и(или) на рабочем месте по порученной (получаемой) другим работником профессии (специальности);
- работник вправе досрочно отказаться от осуществления наставничества, а работодатель досрочно отменить поручения об осуществлении наставничества.

Что касается размеров оплаты наставничества, то они могут устанавливаться:

¹См. подробно: Распоряжение Правительства РФ от 18 февраля 2023 года №339-р. План мероприятий по проведению в Российской Федерации года педагога и наставника.

²Настольная книга Наставники спортивной организации. Учебно-методическое пособие. / Масягина Н.В., Быстрицкая Е.В., Курбанова К.Х., Дикун И.А. ГАОУ ВО МГУСиТ, Москва, 2025 г.

³См. подробно: Методические рекомендации от 9 августа 2023 года по организации деятельности организации, реализующих дополнительные образовательные программы, спортивной подготовки с учетом применения норм Федерального закона от 30 апреля 2021 г. №127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»

- для работников органов публичной власти федеральным законом, подзаконными актами, органами местного самоуправления;
- для работников иных организаций размеры и условия выплат устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами.

Размеры и условия осуществления выплат за наставничество должны быть не хуже, чем размеры и условия осуществления выплат за наставничество, установленные нормативными правовыми актами, соглашениями в соответствующей сфере, в т.ч., конечно, и в сфере физической культуры и спорта.

Конечно, в наставничестве далеко не все вопросы решаются с помощью денежных выплат. Особенно это касается молодежи, когда в качестве наставника по отношению к наставляемому выступает ученик старших классов или молодой педагог. Это характерно и для лиц, находящихся в физкультурно-спортивной образовательной среде, когда один спортсмен, более подготовленный и уже достаточно опытный, выступает наставником по отношению к своему коллеге, менее опытному и подготовленному спортсмену.

Отчасти эти вопросы решаются в документе под названием «Методология (целевая модель) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным программам среднего профессионального образования», утвержденным Министерством просвещения РФ от 25 декабря 2019г. №р-145". Данная модель наставничества ориентирована на создание условий для формирования эффективной поддержки самоопределения и профессиональной ориентацией всех обучающихся в возрасте от 10 лет, педагогов разных уровней образования, и молодых специалистов...

При этом Федеральный закон от 29.12.2012 г. №273 «Об образовании Российской Федерации» не содержит прямого указания о необходимости развития наставнической работы в системе образования. Косвенно, опосредованно, можно утверждать, что новые статьи этого закона, внесённые в 2020 и в 2021 годах, могут и должны содействовать организации системной работы по наставничеству в образовательной среде.

Речь идет о ст. 12.1 №273-ФЗ – общие требования к организации воспитания обучающихся – воспитание обучающихся при освоении ими основных образовательных программ в школах, СУЗах и ВУЗах на основе планов воспитательной работы с привлечением советов обучающихся и советов родителей, при их наличии и ст. 12.2 – общие требования к осуществлению просветительской деятельности – просветительскую деятельность могут осуществлять органы публичной власти, а также физические лица и индивидуальные предприниматели и т.д.

К настоящему времени уже появился достаточный опыт для разработки и внесения отдельной статьи о наставничестве в Федеральный Закон от 29.12.2012 г. №273 «Об образовании в Российской Федерации», а также в законодательство о молодежной политике.

В этой связи требуют уточнения и два ключевых Указа президента России: от 9 ноября 2020 года №809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и Указ от 17 мая 2023 года №358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года».

Данные указы, изданные два-три года назад, практически не содержат указаний о необходимости широкого развития наставнического движения, что сегодня востребовано государством и обществом, находит практическое применение в целом ряде российских регионов в качестве научных проектов и повседневной практики.

Примером такой деятельности в сфере физической культуры и спорта выступает Ханты-Мансийский автономный округ. Не уступает и г. Москва, где так же активно развивается наставническое движение, в том числе в коллективе Московского Государственного Университета спорта и туризма.

Положительную роль в развитии наставничества по-прежнему призван играть Федеральный закон от 30 апреля 2021 года №127-ФЗ о внесении изменений в законодательство об образовании и о физической культуре и спорте (вступивший в силу 1 января 2023 года).¹

127-ФЗ – это так называемый закон о гармонизации законодательства в сфере физической культуры и спорта, и образования, который не только уточняет: систему и этапы спортивной подготовки (ст. 32 №127-ФЗ); порядок организации дополнительного образования по программам спортивной подготовки (ст. 34.6 №127-ФЗ), место и роль спортивных федераций в этом процессе; ряд понятий («школьный спорт», «учебно-тренировочная деятельность» и т.д.), но и вводит такую важную категорию как «Тренер-преподаватель».

Согласно №127-ФЗ «Тренер-преподаватель — физическое лицо, которое имеет соответствующее среднее профессиональное образование или высшее профессиональное образование, организует учебно-тренировочный процесс, включая проведение со спортсменами, обучающимися учебно-тренировочных мероприятиями, а также руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов».

С позицией сегодняшнего дня очевидно, что данные определения следует дополнять положениями о том, что тренер-преподаватель организует и проводит мероприятия воспитательного и просветительного характера связанные с внедрением в детскую и молодежную среду традиционных российских духовно-нравственных ценностей и осуществляет наставническую работу в соответствии с распоряжением правительства РФ от 21 мая 2025 года №1264-р, утвердившим Концепцию развития наставничества в России и иных мероприятий по её реализации.

Аналогичные положения в отношении воспитательной работы можно предложить включить в статье №127-ФЗ (ст. 34.1, 34.3, 34.4) в отношении спортивных федераций. Через своих представителей (уполномоченных) федерации получили право беспрепятственно посещать организацию (по своему профилю) спортивной подготовки, участвовать в реализации образовательных программ (ДПО).

Речь следует вести и о системе организации воспитательной работы в процессе образовательной деятельности, а также и за ее пределами на всех этапах спортивной подготовки обучающихся (ст. 32 №127-ФЗ) — от этапа начальной подготовки (и даже спортивно-оздоровительного), до этапа высшего спортивного мастерства.

Усиления воспитательного компонента требуют положения Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года.

Заключение

Следует отметить, что за прошедшие годы в Российской Федерации не только сформировалась современная и качественная нормативная база для развития сферы физической культуры и спорта, совершенствования системы организации детско-

¹См. подробно: Глотов С.А., Масягина Н.В., Глотова Л.С., Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта в мире и в Российской Федерации (учебное пособие в формате презентации). Изд. 3-е, доп. и перераб. – М.: ГАОУ ВО Московский Государственный университет спорта и туризма, «Белый ветер». 2023. 154 с.

юношеского спорта, но и проделаны значительные шаги по ее последовательной реализации.

Не случайно, выступая на заседании Совета при президенте РФ по развитию физической культуры и спорта еще в 2020 году, президент России В.В. Путин, заявил, что свою положительную роль в этом сыграла «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период 2020 года», в реализации которой приняло участие 60 млн. человек. При этом президент России заострил внимание на необходимости решения еще целого комплекса задач, среди которых выделил: интенсивное развитие массового спорта в сочетании с совершенствованием соответствующей инфраструктуры в школах и вузах, по месту жительства и работы; необходимость активно развивать Центры раннего физического развития детей; проведение коррекции деятельности учреждений детско-юношеского и студенческого спорта и конечно же, важно не упускать из виду вопросы кадрового укрепления сферы физической культуры и спорта.

«Вот на что хотел бы обратить внимание, – подчеркнул В.В. Путин, –¹тренер в спортивной школе – тот же педагог, как и учитель физической культуры в школе. И все организации, где дети занимаются спортом, по сути своей образовательные.» А значит, хочется добавить в этой связи они должны активно участвовать в развитии наставнического движения вместе, конечно, со всеми теми, кто их окружает из числа работников учреждения, организаций, а также обучающихся. Это, в свою очередь будет способствовать и укреплению в обществе, молодежной среде традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э. Конституции Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. — Москва: Духовное просвещение, 2019 — 296 с.
2. Глотов С.А., Масыгина Н.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: вопросы формирования. Учебное пособие / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова М.: ГАОУ ВО МГУСИТ, Москва, 2025 – 138 с.
3. Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С. Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта в мире и в Российской Федерации (учебное пособие в форме презентации). Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: ГАОУ ВО МГУСИТ, «Белый ветер»; 2023 – 154 с.
4. Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С. Наставничество в современной России: вопросы, теория и практика. Учебное пособие в форме слайдов / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова. - М.: ГАОУ ВО МГУСИТ. М: «Галлея – принт», 2026 – 104 с.
5. Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С. Физическая культура и спорт России на службе Родины. (к 100-летию с начала формирования государственной системы физической культуры и спорта). Учебное пособие в форме слайдов / под ред. д.ю.н., проф. С.А. Глотова. – М.: Московский Государственный университет просвещения. Издательство Белый ветер, 2024 – 146 с.
6. Глотов С.А., Масыгина Н.В., Глотова Л.С., Парфенова Н.В., Государственная политика Российской Федерации в сфере безопасности детей, развития молодежных движений. Учебное пособие в форме слайдов / Под ред. д.ю.н. проф. Глотова С.А. М.: ГАОУ ВО МГУСИТ. ИП Воронцов М.Ю., 2025 – 143 с.

¹Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта при Президенте Российской Федерации под председательством Президента РФ В.В. Путина: https://paralymp.ru/press_center/news/official/06-10-2020-v_p_lukin_prinyal_uchastie_v_zasedanii_soveta_po_razvitiyu_fizicheskoy_kultury_i_sporta_pri_preziden/

7. Глотова Л.С. Методика обучения предмету физическая культура. Учебное пособие. часть II. М.: спортивно-педагогический колледж Москомспорта, 2016 — 192 с.
8. Глотова Л.С. Педагогические условия подготовки тренеров-преподавателей к реализации программ комплексного воспитания и развитие дошкольников. Монография – М.: МГУСИТ, ИП Воронцов М.Ю., 2025 – 186 с.
9. Глотова Л.С. Современное состояние детско-юношеского спорта в Российской Федерации. – М.: АПК и ППРО, 2009 – 196 с.
10. Государственная поддержка семьи в Российской Федерации / под ред. Г. И. Климантовой. – Москва: РИТМ, 2025 – 74 с.
11. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Том 2. От Великой Победы до краха. — М.: Канцентаул, 2025 — 656 с.
12. Каткова А.М., Лях В.И., Глотова Л.С., Быстрицкая Е.В. Программа раннего развития детей города Москвы в возрасте от одного года до семи лет на основании координационных упражнений: учебно-методическое пособие. — М.: ГАОУ ВО МГУСИТ, 2023 — 356 с.
13. Кобяков Ю. П. Физическая культура. Основы здорового образа жизни: учебное пособие. / Ю. П. Кобяков — Ростов Н/Д: Феникс, 2012 — 252 с.
14. Масыгина Н.В. Педагогическая система профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров физкультурно-спортивной отрасли: автореферат дис. ... доктора педагогических наук – Москва, 2021. - 40 с.
15. Настольная книга Наставники спортивной организации. Учебно-методическое пособие. / Масыгина Н.В., Быстрицкая Е.В., Курбанова К.Х., Дикун И.А. ГАОУ ВО МГУСИТ, Москва, 2025 г.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений, С.И. Ожегов под редакцией профессора Л.И. Скворцова, 27 изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2018. – 325 с.
17. Паршиков А.Т. Спортивная школа: история и современность. Учебно-метод. пособие / А.Т. Паршиков – М.: Спорт, 2023 – 144 с.
18. Преемственность поколений в системе традиционных семейных ценностей России. К 80-летию Великой Победы.: Материалы XXIII Международного Конгресса «Российская семья» (28 мая 2025 г.) / под общ. ред. Г.И. Климантовой – Москва: РИТМ, 2025 – 208 с.
19. Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства: Н.В. Масыгина, С. В. Начинская, Е.В. Быстрицкая, А.В Соловьева, МГУСИТ – Москва: ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ», Нижний Новгород, 2023 – 170 с.

REFERENCES:

1. Bagdasaryan V.E. Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii v sravnitel'nom stranovom i istoricheskom analize. — М., 2019 — 296 s.
2. Glotov S.A., Masyagina N.V. Traditsionnyye rossiyskiye dukhovno-nravstvennyye tsennosti: voprosy formirovaniya. Uchebnoye posobiye / Pod red. d.yu.n., prof. S.A. Glotova M., 2025 – 138 s.
3. Glotov S.A., Masyagina N.V., Glotova L.S. Aktual'nyye problemy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v mire i v Rossiyskoy Federatsii (uchebnoye posobiye v forme prezentatsii). М., 2023 – 154 s.
4. Glotov S.A., Masyagina N.V., Glotova L.S. Nastavnichestvo v sovremennoy Rossii: voprosy, teoriya i praktika. Uchebnoye posobiye v forme slaydov / Pod red. d.yu.n., prof. S.A. Glotova. - М., 2026 – 104 s.

5. Glotov S.A., Masyagina N.V., Glotova L.S. Fizicheskaya kul'tura i sport Rossii na sluzhbe Rodiny. (k 100-letiyu s nachala formirovaniya gosudarstvennoy sistemy fizicheskoy kul'tury i sporta). Uchebnoye posobiye v forme slaydov / pod red. d.yu.n., prof. S.A. Glotova. – M., 2024 – 146 s.
6. Glotov S.A., Masyagina N.V., Glotova L.S., Parfenova N.V., Gosudarstvennaya politika Rossiyskoy Federatsii v sfere bezopasnosti detey, razvitiya molodezhnykh dvizheniy. Uchebnoye posobiye v forme slaydov / Pod red. d.yu.n. prof. Glotova S.A. M., 2025 – 143 s.
7. Glotova L.S. Metodika obucheniya predmetu fizicheskaya kul'tura. Uchebnoye posobiye. chast' II. M., 2016 — 192 s.
8. Glotova L.S. Pedagogicheskiye usloviya podgotovki trenerov-prepodavateley k realizatsii programm kompleksnogo vospitaniya i razvitiye doskol'nikov. Monografiya – M., 2025 – 186 s.
9. Glotova L.S. Sovremennoye sostoyanii detsko-yunosheskogo sporta v Rossiyskoy Federatsii. – M., 2009 – 196 s.
10. Gosudarstvennaya podderzhka sem'i v Rossiyskoy Federatsii / pod red. G. I. Klimantovoy. – M., 2025 – 74 s.
11. Kara-Murza S. G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Tom 2. Ot Velikoy Pobedy do krakha. — M., 2025 — 656 s.
12. Katkova A.M., Lyakh V.I., Glotova L.S., Bystritskaya Ye.V. Programma rannego razvitiya detey goroda Moskvy v vozraste ot odnogo goda do semi let na osnovanii koordinatsionnykh uprazhneniy: uchebno-metodicheskoye posobiye. — M., 2023 — 356 s.
13. Kobyakov YU. P. Fizicheskaya kul'tura. Osnovy zdorovogo obraza zhizni: uchebnoye posobiye. / YU. P. Kobyakov — Rostov N/D: Feniks, 2012 — 252 s.
14. Masyagina N.V. Pedagogicheskaya sistema professional'noy perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii kadrov fizkul'turno-sportivnoy otrasli: avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk – M., 2021. - 40 s.
15. Nastol'naya kniga Nastavniki sportivnoy organizatsii. Uchebno-metodicheskoye posobiye. / Masyagina N.V., Bystritskaya Ye.V., Kurbanova K.KH., Dikun I.A. GAOU VO MGUSiT, M., 2025.
16. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy, S.I. Ozhegov pod redaktsiyey professora L.I. Skvortsova, 27 izd., pererab. – M., 2018. – 325 s.
17. Parshikov A.T. Sportivnaya shkola: istoriya i sovremennost'. Uchebno-metod. posobiye / A.T. Parshikov – M., 2023 – 144 s.
18. Preyemstvennost' pokoleniy v sisteme traditsionnykh semeynykh tsennostey Rossii. K 80-letiyu Velikoy Pobedy.: Materialy XXIII Mezhdunarodnogo Kongressa «Rossiyskaya sem'ya» (28 maya 2025 g.) / pod obshch. red. G.I. Klimantovoy – M., 2025 – 208 s.
19. Sovremennyye tendentsii, problemy i puti razvitiya fizicheskoy kul'tury, sporta, turizma i gostepriimstva: N.V. Masyagina, S. V. Nachinskaya, Ye.V. Bystritskaya, A.V Solov'yeva, MGUSIT – Moskva: ООО «Pechatnaya Masterskaya RADONEZH» Nizhniy Novgorod, 2023 – 170 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, народный депутат РСФСР, депутат Государственной думы России I, II, IV созывов;

Глотова Лариса Сергеевна – старший преподаватель кафедры психологии ГАОУ ВО Московский государственный университет спорта и туризма.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey Glotov (Moscow) – Leading Researcher, Department of Jurisprudence, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor;

Larisa Glotova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Psychology, Moscow State University of Sport and Tourism.

Научная статья
УДК 332
DOI 10.63926/A/26-1-60

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Довгялло Я.П.

*Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан
734024 Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Ризо 6А
E-mail: ydovgyallo@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3445*

Аннотация

В статье рассматривается педагогический потенциал технологий искусственного интеллекта в современном образовании. Показано, что искусственный интеллект может выступать инструментом персонализации обучения, поддержки формирующего оценивания, расширения доступности образования, автоматизации рутинных педагогических задач и развития новых форм учебной деятельности. Одновременно подчеркивается, что педагогическая эффективность таких технологий не является автоматической и зависит от качества дидактического проектирования, уровня подготовки педагогов, соблюдения принципов этики, защиты данных и обеспечения образовательной справедливости. Делается вывод о том, что педагогический потенциал искусственного интеллекта раскрывается в наибольшей степени в условиях человекоцентричного подхода, при котором технология дополняет профессиональную деятельность преподавателя, а не подменяет ее. Основой такого подхода выступают критическое осмысление возможностей и ограничений искусственного интеллекта, развитие ИИ-грамотности и институциональное регулирование его использования в образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, педагогический потенциал, персонализация обучения, формирующее оценивание, ИИ-грамотность, цифровая педагогика

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Dovgyallo Y.P.

*Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
6A Mirzo Rizo str., Dushanbe, 734024 Republic of Tajikistan
E-mail: ydovgyallo@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3445*

Abstract

The article examines the pedagogical potential of artificial intelligence technologies in modern education. It is shown that artificial intelligence can act as a tool for personalizing learning, supporting formative assessment, expanding educational accessibility, automating routine pedagogical tasks, and developing new forms of learning activities. At the same time, it is emphasized that the pedagogical effectiveness of such technologies is not automatic and depends on the quality of didactic design, the level of teacher training, compliance with the principles of ethics, data protection and ensuring educational fairness. It is concluded that the

pedagogical potential of artificial intelligence is revealed to the greatest extent in the context of a human-centered approach, in which technology complements the professional activity of the teacher, rather than replacing it. This approach is based on a critical understanding of the possibilities and limitations of artificial intelligence, the development of AI literacy and the institutional regulation of its use in education.

Keywords: artificial intelligence, education, pedagogical potential, personalization of learning, formative assessment, AI literacy, digital pedagogy

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта стало одним из наиболее значимых факторов трансформации образовательной среды. По оценке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), понимание влияния ИИ на образование требует сопоставления возможностей этих систем с человеческими навыками и анализа того, какие виды учебной и профессиональной деятельности ИИ способен автоматизировать, а в каких случаях — дополнять человеческую деятельность [1]. Это означает, что вопрос о внедрении ИИ в образование не сводится к техническому обновлению среды обучения, а затрагивает фундаментальные педагогические вопросы: чему учить, как учить и какие компетенции становятся приоритетными в условиях ИИ-насыщенного мира.

UNESCO в руководстве по генеративному искусственному интеллекту в образовании и науке подчеркивает, что новые ИИ-инструменты развиваются быстрее, чем успевают адаптироваться национальные системы регулирования и образовательные институты. В этих условиях образовательная политика и педагогическая практика должны быть ориентированы на человекоцентричное использование ИИ, при котором технологии усиливают образовательный процесс, но не подрывают агентность обучающегося, профессиональную роль педагога и базовые гуманистические ценности образования [2].

Актуальность темы определяется тем, что сегодня искусственный интеллект уже используется в образовательных системах в виде адаптивных обучающих платформ, интеллектуальных систем поддержки, средств автоматизированной проверки, генеративных инструментов создания и переработки учебного контента, а также аналитических решений для сопровождения образовательного процесса. Систематический обзор исследований по искусственному интеллекту в образовании показывает, что современное пространство применения технологий ИИ охватывает персонализированное обучение, интеллектуальное тьюторство, оценивание, прогнозирование, управление образовательным процессом и новые продукты на основе генеративных моделей [3].

Вместе с тем педагогический потенциал ИИ не может оцениваться только через перечень технических возможностей. Европейские этические рекомендации по использованию ИИ и данных в обучении подчеркивают, что ИИ уже влияет на то, как работают школы, университеты и педагоги, делая образовательные практики более чувствительными к индивидуальным потребностям учащихся, но одновременно создавая риски, связанные с приватностью, прозрачностью, предвзятостью алгоритмов и ответственностью за принимаемые решения. Следовательно, научный анализ педагогического потенциала ИИ требует одновременного учета как продуктивных возможностей технологии, так и ограничений ее использования в образовательной среде.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных направлений педагогического потенциала технологий искусственного интеллекта и условий его продуктивной реализации в образовательной практике.

Основная часть

Искусственный интеллект в современной образовательной среде целесообразно рассматривать не как отдельный цифровой инструмент, а как комплекс взаимосвязанных технологических решений, способных оказывать системное влияние на содержание, организацию и результаты педагогической деятельности. Его внедрение затрагивает не только техническую сторону образовательного процесса, но и более глубокие основания педагогики: характер взаимодействия между преподавателем и обучающимся, способы представления и освоения знаний, логику контроля и оценки, а также саму структуру образовательной среды [4]. В связи с этим искусственный интеллект выступает как один из факторов трансформации педагогики, стимулирующий пересмотр традиционных представлений о преподавании, обучении и роли участников образовательного процесса.

Существенная особенность искусственного интеллекта состоит в том, что он способен выполнять часть операций, которые ранее рассматривались преимущественно как результат интеллектуальной деятельности человека. Речь идет о распознавании и обработке информации, анализе больших массивов данных, выявлении закономерностей, генерации текстов, подборе материалов, формировании ответов на запросы и поддержке принятия решений.

Одновременно искусственный интеллект трансформирует способы организации учебной деятельности. Если традиционное обучение часто строилось на единых темпах, общих заданиях и стандартизированных способах контроля, то современные интеллектуальные системы создают возможности для большей вариативности образовательного процесса [5]. Они позволяют учитывать уровень подготовки обучающихся, динамику освоения материала, характер затруднений, типичные ошибки и индивидуальные особенности познавательной деятельности. Это способствует переходу от усредненной модели обучения к более гибким формам педагогического сопровождения. Тем самым искусственный интеллект становится фактором, усиливающим индивидуализацию и дифференциацию обучения, что особенно важно в условиях массового образования.

С педагогической точки зрения важно и то, что искусственный интеллект влияет на характер учебного содержания. В условиях свободного доступа к интеллектуальным системам, способным генерировать тексты, решения и объяснения, изменяется само понимание учебного результата [6]. Значимость начинает приобретать не столько простое воспроизведение информации, сколько способность работать с ней критически, сравнивать разные источники, выявлять ошибки и ограничения, строить собственную аргументацию и использовать технологию как вспомогательный, а не определяющий инструмент познания. Это ведет к усилению метапредметной составляющей образования и повышает ценность тех педагогических подходов, которые ориентированы на формирование самостоятельности мышления, исследовательской культуры и познавательной ответственности.

Оценивание в образовании связано не только с измерением, но и с пониманием индивидуального прогресса, мотивации, усилий и контекста учебной деятельности. В этой сфере искусственный интеллект должен рассматриваться не как автономный оценщик, а как инструмент поддержки педагогического анализа.

Трансформационный потенциал искусственного интеллекта проявляется также на уровне управления образовательным процессом. Интеллектуальные системы способны собирать и обрабатывать данные о посещаемости, результатах, активности обучающихся, характере учебных затруднений и динамике продвижения. Это открывает возможности для более точного прогнозирования, раннего выявления рисков учебной неуспешности и принятия более обоснованных организационно-педагогических

решений. В то же время подобные возможности требуют осторожного и ответственного использования, поскольку работа с образовательными данными связана с вопросами конфиденциальности, прозрачности алгоритмов и допустимых границ цифрового наблюдения.

Систематические обзоры современной литературы подтверждают, что искусственный интеллект уже используется в нескольких устойчивых направлениях образовательной практики (рис.). К их числу относятся адаптивное и персонализированное обучение, интеллектуальное тьюторство, автоматизированное оценивание, прогнозирование образовательных результатов, профилирование обучающихся, сопровождение принятия педагогических решений и институциональная аналитика. Такое разнообразие направлений свидетельствует о том, что педагогический потенциал ИИ является многомерным и выходит далеко за пределы автоматизации отдельных функций преподавателя. Он затрагивает как микропроцессы обучения, так и более широкие институциональные механизмы организации образования.

Рис. Трансформация педагогической практики под влиянием технологий искусственного интеллекта

Искусственный интеллект, воплощенный в тех, или иных технологических решениях, влияет на цели образования, формы организации учебной деятельности, содержание педагогического взаимодействия, подходы к оценке, управление образовательным процессом и профессиональную роль педагога. Именно поэтому анализ педагогического потенциала искусственного интеллекта требует не только технологического, но прежде всего дидактического и методологического осмысления. Вопрос заключается уже не в том, использовать или не использовать ИИ в образовании, а в том, каким образом интегрировать его в педагогическую практику так, чтобы он

способствовал повышению качества образования, развитию личности обучающегося и укреплению профессиональной роли преподавателя.

Одним из наиболее часто упоминаемых направлений педагогического потенциала ИИ является персонализация обучения. ОЭСР в рабочем документе о влиянии ИИ на справедливость и инклюзию в образовании отмечает, что ИИ может поддерживать адаптацию обучения к особенностям обучающихся, хотя такая адаптация должна сопровождаться вниманием к вопросам доступа, предвзятости и подготовки педагогов [7]. Европейские рекомендации также подчеркивают, что ИИ делает образовательную среду более отзывчивой к индивидуальным потребностям каждого учащегося и все активнее используется в персонализированном тьюторстве.

Педагогическое значение персонализации состоит в том, что образовательный процесс может быть выстроен с учетом темпа освоения материала, пробелов в знаниях, учебных предпочтений и текущих результатов обучающегося. В дидактическом плане это создает предпосылки для более гибкой организации учебной траектории, снижения когнитивной перегрузки и перехода от усредненных моделей обучения к более адресной педагогической поддержке. В руководстве UNESCO по использованию искусственного интеллекта в образовании подчеркивается, что «педагогическое проектирование использования генеративного ИИ должно оставаться человекоцентричным и возрастосообразным, иначе технологическая адаптация может подменить собой собственно педагогическую диагностику и осмысленное сопровождение учащегося» [8]. Европейские этические рекомендации прямо связывают применение ИИ в образовании с необходимостью защищать права обучающихся и учитывать риски использования больших массивов данных в учебной среде.

В настоящее время со всех сторон звучат призывы о переосмыслении образовательных приоритетов в мире, где ИИ начинает превосходить человека в ряде задач чтения, математики и научного рассуждения. Это связано с тем, что практики применения ИИ практически ежедневно расширяют точки его применения в педагогике и образовании.

Несмотря на значительные возможности, педагогический потенциал ИИ имеет принципиальные ограничения. UNESCO фиксирует, что отсутствие национальных регуляторных рамок во многих странах оставляет без должной защиты приватность данных пользователей и делает образовательные организации недостаточно готовыми к валидации инструментов ИИ. Руководство UNESCO поэтому предлагает шаги по регулированию генеративного ИИ, включая защиту данных, возрастные ограничения и человекоцентричный подход к этической и педагогической валидации [2].

ОЭСР указывает, что неконтролируемое внедрение ИИ в образовательные организации может привести к тому, что преимущества и риски технологии будут распределяться неравномерно: более обеспеченные школы и учреждения получают доступ раньше и в большем объеме, а существующие различия в ресурсах могут усилиться. В документе также подчеркиваются риски алгоритмической предвзятости, проблем приватности, необходимости подготовки учителей и сохранения образовательной добросовестности [7]. Европейские рекомендации для педагогов связывают ответственное использование ИИ с необходимостью этической рефлексии, соблюдения правовых норм и развития компетенций в области работы с ИИ и данными.

Заключение

В настоящей работе рассмотрено влияние искусственного интеллекта на педагогическую науку и практику и профессиональную деятельность современного преподавателя. С одной стороны, интеллектуальные системы действительно способны

снижать объем рутинной нагрузки, связанной с подготовкой типовых материалов, предварительной обработкой информации, созданием вариантов заданий и выполнением части технических операций. С другой стороны, такое перераспределение функций не уменьшает значение педагога, а, напротив, подчеркивает уникальность его профессиональной роли. В условиях активного внедрения искусственного интеллекта именно преподаватель сохраняет ответственность за педагогическое целеполагание, отбор содержания обучения, интерпретацию результатов, организацию содержательного взаимодействия, воспитательное сопровождение и формирование ценностно-смысловых оснований образования. Следовательно, педагогический потенциал искусственного интеллекта наиболее полно раскрывается не в логике замещения педагога, а в логике усиления его профессиональных возможностей.

Отдельно следует подчеркнуть, что развитие генеративного искусственного интеллекта актуализировало вопрос о новых формах учебной деятельности. Сегодня обучающийся получает возможность использовать интеллектуальные системы для поиска и структурирования информации, языковой переработки текстов, моделирования, выдвижения гипотез, сравнения различных вариантов решения и рефлексии над собственными познавательными действиями. Это означает, что педагогическая задача смещается от простого контроля за воспроизведением информации к организации таких форм учебной работы, в которых использование искусственного интеллекта становится средством осмысленного познания, а не заменой самостоятельного мышления. В данном контексте особую значимость приобретают развитие критического мышления, ИИ-грамотности, академической добросовестности и способности к оценке качества результатов, получаемых с помощью интеллектуальных систем.

Вместе с тем проведенный анализ подтверждает, что педагогический потенциал искусственного интеллекта имеет не только очевидные преимущества, но и серьезные ограничения. К числу наиболее значимых рисков относятся непрозрачность алгоритмических решений, возможная предвзятость обучающих моделей, угроза нарушения конфиденциальности данных, неравный доступ к технологическим ресурсам, а также опасность снижения познавательной самостоятельности обучающихся при некритичном использовании генеративных систем. Кроме того, без специальной подготовки преподавателей и четких институциональных регуляторов искусственный интеллект может использоваться фрагментарно, ситуативно и методически необоснованно, что снижает его образовательную ценность. По этой причине вопрос об использовании ИИ в образовании должен решаться не только на технологическом, но и на педагогическом, этическом и управленческом уровнях.

Принципиально важным выводом является то, что продуктивная реализация педагогического потенциала искусственного интеллекта возможна лишь при соблюдении определенных условий. К таким условиям относятся человекоцентричный подход к внедрению ИИ, системная подготовка педагогов, развитие цифровой и ИИ-грамотности обучающихся, выработка этических и правовых рамок использования интеллектуальных технологий, а также постоянная оценка их реального влияния на качество образования. Только в этом случае искусственный интеллект может стать не фактором дестабилизации образовательного пространства, а ресурсом его дальнейшего развития.

Таким образом, педагогический потенциал технологий искусственного интеллекта заключается в их способности усиливать образовательный процесс, делать его более гибким, адресным, аналитически поддержанным и технологически разнообразным. Однако подлинная образовательная значимость этих технологий

определяется не степенью их технической сложности, а тем, насколько осмысленно и педагогически обоснованно они интегрируются в практику обучения. В перспективе искусственный интеллект следует рассматривать как важный ресурс развития современной педагогики, требующий научного анализа, методического сопровождения и ответственного применения. Именно при таком подходе возможно использование ИИ не как внешнего технологического новшества, а как инструмента, способного содействовать повышению качества образования, развитию личности обучающегося и укреплению профессиональной роли педагога в условиях цифровой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Artificial intelligence and education and skills. URL:<https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/artificial-intelligence-and-education-and-skills.html> (дата обращения: 7.02.2026 г.)
2. Guidance for generative AI in education and research. URL:<https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research> (дата обращения: 7.02.2026 г.)
3. Wang Sh., Wang F., Zhu Zh., J. Wang, Tran T., Du Zh. Artificial intelligence in education: A systematic literature review. *Expert Systems with Applications*. 2024;252(A):2024.
4. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: проблемы и перспективы // *Социальные новации и социальные науки*. 2021. № 2 (4). С. 98–113.
5. Андреева Е.А., Донцов А.В. Искусственный интеллект в современном образовании. Экономические и гуманитарные исследования регионов // 2025. № 1. С. 8–11.
6. Галагузова М.А., Галагузова Ю.Н., Штинова Г.Н. Искусственный интеллект в педагогике: от понятия к функции // *Педагогическое образование в России*. 2024. № 2. С. 48–55.
7. The potential impact of artificial intelligence on equity and inclusion in education. OECD, August 2024. No. 23.
8. Guidance for generative AI in education and research. URL:<https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research> (дата обращения: 12.02.2026 г.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Довгялло Яна Павловна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dovgyallo Yana Pavlovna – PhD in Economics, Researcher at the Institute of Economics and Demography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Научная статья

УДК 658.3

DOI 10.63926/A/26-1-67

НЕПРЕРЫВНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Яценко М.А.¹, Ананченкова П.И.²

^{1,2}*Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко*

105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, Российская Федерация

¹*E-mail: m.yatsenko@factoring.rshb.ru; ORCID: 0009-0003-7303-1529*

²*E-mail: ananchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3683-5168*

Аннотация

В статье рассматривается непрерывное корпоративное обучение как значимый фактор развития профессиональных компетенций работников старших возрастных групп в условиях технологической трансформации труда и старения рабочей силы. Показано, что для данной категории работников участие в обучении приобретает не только квалификационное, но и адаптационное значение, поскольку позволяет поддерживать профессиональную мобильность, цифровую готовность, занятость и способность к передаче опыта внутри организации. Обосновывается, что корпоративное обучение наиболее результативно тогда, когда оно встроено в стратегию развития персонала, учитывает возрастные особенности обучающихся, сочетает формальные и неформальные форматы, а также опирается на персонализацию, практико-ориентированность и межпоколенческое взаимодействие. Делается вывод о том, что непрерывное корпоративное обучение следует рассматривать как инструмент не только обновления знаний, но и поддержания профессионального долголетия работников старших возрастных групп.

Ключевые слова: непрерывное образование, корпоративное обучение, профессиональные компетенции, работники старших возрастных групп, профессиональное развитие, человеческий капитал, обучение взрослых

CONTINUOUS CORPORATE TRAINING AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF EMPLOYEES OF OLDER AGE GROUPS

Yatsenko M.A.¹, Ananchenkova P. I.²

^{1,2}*National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko
Vorontsovo Pole str., Moscow, 105064, Russian Federation*

¹*E-mail: m.yatsenko@factoring.rshb.ru; ORCID: 0009-0003-7303-1529*

²*E-mail: ananchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3683-5168*

Abstract

In the context of accelerated digital transformation, strict regulatory control and high volatility of financial markets, corporate training is becoming a strategic resource for the sustainable development of banks. The article analyzes the specifics of the organization and content of corporate training systems in the banking sector based on international and Russian

empirical data, including reports from the World Economic Forum, Deloitte, HSE and regulatory documents. It is shown that modern corporate training in banks goes beyond traditional forms of professional development and is transformed into an integrated learning ecosystem combining digital platforms, micro-training, on-the-job training and managerial development. Special attention is paid to the dual nature of training requests: on the one hand, the need to ensure regulatory hygiene (AML/CFT, compliance, cybersecurity), on the other, the development of digital and analytical competencies (AI, big data, digital client analytics). The key organizational models are considered, first of all, corporate universities of the largest financial institutions (BEAC, the Bank of Russia), as well as the challenges faced by banks: overload of compulsory education, difficulty of integration into business processes, difficulties in assessing business effects and risks of leakage of qualified personnel. It proves that the future of corporate training in the banking sector is linked to the personalization of trajectories, in-depth integration into the IT infrastructure, strengthening ties with the EdTech ecosystem and a focus on strategic competencies, including ESG and sustainable financing. Thus, corporate training acts not just as a function of HR departments, but as a strategic service that ensures banks' adaptation to technological, regulatory and market changes.

Keywords: continuing education, corporate training, professional competencies, senior age group employees, professional development, human capital, adult education

Введение

Современный рынок труда характеризуется одновременным действием двух устойчивых процессов: ускорением технологических изменений и старением рабочей силы. Международная организация труда указывает, что демографические сдвиги и старение трудовых ресурсов становятся одним из факторов, влияющих на динамику занятости, производительности и экономического роста. В этих условиях поддержание и обновление компетенций работников старших возрастных групп становится не факультативной, а стратегической задачей для работодателя [1].

Для российской практики данная проблема имеет и нормативное измерение. Согласно статье 196 Трудового кодекса РФ, необходимость подготовки работников, профессионального обучения и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель; он же устанавливает формы подготовки и обучения, а также обязан создавать условия для совмещения работы и получения образования. Тем самым корпоративное обучение получает прямое правовое основание как элемент кадровой политики организации [2].

Актуальность темы усиливается тем, что старшие возрастные группы работников нередко сталкиваются не только с риском устаревания профессиональных знаний, но и с неравным доступом к обучению. По данным OECD, цифровая трансформация требует масштабных усилий по повышению квалификации и переподготовке работников, при этом именно пожилые работники в большей степени подвержены риску устаревания навыков и реже участвуют в корпоративном обучении по сравнению с более молодыми возрастными группами.

Основная часть

В научной литературе корпоративное обучение рассматривается как особая форма организации профессиональной подготовки сотрудников, ориентированная на получение новых знаний и умений для повышения эффективности как индивидуальной, так и организационной деятельности. В российской литературе подчеркивается, что затраты на обучение и развитие персонала следует рассматривать как долгосрочные инвестиции в человеческий капитал организации, а наиболее эффективной формой

выступает не разовое обучение, а формализованная и стратегически ориентированная система корпоративного обучения [3].

Одновременно непрерывное образование понимается как более широкая рамка, внутри которой корпоративное обучение выступает прикладной, неформальной или смешанной формой образовательной активности взрослого человека [4]. В этом смысле корпоративное обучение не заменяет формальное образование, а дополняет его, обеспечивая актуализацию знаний, переподготовку, освоение передового опыта и адаптацию к новым производственным требованиям.

Для работников старших возрастных групп особое значение имеет сама идея непрерывности обучения. OECD на основе данных PIAAC показывает, что с возрастом наблюдаются значимые различия в уровне информационно-процессуальных навыков, в частности цифровой грамотности [5]. Однако эти различия не означают автоматического снижения профессиональной ценности пожилых работников: снижение части когнитивных параметров может компенсироваться опытом, накопленными практическими знаниями и дальнейшим обучением. Следовательно, задача корпоративного обучения состоит не в «исправлении возраста», а в поддержании актуальности компетентностного профиля работника.

В исследованиях возрастного менеджмента нижняя граница пожилых работников нередко проводится от 45 лет и старше; именно для этой категории предлагаются специальные стратегии кадровой политики, направленные на сохранение продуктивности, работоспособности и включенности в организационные процессы. Это позволяет в рамках данной статьи рассматривать работников старших возрастных групп как сотрудников 45+ при сохранении условности такой границы в разных секторах и профессиях.

Связь между непрерывным корпоративным обучением и развитием профессиональных компетенций работников старших возрастных групп проявляется в нескольких измерениях.

Во-первых, обучение обеспечивает поддержание актуальности профессиональных знаний в условиях меняющихся технологий и организационных моделей труда. OECD прямо указывает, что адаптация к изменяющимся требованиям к навыкам требует масштабного апскиллинга и рескиллинга, а пожилые работники в большей степени подвержены риску устаревания навыков [1]. Следовательно, непрерывное обучение выполняет компенсаторную и адаптационную функцию, снижая вероятность профессионального исключения работников старшего возраста из новых технологических контуров.

Во-вторых, участие в обучении способствует сохранению employability работников старших возрастных групп. В обзоре IZA World of Labor отмечается, что обучение и переобучение могут рассматриваться как инструменты, способные замедлять или частично компенсировать снижение отдельных когнитивных характеристик, при условии, что старшие работники имеют возможность осваивать новые навыки [6]. Тем самым обучение связано не только с ростом текущей эффективности, но и с продлением профессиональной востребованности.

В-третьих, корпоративное обучение развивает не только узкоспециальные, но и трансверсальные компетенции: цифровую готовность, способность к организационной адаптации, коммуникативные навыки, готовность к межфункциональному взаимодействию. В систематическом обзоре 2024 года, охватившем 51 исследование по обучению стареющей рабочей силы в производстве и сервисе, в качестве эффективных подходов названы lifelong learning, использование технологий и интегрированного

обучения; авторы подчеркивают, что результативность обучения определяется взаимодействием индивидуальных, организационных и социальных факторов [7].

В-четвертых, именно корпоративная среда позволяет связать обучение с реальным трудовым поведением. Российские исследования подчеркивают, что корпоративное обучение результативно тогда, когда оно встроено в стратегическое управление организацией и ориентировано на потребности рабочих мест, подразделений и целей бизнеса. В таком случае профессиональные компетенции развиваются не абстрактно, а в контексте конкретных задач труда, что особенно важно для взрослых обучающихся, ориентированных на практическую применимость осваиваемого содержания.

Рассмотрим особенности обучения работников старших возрастных групп в корпоративной среде.

Ключевая методическая проблема состоит в том, что работники старших возрастных групп не образуют однородной группы. Исследования по корпоративному обучению в российском контексте отмечают целесообразность дифференциации обучения с учетом социального возраста работающего персонала; такой подход позволяет точнее подбирать инструменты формирования корпоративной компетентности и повышать эффективность кадровой работы.

Это означает, что непрерывное корпоративное обучение для работников старших возрастных групп должно строиться на принципах адресности и вариативности. Универсальные курсы, одинаково предлагаемые всем возрастам, часто оказываются менее эффективными, чем программы, учитывающие образовательный опыт, сложившиеся профессиональные роли, мотивацию, темп освоения цифровых инструментов и потребность в осмыслении практической значимости обучения. Сама логика *lifelong learning*, развиваемая UNESCO, исходит из необходимости создавать условия, при которых обучение становится реальностью на протяжении всей жизни, а не эпизодическим событием [8].

Существенным барьером остается неравный доступ к обучению. OECD фиксирует устойчивый образовательный разрыв между пожилыми и молодыми работниками даже в развитых странах. Одновременно данные OECD по стареющим работникам показывают, что значительная часть работников 45+ заинтересована в обучении, но не участвует в нем; следовательно, проблема заключается не только в мотивации самих работников, но и в организационном дизайне программ, доступности форматов и управленческих установках работодателя.

Отсюда вытекает важный практический вывод: для старших возрастных групп особенно значимы такие форматы, как смешанное обучение, наставничество, обучение на рабочем месте, короткие модульные программы, проектные задания, взаимное обучение и межпоколенческий обмен знаниями. Систематический анализ стареющей рабочей силы показывает, что обучение между поколениями является одним из наиболее эффективных подходов, а исследования в области продления трудового стажа указывают на важность создания систем передачи компетенций между пожилыми и молодыми сотрудниками [7].

Непрерывное корпоративное обучение становится реальным фактором развития профессиональных компетенций работников старших возрастных групп не само по себе, а при наличии определенных организационно-педагогических условий. В противном случае обучение может сохранять формальный характер, не приводя к устойчивым изменениям в профессиональном поведении, качестве труда и адаптивности работников к меняющимся требованиям производственной среды. Анализ научной литературы и нормативных оснований позволяет выделить несколько взаимосвязанных условий, определяющих результативность такой работы.

Прежде всего, необходима институционализация обучения внутри организации, то есть его превращение из эпизодической кадровой меры в системный элемент управления персоналом. В исследованиях по корпоративному обучению подчеркивается, что обучение оказывается наиболее эффективным тогда, когда оно связано со стратегическими целями организации, ориентировано на долгосрочное развитие человеческого капитала и поддерживается руководством, а не реализуется в виде разовых мероприятий без последующего сопровождения. В этом случае обучение начинает выполнять не только компенсирующую функцию, устраняя отдельные дефициты знаний, но и развивающую функцию, обеспечивая готовность персонала к профессиональным изменениям, новым технологиям и трансформации организационных процессов. Российские авторы справедливо отмечают, что вложения в обучение оправданы именно при системном подходе, когда организация рассматривает развитие персонала как инвестицию, а не как сопутствующий расход.

Для работников старших возрастных групп данное условие имеет особое значение. Если обучение не встроено в кадровую политику, именно эта категория работников чаще других оказывается вне образовательных возможностей: работодатель может ошибочно исходить из того, что инвестиции в работников старшего возраста менее перспективны, а сами программы в таком случае ориентируются преимущественно на молодых специалистов. Между тем в условиях старения рабочей силы и удлинения профессиональной жизни подобный подход становится управленчески неэффективным. Системный характер корпоративного обучения позволяет включать работников старших возрастных групп в общую логику организационного развития, рассматривая их не как объект «поддерживающих» мер, а как полноценный ресурс профессиональной устойчивости компании.

Вторым важным условием выступает персонализация содержания, форматов и траекторий обучения. Работники старших возрастных групп входят в образовательный процесс с уже сформированным профессиональным опытом, устойчивыми трудовыми практиками, индивидуальным темпом освоения нового материала и различной степенью готовности к технологическим изменениям. По этой причине универсальные программы, одинаково адресованные всем категориям персонала, нередко оказываются недостаточно эффективными. Их слабость состоит в том, что они либо воспроизводят уже известное работнику содержание, либо, напротив, не учитывают его реальные профессиональные задачи и уровень подготовленности.

Персонализированный подход предполагает, что обучение строится на диагностике актуальных и перспективных компетентностных дефицитов, соотносится с конкретным профессиональным профилем работника и позволяет проектировать индивидуальную траекторию развития. В таком случае обучение не сводится к передаче стандартизированного набора сведений, а становится инструментом целенаправленного обновления тех знаний и навыков, которые действительно значимы для продолжения эффективной профессиональной деятельности. В исследованиях по корпоративному обучению подчеркивается, что современная образовательная среда движется в сторону гибкости, модульности и адаптации решений под конкретную организационную задачу, а не под абстрактный «средний» профиль обучающегося [9].

Для работников старших возрастных групп персонализация важна еще и потому, что она снижает риск психологического отторжения обучения. Если программа строится без учета профессионального статуса, накопленного опыта и практических запросов работника, она может восприниматься как внешне навязанная и мало связанная с реальной трудовой ситуацией. Напротив, когда обучение показывает прямую связь между осваиваемым содержанием и рабочими задачами, мотивация к участию

существенно возрастает. Поэтому педагогически оправданными являются краткосрочные модульные форматы, обучение на рабочем месте, сопровождение наставником, практико-ориентированные кейсы и проектные задания, позволяющие сразу соотносить новое знание с трудовой практикой.

Третьим условием является создание возрастно-инклюзивной образовательной среды. Этот аспект особенно важен, поскольку сама идея непрерывного обучения при поверхностной реализации может использоваться не как инструмент включения, а как скрытый механизм исключения работников старшего возраста. В современной зарубежной дискуссии обращается внимание на то, что требования lifelong learning в некоторых случаях невольно усиливают эйджистские установки: пожилые работники начинают интерпретироваться через логику предполагаемого дефицита, а участие в обучении — как способ «дотянуть» их до организационной нормы. Такой подход методологически и этически ограничен, поскольку он игнорирует профессиональный опыт, высокую степень предметной компетентности и значительный вклад старших работников в воспроизводство организационного знания.

Возрастно-инклюзивная среда предполагает иную логику. Она строится на признании того, что старший возраст не является препятствием для развития компетенций, а специфика обучения этой категории работников требует адаптации темпа, способов подачи материала, цифровой поддержки и педагогических форм взаимодействия. Речь идет не о снижении требований, а о создании таких условий, при которых обучение становится доступным, уважительным и профессионально релевантным. Практически это означает отказ от дефицитарной модели возраста, использование форматов, в которых обучающийся может опираться на накопленный опыт, а также включение механизмов межпоколенческого обмена знаниями. В таком подходе работники старших возрастных групп выступают не только получателями новых компетенций, но и носителями уникального практического знания, необходимого для корпоративной преемственности.

С этой точки зрения особенно значимо переосмысление роли пожилых работников в корпоративном обучении: они должны рассматриваться не исключительно как адресаты программ повышения квалификации, но и как участники наставнических, экспертных и консультационных практик. Это расширяет само понимание профессиональных компетенций, включая в него не только способность к освоению новых инструментов, но и готовность к передаче опыта, участию в коллективном решении задач, поддержанию организационной памяти и сопровождению адаптации молодых сотрудников.

Четвертым условием выступает сочетание обучения и практики, обеспечивающее прямую связь между образовательным процессом и реальной профессиональной деятельностью. Для взрослых обучающихся вообще, и для работников старших возрастных групп в особенности, принцип практической применимости является одним из ключевых. Обучение оказывается результативным тогда, когда новые знания и умения могут быть немедленно включены в рабочий процесс, апробированы в конкретных производственных ситуациях и закреплены через профессиональное действие. Если же обучение оказывается избыточно теоретизированным, оторванным от содержания труда или организованным в неудобных для работника форматах, его развивающий эффект резко снижается.

Правовое основание для создания таких условий закреплено в российском трудовом законодательстве. Статья 196 Трудового кодекса РФ прямо устанавливает, что необходимость подготовки работников и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель, а формы такой подготовки

и условия совмещения работы с получением образования должны быть им обеспечены. Это положение важно не только как юридическая норма, но и как управленческий ориентир: организация обязана не просто направлять работников на обучение, а выстраивать условия, при которых образовательная активность оказывается совместимой с трудовой занятостью.

Для работников старших возрастных групп данное условие особенно существенно. На практике барьерами участия в корпоративном обучении часто выступают не отсутствие мотивации и не «нежелание учиться», а перегруженность трудовыми функциями, жесткий рабочий график, неудобный режим занятий, избыточно цифровизированная среда без предварительной поддержки и слабая связь между учебной программой и содержанием профессиональной деятельности. Следовательно, организационно грамотное корпоративное обучение должно быть встроено в рабочий ритм, предусматривать удобные временные окна, сопровождение в освоении цифровых платформ и возможность пошагового применения нового материала в практике. Именно в этом случае обучение становится ресурсом развития компетенций, а не дополнительной нагрузкой.

Наконец, необходимо выделить еще одно сквозное условие — управленческое признание ценности профессионального долголетия. Если организация рассматривает работников старших возрастных групп как временно сохраняемый, но стратегически второстепенный кадровый ресурс, обучение неизбежно будет носить остаточный характер. Если же компания связывает устойчивость своего развития с сохранением экспертного потенциала, преемственности знаний и гибкости кадровой структуры, тогда непрерывное корпоративное обучение начинает выполнять более широкую функцию: оно поддерживает не только текущую квалификацию, но и долгосрочную профессиональную включенность работников в жизнь организации. В этом смысле развитие компетенций работников старших возрастных групп следует понимать как часть политики устойчивого управления человеческими ресурсами, а не как локальную образовательную задачу.

Таким образом, эффективность непрерывного корпоративного обучения работников старших возрастных групп определяется совокупностью взаимосвязанных организационно-педагогических условий: системностью и институциональной встроенностью обучения, персонализацией траекторий, созданием возрастно-инклюзивной среды, практико-ориентированностью образовательного процесса и признанием ценности профессионального долголетия. Только при таком подходе корпоративное обучение действительно становится фактором развития профессиональных компетенций, повышения адаптивности и сохранения профессиональной субъектности работников старших возрастных групп.

Заключение

Непрерывное корпоративное обучение следует рассматривать как один из ключевых факторов развития профессиональных компетенций работников старших возрастных групп. Его значение определяется тем, что оно обеспечивает обновление профессиональных знаний, поддержку цифровой и организационной адаптации, сохранение возможностей трудоустройства и создание условий для профессионального долголетия.

Проведенный анализ показывает, что эффективность такого обучения зависит от нескольких обстоятельств: системной встроенности в стратегию организации, учета возрастной неоднородности обучающихся, практико-ориентированности содержания, персонализации образовательных траекторий и использования межпоколенческих форм

обмена знаниями. В отношении работников старших возрастных групп корпоративное обучение должно выполнять не только функцию повышения квалификации, но и функцию поддержания профессиональной субъектности в меняющейся трудовой среде.

В условиях старения рабочей силы и ускоренного обновления требований к навыкам непрерывное корпоративное обучение становится не дополнительной опцией, а необходимым элементом устойчивой кадровой политики организации. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой моделей оценки эффективности корпоративных программ для работников 45+, а также с изучением отраслевой специфики формирования их профессиональных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Working Better with Age. Ageing and Employment Policies. OECD Publishing, Paris, 2019.
2. Сайгина Е.В., Горобец А.А. Особенности корпоративного обучения персонала разного социального возраста на современном предприятии. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 61–74.
3. Ананченкова П.И. Обучение персонала на базе корпоративных университетов: опыт зарубежных компаний. // Труд и социальные отношения. 2013. Т. 24. № 5. С. 77–84.
4. Нестеров А.В. О непрерывном профессиональном образовании. // Компетентность. 2012. №2(93). С. 4–11.
5. Pascagnella M. Age, Ageing and Skills: Results from the Survey of Adult Skills. Directorate for education and skills/ Education Working Paper No. 132
6. Picchio M. Is training effective for older workers? // IZA World of Labor, 2021.
7. Ranasinghe Th., Grosse E.H., Glock Ch. H., Jaber M.Y. Never too late to learn: Unlocking the potential of aging workforce in manufacturing and service industries. International Journal of Production Economics. 2024; 270:109193.
8. Making lifelong learning a reality: A handbook. UNESCO Institute for Lifelong Learning. Hamburg, Germany, 2022.
9. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Theoretical and methodological aspects of human capital research. // Labour and Social Relations Journal. 2023. Т. 34. № 1. С. 116–123.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михаил Анатольевич Яценко – аспирант Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Москва, Российская Федерация;

Ананченкова Полина Игоревна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко, г. Москва, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Anatolyevich Yatsenko – PhD student at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation;

Ananchenkova Polina Igorevna – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the N.A.Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russian Federation.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научная статья

УДК 349.6

DOI 10.63926/A/26-1-75

ЧЕЛОВЕК, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И БИОТЕХНОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Алешкова И.А.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, Российская Федерация

E-mail: ialeshkova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5054-5939>

Аннотация

В статье анализируются современные научные подходы к правовому регулированию отношений, возникающих в условиях стремительного развития биотехнологий. Особое внимание уделено новым направлениям в юридической науке, связанным с применением и использованием достижений биотехнологий. Выделены доктринальные особенности складывающихся научных подходов к исследованию правового регулирования в области применения биотехнологий к человеку; отношений в области применения биотехнологий к окружающей человека среде; отношений, возникающих в связи применением биометрических технологий.

Методологическая база исследования включает междисциплинарный, сравнительно-правовой и системно-структурный анализ, что позволило выявить основные подходы в научных исследованиях отношений, возникающих при взаимодействии человека, окружающей среды и биотехнологий.

Ключевые слова: биюриспруденция, биоконституционализм, биоправо, биотехнологии, охрана окружающей среды, права человека

HUMANS, THE ENVIRONMENT, AND BIOTECHNOLOGY: LEGAL APPROACHES IN SCIENTIFIC RESEARCH

Aleshkova I.A.

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

117418, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, Russian Federation

E-mail: ialeshkova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5054-5939>

Abstract

This article analyzes modern scientific approaches to the legal regulation of relations arising in the context of the rapid development of biotechnology. Particular attention is paid to new trends in legal scholarship related to the application and utilization of biotechnological advances. It highlights the doctrinal features of emerging scientific approaches to the study of legal regulation in the application of biotechnology to humans, relations in the application of biotechnology to the human environment, and relations arising from the use of biometric technologies.

The research methodological framework includes interdisciplinary, comparative legal, and systemic-structural analysis, which allowed us to identify the main approaches in scientific research on relations arising from the interaction between humans, the environment, and biotechnology.

Keywords: biojurisprudence, bioconstitutionalism, biolaw, biotechnology, environmental protection, human rights

Введение

Развитие биотехнологий позволило в настоящее время решить ряд сложных вопросов в различных областях: медицине и здравоохранении, сельском хозяйстве, промышленном производстве, включая пищевую промышленность, энергетике, экологии и др. Так, в частности, в сельском хозяйстве активное использование клеточных технологий, методов геной инженерии, а также развитие других биотехнологий позволили повысить урожайность, создать устойчивые к болезням и засухе сорта, снизить химическую нагрузку, заменяя пестициды экологичными биопрепаратами. Расширение возможностей биотехнологий направлено на обеспечение продовольственной безопасности, сохранение природных ресурсов, увеличение продолжительности жизни населения и поддержание здоровья человека¹.

Вместе с тем, современная национальная система правового регулирования отношений в сфере применения биотехнологий находится на начальном этапе формирования и является фрагментарной несмотря на то, что было существенно преобразовано, расширено и активно развивается законодательство. Так, в частности, на уровне экспертного сообщества активно обсуждается проект закона «О генетических технологиях в Российской Федерации»².

Следовательно, еще предстоит много сделать, особенно когда речь идет о границах вмешательства в природу человека, а также в биологические объекты и об особенностях правового регулирования отношений, возникающих при использовании и применении биотехнологий в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека. Определенного внимания требуют вопросы контроля биологических баз данных и качества оказываемых на основе биотехнологий услуг, выполняемых работ, а также биотехнологических производств и биотехнологической продукции. В частности, необходимо определить правовой режим различных видов биологической информации, входящих в состав баз больших данных; правовой статус биобанков, принципы создания, формирования, сохранения, развития, изучения и использования биологических (биоресурсных) коллекций, образования биоресурсных центров и организации их деятельности и др. В целом круг задач, которые предстоит решить, при регулировании общественных отношений, складывающихся в системе производства, использования, применения и обращения в области биотехнологий весьма широк. Каждая из таких задач обычно решается силами целых организационных коллективов. Вместе с тем базис для исследования чрезвычайно важен.

Новый технологический уклад вызывает потребность поиска новых правовых моделей, правовых подходов и сопровождается дискуссиями в научном сообществе о том, какая модель правового регулирования при внедрении биотехнологий позволит

¹ См.: Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Работа над документом ведется на базе МГЮА имени О.Е. Кутафина. – Режим доступа: <https://rsr-online.ru/news/2026/2/18/v-rossii-poyavitsya-zakon-o-geneticheskikh-tehnologiyah/> (дата обращения 02.03.2026).

обеспечить безопасное развитие, баланс между инновациями и рисками, а также этическую приемлемость применения новых методов.

Научные подходы к исследованию правового регулирования в области применения биотехнологий к человеку

В последние годы написано немало научных работ о правах человека, в которых в той или иной степени обозначается важность нового осмысления того, как право должно реагировать на вызовы, связанные с прогрессом в области биотехнологий, переходя от чисто социального понимания человека к учету его биологической сущности человека и его взаимосвязанности с природой. Так, например, новые биотехнологические прорывы стали причиной появления в научной литературе новых видов прав человека [26, с. 66-75; 10]. Их появление порождает новые подходы к правовому регулированию [11, с. 31-38].

Ученые зачастую затрагивают юридические аспекты, связанные с биобезопасностью человека, что является предпосылкой для развития риск-ориентированного подхода [24, с. 5-11] и приводит к появлению новых комплексных институтов, что, в свою очередь, обуславливает формирование отраслей интегрированного типа – права биобезопасности [30, с. 24-29], биомедицинского права [28, с. 869-885], нейроправа [8, с. 35-52] и др.

В качестве объекта прав все чаще рассматриваются не только жизнь и здоровье человека, но и его тело [14, с. 144-155], биоматериалы (например, органы, ткани человека) [9, с. 11-17], биологическая и генетическая информация [4, с. 136-148]. Человек стал все чаще рассматриваться не только как субъект, но и его составные элементы все детальнее определяются как объекты права. Использование биологического материала человека может осуществляться не только для извлечения из него как вещи полезных свойств. Например, биологические материалы могут использоваться в процессе экстракорпорального оплодотворения или криоконсервации. В данном случае он является элементом предмета договора об оказании услуги, и вещные характеристики таких объектов оцениваются с позиции качества оказанной услуги [25, с. 159-163] и соблюдения принципов биоэтики.

Все более активным становится обращение ученых и практиков к конституционной аксиологии и к основам биоэтики в условиях стремительного биотехнологического прогресса [7, с. 568-589; 21, с. 7-27].

Следует отметить, в целом у правоведов существует общее понимание важности и необходимости, с одной стороны, сохранения человека как конституционной ценности, обеспечения, закрепленного в ст. 41 Конституции РФ права на охрану здоровья и медицинскую помощь, с другой стороны, преобразования подходов правового регулирования в области применения биотехнологий к человеку. В основном акцент делается на системный, уровневый, межотраслевой и междисциплинарный подход.

В рамках системного подхода формируется, например, совокупность соматических и репродуктивных прав человека, исследуется их тесная взаимосвязь с такими базовыми конституционными правами, как право на жизнь, право на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, право на охрану здоровья и медицинскую помощь и др.; исследуется влияние соматических биотехнологий на систему социальных ценностей современного общества [12, с. 22-32].

Также выявляются взаимосвязи принципов биоэтики и прав человека. Учеными предложен целый ряд интересных концепций. В их числе концепция *биоэтического конституционализма* как явления отечественного, межрегионального и международно-правового характера в условиях коэволюционного развития правового, биологического,

технологического и социального порядков. В структуре биоэтического конституционализма выделяются семь источников концептуального, этического, нормативно-правового, медицинского и технологического характера [18, с. 49-65]. В рамках указанной концепции уровневый подход сосредоточивает внимание трансформации правового регулирования на национальном, межрегиональном и международном уровне. В новой парадигме принцип уважения достоинства человека трансформируется в принцип биоэтического достоинства, который постепенно становится доминирующим в дебатах по различным вопросам жизни и смерти человека, человеческой геномики, биосоциальной репродукции, сохранения человеческой природы и улучшения человеческого потенциала на основе использования современных биотехнологий [17, с. 7-17].

Выдвинуты и серьезные аргументы в обоснование концепции *биоправа*. В частности, А.А. Мохов подчеркивает, что биоправо – новый феномен, появление которого обусловлено динамикой развития ряда групп общественных отношений (в областях науки, биомедицины, биофармацевтики, биобезопасности и др.), в основе формирования и развития которых лежат современные биологические и иные технологии (например, информационные, управленческие) [22, с. 201-210]. В основу концепции биоправа закладывается межотраслевой подход.

Представляет особый интерес новое направление в праве и юридической науке – *биоюриспруденция*. В праве оно направлено на создание системы правовых принципов и норм, регулирующих отношения, связанные с жизнью человека, и касающихся защиты человека в условиях внедрения в практику достижений в области генной и клеточной инженерии, направленных на лечение, регенерацию и модификацию биологических процессов, а также практики использования таких методов, как редактирование генома (CRISPR), клеточная терапия, иммунотерапия, создание биоинженерных органов, а также разработок современных лекарственных средств (например, таргетных медицинских препаратов), которые значительно повышают качество жизни, улучшают диагностику и обеспечивают преобразование неизлечимых ранее заболеваний в контролируемые состояния; но и создают потребность в обеспечении минимизации биологических рисков. В юридической науке оно направлено на интеграцию биологического и социального в жизни человека [16, с. 8-15]. Научные позиции о биоюриспруденции базируются на объединении социальных и естественных наук, а также необходимости формирования унифицированного понятийного ряда [31, с. 20-26]. В рамках биоюриспруденции получают свое развитие такие направления как биоинформатика, биоинженерия, биомедицина, биофармакология и бионика [13, с. 22-32; 3, с. 57-65].

Таким образом, можно отметить, что научные подходы к исследованию правового регулирования в области применения биотехнологий к человеку формируются на стыке этики, безопасности, медицины, информатики и права. Ключевыми принципами определяются: высшая ценность человека и безопасность.

Научные подходы к исследованию правового регулирования отношений в области применения биотехнологий к окружающей человека среде

Научные исследования о взаимоотношениях и взаимодействия человека и природы традиционно осуществляется на основе экосистемного подхода, основанного на следовании в общественном развитии законам природы. По мнению И.О. Красновой, именно такой подход способен обеспечить биологический баланс в природе, биологическое здоровье экосистем и безопасность живой природы для человека и общества [19, с. 232–247].

Закрепленное в ст. 42 Конституции РФ право каждого на благоприятную окружающую среду вызывают особый интерес известных специалистов разных отраслей отечественного права. Правоведы отмечают, что благоприятная окружающая среда предполагает, что воздействие патогенных и болезнетворных факторов природы будет сведено к минимуму, а механизм реализации права на благоприятную окружающую среду должен быть обеспечен непрерывно функционирующей системой правовых инструментов направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, жизнь, здоровье человека, обеспечение рационального использования природных ресурсов и экологической безопасности [1, с. 22-26].

Также обращается внимание на важность такого критерия, как качество, применительно к окружающей среде и жизни человека. Их содержательное пересечение характеризуется тем, что через категорию «качество» осуществляется ориентирование на необходимость обеспечения, во-первых, состояния физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма; во-вторых, экологической и биологической безопасности [29, с. 8-11]. При определении качества жизни делается акцент на различных факторах жизни, которые для человека имеют наибольшую ценность: физическое и эмоциональное состояния, а также состояние окружающей среды [20, с. 46-49].

В целом исследования вопросов правового регулирования использования биотехнологий в окружающей человека среде базируется на комплексном подходе.

В последние десятилетия исследования сфокусированы на отношениях в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающих не только при осуществлении генно-инженерной деятельности, но и в вопросах эффективного государственного регулирования биобезопасности [6, с. 2-8].

Анализ современной научной литературы позволяет выделить две ключевые парадигмы в области применения биотехнологий к окружающей человека среды: *биоэкономическую* и *биоремедиационную*, имеющих огромное перспективное значение.

Биоэкономическая парадигма строится на использовании возобновляемых биологических ресурсов (растений, животных, микроорганизмов, отходов) и современных биотехнологий для производства товаров, энергии и услуг. Она направлена на снижение зависимости от ископаемого сырья, минимизацию отходов и экологизацию производства, обеспечение технологической независимости.

Биоремедиационная парадигма основывается на использовании метаболического потенциала живых организмов (микроорганизмов, грибов, растений). Они перерабатывают токсичные вещества (нефтепродукты, пестициды, тяжелые металлы) в безвредные соединения.

В обеих моделях особое внимание уделяется признанию приоритетной роли государства в регулировании «эко» и «био» безопасности с целью защиты общественного здоровья, экосистем и национальных интересов.

Соответственно отмечается важность нормирования, мониторинга воздействия, государственной экспертизы, производственного и государственного контроля, лицензирования деятельности, проведения оценки риска, маркировки, а также соблюдения требований сертификации и декларирования соответствия.

В целом можно говорить о формировании новых прав: *праве каждого на качественную окружающую среду и качественный уровень жизни*, а также *праве граждан на безопасные условия проживания, труда и благоприятную окружающую среду*, которое предполагает, что граждане, имеют право на безопасные условия

проживания и труда, коллективную и индивидуальную защиту жизни и здоровья в случае возникновения биологических рисков и угроз, а также на благоприятную окружающую среду. Данное право обеспечивается путем проведения органами публичной власти и непосредственно работодателями в пределах своих полномочий организационных, технических, социальных, экономических, лечебно-профилактических, санитарно-гигиенических, экологических, природоохранных и других мероприятий, полностью исключающих или в максимальной степени снижающих негативное воздействие на здоровье человека и окружающую среду.

Научные подходы к исследованию отношений, возникающих в связи применением биометрических технологий

В последние десятилетия вопросы биоцифровизации и отношения, связанные с обработкой персональных данных, занимают центральное место в дискуссиях ученых и практиков. Анализ современной научной литературы, в которой представлены исследования на стыке биотехнологий и «цифры» позволяет выделить несколько складывающихся подходов – *интегративный, риск-ориентированный, ценностный, адаптационный и цивилистический*.

В рамках *интегративного подхода* ученые и практики выдвигают убедительные доводы о том, что для нахождения наиболее эффективного режима взаимодействия между человеком и технологиями необходимо учитывать не только физиологические, моральные, религиозные, психологические и этические аспекты, но также политические, социальные и экономические факторы. Только комплексный подход позволит создать универсальную правовую систему, направленную на определение границ взаимодействия человека с новыми биометрическими технологиями. Интегративный подход характеризуется тем, что биометрические технологии позволяют получить ценные данные о человеке (статические биометрические данные – уникальные признаки, полученные человеком от рождения (ДНК, отпечатки пальцев, геометрия руки, радужная оболочка глаза и иное); динамические биометрические данные – характеристики, приобретенные со временем или способные меняться с возрастом или под внешним воздействием (динамика воспроизведения подписи, походка, динамика набора текста, голос и иное). Эти данные используются в различных областях. Специалисты обращают внимание на то, что биометрические персональные данные активно используются в сфере социальных отношений, соответственно необходимо учитывать двойственную природу различных типов персональных данных (биометрических, генетических и др.). Следовательно, особенно важна интеграция биометрических систем для повышения безопасности данных, а также комплексная охрана различных видов биобанков, биоресурсных центров и биологических (биоресурсных) коллекций [22, с.72-84; 2, с. 101-112].

В рамках *риск-ориентированного подхода* исследуются как новые практики [15, с. 7-29], так и организационно-правовые риски, связанные с информационной безопасностью [27, с. 26-34]. Основной акцент делается на прогнозировании угроз. Ученые анализируют, какие риски несет редактирование генома или нейротехнологии, и предлагают регулирование «на опережение» (превентивные нормы), чтобы технологии не вышли из-под контроля.

В центре внимания ценностного подхода - права и свободы человека. В научной литературе обращается внимание на то, что генетическая информация и биометрические персональные данные являются элементами объектов разнообразных конституционных прав человека и гражданина (например, права на здоровье, права на тайну частной жизни, достоинство личности и т.д.), соответственно, они могут выступать как правовой

комплекс в различных группах по отраслевой принадлежности правоотношений: конституционных, гражданских, трудовых и т.д. В этой связи сделан вывод о том, что охрана прав граждан в России при обработке генетической информации в таких сферах жизни общества, как здравоохранение, наука, труд и страхование, должна иметь комплексный (межотраслевой) характер [5, с. 90-100].

Юристы исследуют, как сохранить человеческое достоинство и частную жизнь в условиях, когда биологические данные становятся товаром или объектом цифрового мониторинга. Сторонники этого взгляда считают, что право должно гибко подстраиваться под развитие технологий. Здесь изучаются «песочницы» (экспериментальные правовые режимы) и саморегулирование профессиональных сообществ.

Цивилистический подход является классическим взглядом на биотехнологии как на объекты гражданских прав. Ученые спорят о правовой природе генетических данных: являются ли они информацией, вещью или личным неимущественным благом. При этом ученые и практики приводят весомые аргументы о том, что важно сформировать универсальную правовую конструкцию, ориентированную на установление пределов взаимодействия человека и новых технологий и содержащую запреты на их использование с учетом диалектики частных и публичных интересов.

Парадигмы меняются по мере появления открытий и подходов, их можно охарактеризовать как многокомпонентные и многоаспектные. На их основе развиваются новые теоретические подходы и практики.

Заключение

Динамичное развитие новых биотехнологий и порождаемые ими риски для человека обуславливают необходимость адаптации устоявшихся фундаментальных конструкций к новым вызовам, что предполагает переосмысление, в том числе взаимосвязанных элементов и системы принципов, на основе которых они формируются. Выработка принципов происходит на пересечении не только различных правовых сфер: конституционного, административного, экологического и международного права прав человека, но и на пересечении различных областей знаний – права, экономики, биологии, медицины, экологии и математики.

Возможно, следует по-новому взглянуть на парадигму общественных отношений и добавить в четыре уже ставшие традиционными элементами в системе общественных отношений – человека, общество, природа, государство – ещё такой элемент, как технологии, соответственно, по-новому взглянуть на систему регуляторов и их структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А.М. Право на благоприятную окружающую среду: особенности механизма реализации // Экологическое право. 2025. № 3. С. 22–26.
2. Байер Е.М. Поведенческая биометрия в системе биометрических персональных данных // Закон. 2025. № 9. С. 101–112.
3. Боброва Ю.В. Современные риски развития предиктивной, превентивной и персонализированной медицины: международно-правовое регулирование противодействия // Международное публичное и частное право. 2024. № 4. С. 22–27.
4. Болтанова Е.С., Имекова М.П. Виды биологических баз данных (биобанков) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 136–148.

5. Болтанова Е.С., Имекова М.П. Перспективы развития российского законодательства в сфере охраны прав граждан при обработке генетической информации (частноправовой взгляд) // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75. № 2(183). С. 90–100.
6. Бринчук М.М. Правовое обеспечение «устойчивого природопользования» как дежавю // *Экологическое право*. 2025. № 3. С. 2–8.
7. Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2023. № 4. С. 568–589.
8. Будник Р.А. Права человека в реалиях нейропрогресса: юридические средства компенсации нейротехнологических рисков // *Журнал российского права*. 2025. № 3. С. 35–52.
9. Бызов А.А. К вопросу о возможности отнесения органов и тканей человека к объектам гражданских прав // *Цивилист*. 2024. № 5. С. 11–17.
10. Василевич Д.Г. Общая теория соматических прав в доктрине Российской Федерации и Республики Беларусь. Москва: Юнити-Дана, 2024. 369 с.
11. Васильева Т.А. Новые права: подходы к пониманию // *Российская юстиция*. 2025. № 12. С. 31–38.
12. Зенин С.С., Некрасов М.А. Соматические биотехнологии в системе социальных ценностей современного российского общества // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. №1. С. 22–32.
13. Зенин С.С., Некрасов М.А. Соматические биотехнологии в системе социальных ценностей современного российского общества // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. № 1. С. 22–32;
14. Зорина А.Е. Тело человека как биосоциальный объект: публично-правовые аспекты в эпоху биотехнологий // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2025. Т. 11. № 2 (42). С. 144–155.
15. Козяр (Двинских)Д. Ю., ТалапинаЭ. В. (2025). Внедрение и оценка проактивных государственных услуг: методологический подход // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2025. № 2. С. 7–29.
16. Корнев В.Н. Биоюриспруденция - новое направление в праве и юридической науке XXI века // *Правосудие*. 2021. Т. 3. № 4. С. 8-15.
17. Кравец И.А. Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // *Конституционное и муниципальное право*. 2023. № 1. С. 7–17.
18. Кравец И.А. Биоэтический конституционализм и принципы уязвимости и солидарности (в контексте глобализации и международного мягкого биоправа) // *Право и государство*. 2025. № 3(108). С. 49-65.
19. Краснова И.О. Экосистемный подход в правовом обеспечении биобезопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2021. Т. 25. № 1. С. 232–247.
20. Ланг П.П. Право на благоприятную окружающую среду как аксиологическая конструкция // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 4. С. 46–49.
21. Либанова С.Э., Крылатова И.Ю. Современные конституционные и биоэтические ценности: правовые и этические аспекты // *Lex Genetica*. 2025. №4(4). С. 7–27.
22. Лютов Н.Л. Запрет генетической дискриминации и защита генетических персональных данных: перспективы модификации норм трудового права // *Журнал российского права*. 2021. № 10. С. 72 – 84.

23. Мохов А.А. Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 201–210.
24. Мохов А.А. Синтетическая биология - вид деятельности, создающий повышенную опасность для окружающих? // Цивилист. 2023. № 1. С. 5–11.
25. Пашенко Е.Ю. Биологические объекты человека в гражданском праве: к постановке проблемы // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: Сборник статей VI национальной научно-практической конференции, Краснодар, 14 апреля 2021 года. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 159–163.
26. Певцова Н.С. Право на физическое существование: концепции, регулирование и интерпретация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 66–75.
27. Полякова Т.А., Бойченко И.С. Особенности взаимодействия и правового обеспечения информационной безопасности в единой биометрической системе в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 26–34.
28. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и биомедицина: основные риски, новые подходы в регулировании // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 869–885.
29. Стародубцева И.А. Повышение качества жизни граждан как цель государственной политики Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 6. С. 8–11.
30. Титова Е.В. Право на биобезопасность в контексте биоконституционализма: парадигмы государственного регулирования и особенности судебной защиты в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 24–29.
31. Умнова-Конюхова И.А. Право биобезопасности, биоправо и биоюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26.

REFERENCES

1. Andreeva A.M. The Right to a Favorable Environment: Features of the Implementation Mechanism // Environmental Law. 2025. No. 3. Pp. 22–26.
2. Bayer E.M. Behavioral Biometrics in the System of Biometric Personal Data // Law. 2025. No. 9. Pp. 101–112; Talapina E.V. Personal Data: Theoretical Problems in Court Cases // Russian Justice. 2023. No. 12. Pp. 57–65.
3. Bobrova Yu.V. Modern Risks of the Development of Predictive, Preventive and Personalized Medicine: International Legal Regulation of Counteraction // International Public and Private Law. 2024. No. 4. Pp. 22–27.
4. Boltanova E.S., Imekova M.P. Types of biological databases (biobanks) // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2021. No. 41. Pp. 136–148.
5. Boltanova E.S., Imekova M.P. Prospects for the Development of Russian Legislation in the Sphere of Protection of Citizens' Rights in the Processing of Genetic Information (a private law view) // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75. No. 2(183). Pp. 90–100.
6. Brinchuk M.M. Legal Support for "Sustainable Nature Management" as a *Deja Vu* // Environmental Law. 2025. No. 3. Pp. 2–8.
7. Bryukhina E.R., Tretyakova E.S. Theoretical and legal basis for bioethics and biolaw in their relationship and interaction // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 4. Pp. 568–589;
8. Budnik R.A. Human rights in the realities of neuroprogress: legal means of compensating for neurotechnological risks // Journal of Russian Law. 2025. No. 3. Pp. 35–52.

9. Byzov A.A. On the possibility of classifying human organs and tissues as objects of civil rights // *Civilist*. 2024. No. 5. Pp. 11–17.
10. Vasilevich D.G. General theory of somatic rights in the doctrine of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Moscow: Unity-Dana, 2024. 369 p.
11. Vasilyeva T. A. New Rights: Approaches to Understanding // *Russian Justice*. – 2025. No. 12. Pp. 31–38.
12. Zenin S. S., Nekrasov M. A. Somatic Biotechnologies in the System of Social Values of Modern Russian Society // *Actual Problems of Russian Law*. 2024. No. 1. Pp. 22–32.
13. Zenin S. S., Nekrasov M. A. Somatic Biotechnologies in the System of Social Values of Modern Russian Society // *Actual Problems of Russian Law*. 2024. No. 1. Pp. 22–32.
14. Zorina A. E. The Human Body as a Biosocial Object: Public Law Aspects in the Era of Biotechnology // *Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research*. 2025. Vol. 11. No. 2 (42). Pp. 144–155.
15. Kozyar (Dvinskikh) D. Yu., Talapina E. V. (2025). Implementation and Evaluation of Proactive Public Services: A Methodological Approach // *Issues of Public and Municipal Administration*. 2025. No. 2. Pp. 7–29.
16. Kornev V. N. Biojurisprudence - a New Direction in Law and Legal Science of the 21st Century // *Justice*. 2021. Vol. 3. No. 4. Pp. 8–15.
17. Kravets I. A. Bioethical Vectors of Dignity and Cultural Diversity in Constitutional and International Biojurisprudence: Prospects for the Constitutionalization of Biosecurity and Achieving Bioethical Well-Being // *Constitutional and Municipal Law*. 2023. No. 1. Pp. 7–17.
18. Kravets I.A. Bioethical Constitutionalism and the Principles of Vulnerability and Solidarity (in the Context of Globalization and International Soft Biolaw) // *Law and State*. 2025. No. 3(108). Pp. 49–65.
19. Krasnova I.O. Ecosystem Approach in the Legal Framework for Biosecurity // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 232–247.
20. Lang P.P. The Right to a Favorable Environment as an Axiological Construct // *Constitutional and Municipal Law*. 2021. No. 4. Pp. 46–49.
21. Libanova S.E., Krylatova I.Yu. Modern Constitutional and Bioethical Values: Legal and Ethical Aspects // *Lex Genetica*. 2025. No. 4 (4). Pp. 7–27.
22. Lyutov N.L. Prohibition of Genetic Discrimination and Protection of Genetic Personal Data: Prospects for Modifying Labor Law Norms // *Journal of Russian Law*. 2021. No. 10. Pp. 72–84.
23. Mokhov A.A. Biolaw and the Strategy for its Development in the Russian Federation // *Actual Problems of Russian Law*. 2022. No. 2. Pp. 201–210.
24. Mokhov A.A. Synthetic Biology: An Activity That Creates an Increased Danger to Others? // *Tsivilist*. 2023. No. 1. Pp. 5–11.
25. Pashchenko E.Yu. Human Biological Objects in Civil Law: Statement of the Problem // *Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends, and Development Prospects: Collection of Articles from the VI National Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 14, 2021*. – Krasnodar: Research Institute for Actual Problems of Modern Law, 2021. Pp. 159–163.
26. Pevtsova N.S. The Right to Physical Existence: Concepts, Regulation, and Interpretation // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2021. No. 2. Pp. 66–75.

27. Polyakova T.A., Boychenko I.S. Features of Interaction and Legal Support of Information Security in a Unified Biometric System in the Russian Federation // *Legal Policy and Legal Life*. 2023. No. 3. Pp. 26–34.

28. Romanovskaya O.V., Romanovsky G.B. Law and Biomedicine: Main Risks, New Approaches to Regulation // *RUDN Journal of Law*. 2025. Vol. 29. No. 4. Pp. 869–885.

29. Starodubtseva I.A. Improving the Quality of Life of Citizens as a Goal of State Policy of the Russian Federation // *State Power and Local Self-Government*. 2025. No. 6. Pp. 8–11.

30. Titova E.V. The Right to Biosafety in the Context of Bioconstitutionalism: Paradigms of State Regulation and Features of Judicial Protection in Russia // *State Power and Local Self-Government*. 2025. No. 11. Pp. 24–29.

31. Umnova-Konyukhova I.A. Biosafety Law, Biolaw and Biojurisprudence: The Relationship between Concepts and Their Content // *Constitutional and Municipal Law*. 2023. No. 12. Pp. 20–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алешкова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН; e-mail: ialeshkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleshkova Irina A. – candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Legal Studies, INION RAS; e-mail: ialeshkova@mail.ru

Научная статья

УДК 342.7

DOI 10.63926/A/26-1-86

БИОТЕХНОЛОГИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Аманкаева О.Х.¹, Меркулова В.И.²

¹*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д.69, Российская Федерация
E-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

²*Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д.69, Российская Федерация
E-mail: violettamerkulova2@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых вызовов, связанных с развитием биомедицинских технологий. Рассматриваются проблемы регулирования редактирования генома человека, нейроинтерфейсов, эктогенеза и биопринтинга. На основе анализа российского законодательства демонстрируются системные правовые пробелы, при которых новые формы вмешательства в биологическую основу человека не урегулированы законом. Обосновывается необходимость переосмысления принципа достоинства личности через категории соматического, генетического, геномного и когнитивного достоинства и формулируются предложения по формированию комплексного законодательного регулирования.

Ключевые слова: биотехнологии, редактирование генома, нейроинтерфейсы, эктогенез, биопринтинг, достоинство личности

BIOTECHNOLOGY AND HUMAN RIGHTS

Amankaeva O.K.¹, Merkulova V.I.²

¹*Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
117418, g. Moscow, Novocheryomushkinskaya str., 69, Russian Federation
E-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

²*Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
117418, g. Moscow, Novocheryomushkinskaya str., 69, Russian Federation
E-mail: violettamerkulova2@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the analysis of legal challenges associated with the development of biomedical technologies. It examines the problems of regulating human genome editing, neurointerfaces, ectogenesis, and bioprinting. Based on the analysis of Russian legislation, the article demonstrates systemic legal gaps where new forms of intervention in the biological basis of the human being are not regulated by law. The article substantiates the need to rethink the principle of individual dignity through the categories of somatic, genetic, genomic, and cognitive dignity, and formulates proposals for the development of comprehensive legislative regulation.

Keywords: biotechnologies, genome editing, neurointerfaces, ectogenesis, bioprinting, personal dignity

Введение

Стремительное развитие биотехнологий порождает комплекс сложных вопросов, касающихся защиты прав человека. Технологии, позволяющие редактировать геном, вживлять нейроинтерфейсы, искусственно осуществлять репродуктивные процессы и создавать биологические ткани, оказывают прямое воздействие на физическую, генетическую и психическую целостность личности, что ставит перед правовой системой задачу по адаптации существующих юридических конструкций к новым реалиям.

Ориентиром остается принцип охраны достоинства личности, закрепленный в статье 21 Конституции Российской Федерации¹, а также гарантии неприкосновенности частной жизни и права на охрану здоровья. Однако практическое содержание этих конституционных положений сегодня определяется в условиях, когда объектом воздействия становится сама биологическая основа человека. Существующее законодательство, включая Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², не содержит специальных норм для регулирования многих возникающих отношений, что формирует правовые пробелы и повышает риски нарушения фундаментальных прав.

Основная часть

Развитие технологий редактирования генома человека, таких как CRISPR-Cas9, позволяет целенаправленно изменять наследственный материал, открывая перспективы лечения тяжелых наследственных заболеваний. Однако способность влиять на генетическую информацию, которая может передаваться последующим поколениям, превращает данную технологию из сугубо медицинской в социально-правовую проблему.

Вопросы правового регулирования редактирования генома в Российской Федерации связаны с общими принципами определения начала жизни. В соответствии с частью 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения. Данная конституционная формула исключает признание эмбриона субъектом прав. Тем не менее, часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации служит правовым основанием для возможного законодательного ограничения манипуляций с эмбрионами в целях защиты здоровья, нравственности и прав других лиц.

Действующее законодательство не содержит комплексного регулирования данной сферы. Статья 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает лишь отдельные запреты, такие как недопустимость использования эмбрионов в промышленных целях и запрет выбора пола будущего ребенка, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом. Федеральный закон от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»³ в соответствии со статьей 1 исключает из сферы своего регулирования применение методов генной инженерии к человеку.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, № 263, 23.11.2011

³ Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета, № 130, 12.07.1996.

На международном уровне отсутствует единый подход к регулированию геномных вмешательств. Существуют две основные модели. Первая, запретительная, представлена Конвенцией о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины¹. Данный документ устанавливает, что вмешательство в геном человека может осуществляться только в профилактических, диагностических или терапевтических целях и лишь при условии, что оно не направлено на изменение генома потомства. Вторая, более либеральная модель, отражена во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека ЮНЕСКО². Декларация, признавая геном человека достоянием человечества, не содержит прямых запретов, но призывает к соблюдению прав человека, уважению достоинства и свободы научных исследований при обязательной оценке рисков. Это разделение приводит к существенным различиям в национальных законодательствах. Например, в Швейцарии и Германии действуют строгие законодательные запреты на манипуляции с эмбрионами, в то время как в Китае, Японии и Южной Корее регулирование носит более разрешительный характер и допускает широкий спектр научных исследований.

Таким образом, редактирование генома эмбрионов и половых клеток оказывается в правовой ситуации, когда оно прямо не запрещено, но и не урегулировано специальным законом. Наглядным подтверждением рисков, порождаемых правовой неопределенностью, является эксперимент 2018 года под руководством Хэ Цзянькуя. В попытке создать у эмбрионов «иммунитет» к ВИЧ он провел их геномное редактирование, приведшее к рождению первых в мире генетически модифицированных детей. Ученый был приговорен к трем годам тюремного заключения. Данный случай вызвал международный скандал и показал, какие серьезные эτικο-правовые последствия может иметь подобное вмешательство при отсутствии четких правовых рамок [8].

Для восполнения данного правового пробела может быть использована концепция генетического и геномного достоинства личности, разрабатываемая в современной правовой доктрине. Генетическое достоинство рассматривает уникальность наследственных характеристик как неотъемлемый элемент личности, требующий защиты от произвольных манипуляций. Геномное достоинство в более широком смысле фокусируется на сохранении целостности человеческого генома как достояния всего вида. Эти концепции позволяют обосновать необходимость законодательного разделения между допустимой терапией соматических клеток и недопустимым вмешательством в зародышевую линию, способным повлиять на будущие поколения и поставить под вопрос фундаментальное биологическое равенство людей [6].

Следующим значимым вызовом для правовой системы становится развитие технологий интерфейса «мозг-компьютер» (brain-computer interface, BCI), создающих прямую связь между нервной системой человека и внешними электронными устройствами. Особенностью таких систем является их способность считывать, а в перспективе и влиять на нейронную активность, что позволяет осуществлять управление техникой силой мысли, восстанавливать утраченные сенсорные или моторные функции.

BCI технологии подразделяются на три основных вида в зависимости от степени вмешательства в организм. Инвазивный тип требует хирургической имплантации электродов непосредственно в ткань головного мозга для получения наиболее четкого

¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // СПС «Консультант Плюс»

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (Принята 11.11.1997 на 29-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // СПС «Консультант Плюс»

сигнала. Частично инвазивный предполагает размещение устройства внутри черепа, но вне вещества мозга, что снижает риски. Неинвазивный вид осуществляется без хирургического вмешательства, например, с помощью специальной гарнитуры, но обеспечивает менее точное считывание сигналов. К первому, наиболее радикальному типу относятся разработки компании Neuralink, являющейся одним из технологических лидеров в этой области.

Практическое применение этих технологий перешло в стадию клинических испытаний. В январе 2024 года компания Илона Маска Neuralink провела успешную операцию по вживлению нейроимпланта «Телепатия» парализованному пациенту Нолану Арбо, а в августе того же года аналогичная процедура была выполнена второму пациенту, Алексу. По сообщениям компании, имплант позволил пациентам в короткие сроки освоить управление компьютерным курсором, работать в сложных программах для проектирования и даже играть в видеоигры, используя лишь сигналы мозга. Эти примеры демонстрируют не только терапевтический потенциал для реабилитации пациентов с тяжелыми нарушениями двигательных функций, но и очевидный переход в область нейроусиления, выходящего за рамки медицинской необходимости. [2]

Современные прогнозы предполагают значительное расширение функционала ВСИ за пределы медицины. В научной литературе и аналитических докладах, например, Национального института юстиции США, обсуждается потенциал применения неинвазивных нейроинтерфейсов в правоохранительной деятельности. Речь идет о системах, которые позволят сотруднику в специальной гарнитуре оперативно анализировать обстановку, сканировать поведение окружающих с помощью искусственного интеллекта и взаимодействовать с другими службами в едином информационном пространстве. Активно ведутся исследования по использованию ВСИ в военной сфере для повышения эффективности и скорости принятия решений [9].

Перспектива скорого массового внедрения таких имплантов, однако, не должна преувеличиваться. В ближайшей перспективе широкое внедрение нейрочипов представляется маловероятным. Современная технология остается дорогостоящей и обладает значительными рисками, что сдерживает ее повсеместное распространение. Однако прогнозы о будущем указывают на более глубокий процесс возможной кибернетизации человеческого организма, при котором граница между биологическим и искусственным интеллектом может стать менее четкой [2].

В Российской Федерации отсутствует специализированное законодательство, регулирующее разработку, клиническое применение и использование интерфейсов «мозг-компьютер». Данная сфера подпадает лишь под общие нормы, регулирующие медицинскую деятельность и обращение медицинских изделий. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах»¹ не содержат положений, учитывающих специфику нейротехнологий. В частности, не определен правовой статус генерируемых имплантами данных (нейроданных), которые представляют собой информацию о биоэлектрической активности мозга. Несмотря на то, что такие данные являются биометрическими и напрямую связаны с мыслительной деятельностью, они не выделены в Федеральном законе «О персональных данных»² в отдельную категорию, требующую особого режима защиты. Это создает значительные риски для конфиденциальности и свободы мысли.

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Российская газета, № 139, 28.06.2016.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета, № 165, 29.07.2006.

Стандартная процедура информированного добровольного согласия, регламентированная статьей 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», может быть недостаточной, так как остается неясным, как должен быть модифицирован данный институт для таких высокорисковых вмешательств, последствия которых для личности и психики могут быть не до конца изучены. Кроме того, возникает проблема обеспечения справедливости в социальных взаимодействиях: должен ли человек, использующий нейроинтерфейс для усиления когнитивных или двигательных функций, рассматриваться на равных с другими участниками в профессиональной деятельности, образовании или спорте? Действующее законодательство не дает ответов.

Для формирования правового ответа на эти вопросы может быть использована концепция когнитивного достоинства личности, которая акцентирует право человека на неприкосновенность мыслительных процессов и защиту от неправомерных вмешательств в психическую сферу. Когнитивное достоинство предполагает не только уважение свободы мысли и творческих способностей личности со стороны общества и государства, но и внутреннее самоуважение человека к собственному интеллектуальному потенциалу. Как отмечается в научной литературе, эта категория призвана выполнять функцию гарантирования сохранности умственных способностей человека от технологических рисков и защиты от неправомерных посягательств в области нейронауки [5]. Ее практическое правовое значение заключается в том, чтобы служить нормативной основой для разработки целостного специального режима регулирования нейротехнологий. Такой режим, базируясь на принципе когнитивного достоинства, должен предусматривать несколько ключевых элементов. Во-первых, необходимо законодательное признание нейроданных — информации об электрической активности мозга — категорией персональных данных особой чувствительности, что повлечет установление максимально строгих процедур их сбора, хранения, обработки и передачи. Во-вторых, требуется существенная модификация института информированного добровольного согласия применительно к нейротехнологическим вмешательствам. Согласие должно отражать понимание пациентом не только медицинских, но и потенциальных психосоциальных, личностных и долгосрочных последствий имплантации. В-третьих, принцип когнитивного достоинства позволяет обосновать введение законодательных ограничений и запретов на использование технологий нейроусиления в немедицинских целях в публично значимых сферах, таких как профессиональная деятельность, образование или спортивные соревнования, где такое применение создает угрозу фундаментальным принципам справедливости и равенства возможностей [7].

Помимо защиты психической автономии, стремительное развитие биотехнологий затрагивает и фундаментальные основы воспроизводства человеческой жизни. Эктогенез, или технология искусственного вынашивания плода вне организма матери, представляет собой процесс развития эмбриона от зачатия до рождения (или на отдельных этапах) в полностью искусственной среде. Современные научные исследования, проводимые в ведущих университетах мира, включая Мичиганский университет, Детскую больницу в Филадельфии, Университет Тохоко и Университет Западной Австралии, в настоящее время сфокусированы на решении конкретных медицинских задач, таких как спасение жизни крайне недоношенных детей с помощью систем искусственной плаценты.

В Китае компания Kaiwa Technology (Гуанчжоу) работает над созданием искусственной матки, где плод будет развиваться в специальном устройстве, интегрированном в роботизированную систему. Первый прототип планируется

выпустить в 2026 году, а его ориентировочная стоимость составит около 100 тысяч юаней. Как заявляют представители компании, данная технология предназначена для помощи бесплодным парам¹.

Технология эктогенеза вызывает глубокие правовые вопросы, требующие пересмотра существующих законодательных норм. Существенная проблема заключается в определении момента рождения человека. В соответствии со статьёй 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом рождения ребёнка считается момент отделения плода от организма матери посредством родов. Однако при использовании искусственной матки данное определение теряет свою актуальность, поскольку отсутствует как процесс родов, так и физическое отделение от материнского организма. Есть основания для введения новой правовой категории — так называемого «фетоната», под которым понимается плод человека, изъятый из материнского тела и помещённый в искусственную среду до момента полного вынашивания [3]. Правовой статус «фетоната» потребует разработки специальных норм, регулирующих его положение, что может повлечь изменения не только в медицинском, но и в семейном законодательстве, в частности, в вопросах установления происхождения ребёнка и определения родительских прав.

Кроме того, эктогенез способен оказать значительное влияние на социальные и гендерные отношения. Технология может изменить традиционное понимание репродуктивной автономии женщины, поскольку устраняет её «монопольное право» на вынашивание беременности. В долгосрочной перспективе это способно привести к трансформации семейных структур и перераспределению социальных ролей между мужчинами и женщинами.

Правовые последствия использования репродуктивных технологий, изменяющих традиционную временную связь между зачатием, смертью родителя и рождением ребенка, уже стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой»² рассматривалась ситуация, связанная с рождением детей с использованием криоконсервированного биологического материала умершего родителя. Гражданка, применившая криоконсервированные половые клетки скончавшегося супруга для проведения ЭКО, после рождения детей столкнулась с отказом в назначении пенсии по потере кормильца. Отказ мотивировался тем, что дети, рожденные после смерти отца, не могли находиться на его иждивении.

Конституционный Суд признал такой подход не соответствующим Конституции. В мотивировочной части постановления содержатся положения, имеющие значение для осмысления более широкого круга правоотношений в сфере биотехнологий. Суд констатировал наличие «отставания нормативной регламентации от развития соответствующих технологий», отметив, что криоконсервация позволяет осуществлять зачатие в любой момент после смерти генетического родителя, что не учитывается законодательством, ориентированным на «физиологический срок беременности». Кроме того, в решении легализовано понятие «постмортальная репродукция», под которой

¹ Malayil J. China's Kaiwa plans world's first pregnancy humanoid robot // Interesting Engineering. 2025. 15 Aug. URL: <https://interestingengineering.com/innovation/china-worlds-first-pregnancy-humanoid-robot> (дата обращения: 20.02.2026).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Российская газета, № 41, 26.02.2025

понимается использование криоконсервированного материала умерших лиц для зачатия и рождения детей.

Разрешая дело, Конституционный Суд руководствовался не формальными критериями, такими как факт нахождения на иждивении, а конституционными принципами равенства, закрепленным в статье 19 Конституции РФ, а также принципами социальной справедливости и приоритета поддержки детства, вытекающими из статей 7, 38 и 39 Конституции РФ. Ключевым аргументом стало признание того, что дети утратили «потенциальный источник средств к существованию», а отказ в социальной поддержке оказывает «негативное социально-психологическое воздействие» на ребенка.

Данное постановление представляет собой прецедент, демонстрирующий способность правовой системы к адаптации. Признание за детьми, рожденными в результате постмортальной репродукции, права на социальное обеспечение означает распространение конституционной защиты на отношения, возникшие в результате применения новых технологий, несмотря на временной разрыв между смертью родителя и рождением ребенка.

Логика, примененная Конституционным Судом в данном деле, может быть распространена и на ситуации, связанные с эктогенезом. Признание значимости «потенциального» существования источника средств для ребенка, зачатого после смерти отца, ставит вопрос о необходимости определения правового статуса плода («фетоната»), развивающегося вне материнского организма. В частности, требует разрешения проблема наличия у такого плода не только потенциальных наследственных прав, но и права на защиту достоинства и телесную неприкосновенность от недопустимых экспериментальных вмешательств. Постановление № 6-П указывает на то, что конституционные ценности могут служить критерием для преодоления пробелов в законодательстве, не учитывающем реалий биотехнологического развития.

Кэмпбелл А.Д. в своей диссертации «Биополитика эктогенеза в современной и новейшей англоязычной литературе» [11] обращает внимание на то, что технология искусственного вынашивания создает предпосылки для возрождения практик «обновленной» евгеники. Так как, например, сочетание эктогенеза с технологиями геномного редактирования открывает путь для точечного отбора эмбрионов по заранее заданным желаемым физическим, интеллектуальным или иным характеристикам, что в перспективе может привести к установлению полного технологического и социального контроля над процессом репродукции [10].

Одним из перспективных направлений современной биомедицины является биопринтинг — метод трехмерной печати биологических структур с использованием материалов, содержащих живые клетки пациента. Его конечная цель — создание функциональных имплантатов и тканей для трансплантации. В настоящее время технология уже применяется в исследовательской и ограниченной клинической практике. Например, ученые Сеченовского университета ведут разработки по замене хрящевой ткани, а в Научно-исследовательском клиническом институте оториноларингологии имени Л.И. Свержевского успешно применяют печать коллагеновых мембран для восстановления барабанной перепонки у пациентов¹.

Существенной особенностью биопринтинга является его тесная связь с цифровыми технологиями. Процесс создания биопечатной структуры требует предварительного преобразования биологических параметров в цифровую модель. Эта модель, содержащая уникальные биометрические данные, может быть передана на

¹ Ларченко В. В России разработают ГОСТ по биопечати // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/11/27/1158476-v-rossii-razrabotayut-gost-po-biopечати> (дата обращения: 20.02.2026).

расстояние и использована для печати в другом месте. Такая возможность обеспечивает доступ к передовым медицинским решениям, но одновременно требует решения вопросов защиты биологической информации, контроля над её использованием и предотвращения коммерциализации цифровых моделей человеческого тела [4].

Правовое регулирование в этой области находится в стадии формирования и характеризуется существенными пробелами. В законодательстве Российской Федерации отсутствует официальное определение биопечати как инновационной медицинской технологии. В соответствии с утвержденным подходом, продукт биопринтинга, содержащий жизнеспособные клетки человека и используемый в регенеративной медицине, должен регистрироваться как высокотехнологичный лекарственный препарат тканевой инженерии. Однако для комплексного регулирования требуется создание специализированных нормативных актов.

Как отметила сенатор Российской Федерации Н.В. Косихина, разработка национального стандарта (ГОСТ) по биопечати органов и тканей является необходимой мерой¹. По её словам, нормативное регулирование гарантирует безопасность продуктов и повысит доверие граждан к ним, так как люди должны понимать, что государством эта сфера контролируется. В соответствии с планами, в первом полугодии 2026 года в России должен быть разработан такой ГОСТ, который унифицирует терминологию и станет основой для последующего правового регулирования. Подобные стандарты уже приняты в ряде стран, включая США, Китай, Германию и Японию.

Однако действующее отраслевое законодательство не содержит специальных норм, регулирующих отношения, возникающие при создании и применении биопечатных органов. Продукция биопринтинга оказывается вне сферы действия двух основных законов в смежных областях. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»² не применяется, поскольку его объектом являются органы и ткани человеческого происхождения, а не искусственно созданные конструкции. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» также не регулирует вопросы, связанные с трансплантацией биопечатных органов, будучи сфокусированным на иных видах клеточных продуктов.

В существующих правовых условиях биопринтер, специализированное программное обеспечение и сами напечатанные ткани могут быть формально отнесены к медицинским изделиям. Это предполагает необходимость их государственной регистрации, проведения технических и токсикологических испытаний, а также клинических исследований в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2021 года № 885н «Об утверждении Порядка проведения оценки соответствия медицинских изделий в форме технических испытаний, токсикологических исследований, клинических испытаний в целях государственной регистрации медицинских изделий»³. Однако данный подход не решает

¹ Ларченко В. В России разработают ГОСТ по биопечати // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/11/27/1158476-v-rossii-razrabotayut-gost-po-biopечати> (дата обращения: 20.02.2026).

² Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.

³ Приказ Минздрава России от 30.08.2021 № 885н «Об утверждении Порядка проведения оценки соответствия медицинских изделий в форме технических испытаний, токсикологических исследований, клинических испытаний в целях государственной регистрации медицинских изделий» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2021 № 65787) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12.11.2021.

принципиальных вопросов, связанных со специфической природой технологии, объединяющей биологический и цифровой компоненты.

Для формирования комплексного правового регулирования требуется не только разработка стандартов, но и совершенствование законодательства. Необходимо закрепить юридические определения, установить правовой статус биопечатных органов и тканей, а также определить их место в системе объектов гражданских прав [1]. Также должен быть установлен специальный режим оборота такой продукции, четко регламентирующий права и обязанности всех участников процесса: разработчиков технологий, производителей, медицинских организаций и пациентов-реципиентов. Требуется создание особой формы информированного добровольного согласия пациента, которая бы в полной мере раскрывала все специфические особенности биопринтинга. Особую актуальность приобретает задача обеспечения надежной защиты цифровых биологических моделей человека, которые должны быть признаны персональными данными особой категории, требующими повышенного уровня конфиденциальности и безопасности.

Таким образом, несмотря на активное развитие технологий биопечати, её масштабное внедрение в клиническую практику в ближайшие годы эксперты не прогнозируют. Этот процесс сдерживается не только технологической сложностью и ресурсоемкостью клинических испытаний, но и значительным отставанием правового регулирования. Формирование правовых рамок, основанных на принципах защиты соматического достоинства человека, становится необходимым условием для безопасной и эффективной интеграции биопринтинга в систему здравоохранения.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что стремительное развитие биомедицинских технологий — редактирования генома, нейроинтерфейсов, эктогенеза и биопринтинга — выявляет системное несоответствие между технологическими возможностями и состоянием правового регулирования. Действующее законодательство, включая профильные законы в сфере здравоохранения, трансплантологии и обращения клеточных продуктов, оказывается неспособно предложить четкие правовые рамки для принципиально новых форм взаимодействия с человеческим телом и биологической основой личности. Эта ситуация формирует область правовой неопределенности, где совершаемые вмешательства часто не подпадают ни под запретительные, ни под разрешительные нормы.

В этих условиях традиционные конституционные гарантии, такие как достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и право на охрану здоровья, требуют нового концептуального осмысления. Теоретической основой для такого осмысления могут служить разрабатываемые в современной юридической доктрине понятия соматического, генетического, геномного и когнитивного достоинства. Данные концепции позволяют перейти от абстрактного принципа уважения достоинства к конкретным правовым критериям оценки допустимости технологического вмешательства. Генетическое и геномное достоинство обосновывают необходимость проведения четкой законодательной границы между терапией соматических клеток и недопустимыми манипуляциями с зародышевой линией, способными повлиять на будущие поколения. Когнитивное достоинство задает ориентиры для защиты психической автономии личности от несанкционированного доступа к нейроданным и необоснованного нейроусиления.

Как отмечается в научной литературе, адекватный правовой ответ на возникающие вопросы лежит в плоскости развития конституционной биоюриспруденции и формирования биоправа как особой отрасли. Конституционная

биоэтика призвана стать метаотраслевым регулятором, интегрирующим этические требования и правовые нормы для создания баланса между свободой научного поиска и безусловной защитой человека. В рамках этого подхода требуется законодательное закрепление системы принципов биоправа: биологической неприкосновенности, приоритета информированного добровольного согласия, недопустимости дискриминации по генетическим или нейробиологическим признакам, обеспечения биобезопасности и предосторожности.

Практическая реализация данных принципов предполагает проведение масштабной законодательной работы. Необходима разработка и принятие специальных федеральных законов, которые установят исчерпывающие правовые режимы для редактирования генома человека, клинического применения нейроинтерфейсов, использования технологий вспомогательной репродукции, включая эктогенез, и оборота продукции биопринтинга. Эти законы должны решить фундаментальные вопросы: определить правовой статус новых биологических объектов (таких как «фетонат» или цифровая биомодель), закрепить особые категории защищаемых данных (генетическая информация, нейроданные), установить модифицированные процедуры информированного согласия и предусмотреть механизмы предотвращения социально-этически неприемлемых форм применения технологий, таких как евгеническая селекция или нейроусиление в немедицинских целях.

Таким образом, формирование устойчивого правового порядка в эпоху биотехнологий невозможно без активного развития доктринальных основ и последующего их воплощения в конкретные законодательные акты. Целью такого развития является создание правовой среды, которая, обеспечивая условия для научно-технического прогресса, одновременно гарантирует сохранение фундаментальных основ человеческой идентичности, биологического равенства и свободы личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорина А. Е. Тело человека как объект публично-правового регулирования в условиях научно-технологического развития Российской Федерации: специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2025. 26 с.
2. Киселёв А. С. Перспективы правового регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения в условиях применения искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2 (68). С. 192–214.
3. Кравец И. А. Антропологический биоконституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 11–15.
4. Кравченко Н. В., Труфанова А. Ю. Правовое регулирование процесса биопринтинга: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 3 (27). С. 413–421.
5. Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть II) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 5–31.
6. Крусс В. И. Личностные (соматические) права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.
7. Крылатова И. Ю. К вопросу о соматическом и биоэтическом достоинстве личности // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 22–25.

8. Лапаева В. В. Статус человеческого эмбриона *in vitro* как этико-правовая проблема: религиозные истоки разногласий в подходах // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 16. № 2. С. 4–24.

9. Романовский Г. Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 37. С. 262–263.

10. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 10 (143). С. 34–45.

11. Campbell A. J. The biopolitics of ectogenesis in modern and contemporary anglophone literature: PhD thesis. University of St Andrews, 2024. URL: <https://hdl.handle.net/10023/29729> (дата обращения: 13.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманкаева Оксана Хараевна – доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент;

Меркулова Виолетта Игоревна – студент ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Amankaeva Oksana Kharaevna – Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, PhD in Law, Associate Professor;

Merkulova Violetta Igorevna – student of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Научная статья

УДК 314.17

DOI 10.63926/A/26-1-97

СОВРЕМЕННЫЕ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Лужняк К.В.¹, Толпаров Э.Б.²

¹*Российский государственный университет народного хозяйства*

имени В.И. Вернадского

143907, Московская обл., Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 50, Российская Федерация

E-mail: kirill.luzhnyak@mail.ru, ORCID: 0009-0003-7812-2366

²*Российский государственный университет народного хозяйства*

имени В.И. Вернадского

143907, Московская обл., Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 50, Российская Федерация

E-mail: elbrus_tolparov@mail.ru, ORCID: 0009-0001-6403-036X

Аннотация

В статье проведён комплексный анализ современных угроз демографической безопасности Российской Федерации. Рассмотрены внутренние факторы, включающие депопуляцию, снижение рождаемости, старение населения и миграционные процессы, а также внешние угрозы, связанные с геополитической нестабильностью и экономическими санкциями. На основе статистических данных Росстата и научных исследований проанализирована динамика основных демографических показателей за период 2020–2024 годов. Выявлено, что суммарный коэффициент рождаемости в 2023 году составил 1,41, что существенно ниже уровня простого воспроизводства населения. Исследованы меры государственной демографической политики, включая программу материнского капитала, национальный проект «Демография» (2019–2024) и пришедший ему на смену национальный проект «Семья» (2025–2030). Предложены пути совершенствования демографической политики, направленные на обеспечение демографической безопасности государства.

Ключевые слова: демографическая безопасность, национальная безопасность, депопуляция, рождаемость, миграция, демографическая политика, материнский капитал

MODERN EXTERNAL AND INTERNAL THREATS TO THE DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO PREVENT THEM

Luzhnyak K.V.¹, Tolparov E.B.²

¹*Russian State University of National Economy*

named after V.I. Vernadsky

50 Entuziastov Highway, Balashikha, Moscow Region, Russia, 143907

²*Russian State University of National Economy*

named after V.I. Vernadsky

50 Entuziastov Highway, Balashikha, Moscow Region, Russia, 143907

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of modern threats to the demographic security of the Russian Federation. Internal factors including depopulation, declining birth rates,

population aging, and migration processes are examined, as well as external threats related to geopolitical instability and economic sanctions. Based on statistical data from Rosstat and scientific research, the dynamics of key demographic indicators for the period 2020-2024 are analyzed. It was revealed that the total fertility rate in 2023 was 1.41, which is significantly below the simple reproduction level. Government demographic policy measures, including the maternity capital program, the national project "Demography" (2019–2024), and its successor, the national project "Family" (2025–2030), are studied. Ways to improve demographic policy aimed at ensuring the demographic security of the state are proposed.

Keywords: demographic security, national security, depopulation, fertility, migration, demographic policy, maternity capital

Введение

Демографическая безопасность является одним из ключевых элементов национальной безопасности современного государства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала определены в качестве высшего национального приоритета¹. Данное положение отражает понимание того факта, что количественные и качественные характеристики населения непосредственно влияют на экономический потенциал, обороноспособность и геополитическое положение страны.

Актуальность исследования обусловлена сохранением неблагоприятных демографических тенденций в Российской Федерации. По данным Росстата, численность населения России на 1 января 2023 года составила 146,4 млн человек, при этом естественная убыль населения в 2022 году достигла 594,6 тыс. человек². Суммарный коэффициент рождаемости в 2023 году составил 1,41 ребёнка на одну женщину, что является одним из самых низких показателей за последние 18 лет и существенно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1)³. Демографические прогнозы Росстата предусматривают продолжение депопуляции в среднесрочной перспективе: по среднему варианту прогноза к 2045 году численность населения может сократиться до 138,8 млн человек.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы демографической безопасности исследуются в работах таких учёных, как В.Н. Архангельский, А.И. Агеев, А.Г. Вишневский, В.Г. Глушкова, О.А. Золотарева, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, О.Б. Хорева и других. Вместе с тем динамичность демографических процессов, появление новых факторов, влияющих на демографическую ситуацию (пандемия COVID-19, геополитические изменения 2022 года), обуславливают необходимость продолжения научных исследований в данной области.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ современных внешних и внутренних угроз демографической безопасности Российской Федерации и разработка предложений по их предотвращению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить сущность и содержание понятия «демографическая безопасность» в системе национальной безопасности государства; систематизировать современные угрозы демографической безопасности России с выделением внутренних и внешних факторов; проанализировать статистические данные,

¹Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году: Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2023.

³Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023.

характеризующие демографическую ситуацию в стране за период 2020–2024 годов; оценить эффективность действующих мер демографической политики; предложить направления совершенствования государственной политики в сфере обеспечения демографической безопасности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения демографической безопасности Российской Федерации. Предметом исследования являются современные угрозы демографической безопасности и правовые механизмы их предотвращения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также специальные методы: статистический анализ демографических данных, сравнительно-правовой метод, метод прогнозирования. Эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики Росстата, нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере демографической политики и национальной безопасности, научные публикации отечественных и зарубежных исследователей.

1. Понятие и сущность демографической безопасности в системе национальной безопасности государства.

Понятие демографической безопасности получило развитие в научной литературе начиная с 1990-х годов в связи с осмыслением демографических проблем, возникших в постсоветских государствах. В широком смысле демографическая безопасность рассматривается как состояние защищённости социально-экономического развития государства от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие страны в соответствии с её национальными демографическими интересами и приоритетами [1]. Данное понимание акцентирует внимание на взаимосвязи демографических процессов с экономическим развитием и национальными интересами государства.

Глушкова В.Г. и Хорева О.Б. определяют демографическую безопасность как состояние защищённости жизни и интересов населения страны от реальных и потенциальных демографических угроз, под которыми понимаются явления и тенденции, развитие которых может привести к существенному ухудшению демографической ситуации [2]. Авторы выделяют количественные и качественные параметры демографической безопасности. К количественным относятся численность населения, его динамика, показатели рождаемости и смертности. К качественным - состояние здоровья населения, образовательный и профессиональный уровень, структура населения по возрасту и полу.

Золотарева О.А. и Накисбаев Д.В. отмечают, что параметры демографической безопасности заложены в ряде стратегических инициатив государства, в частности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [3]. По мнению исследователей, анализ тенденций и оценка перспективных параметров, характеризующих состояние демографической безопасности России, сегодня привлекают внимание как ведущих учёных страны, так и государственных управленцев различного уровня. Подобный интерес обусловлен осмыслением роли демографической компоненты как ключевой в достижении национальной безопасности страны.

Следует согласиться с позицией Рязанцева С.В. и Ростовской Т.К., согласно которой концепция демографической безопасности строится на получении достоверного научного знания демографического развития России с позиции национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления [4]. Авторы подчёркивают необходимость комплексного подхода к анализу демографических

процессов, учитывающего их взаимосвязь с социально-экономическими, политическими и культурными факторами.

Радиков И.Н. справедливо указывает, что в Стратегии национальной безопасности 2021 года признание высшим национальным приоритетом сбережения и приумножения народа, развития человеческого потенциала является одной из ключевых особенностей современной модели обеспечения национальной безопасности России [5]. Это свидетельствует о том, что демографическая составляющая рассматривается государством как фундаментальная основа национальной безопасности.

Угрозы демографической безопасности могут быть классифицированы по различным основаниям. По источнику возникновения выделяют внутренние угрозы (формирующиеся под воздействием внутренних социально-экономических, культурных, экологических факторов) и внешние угрозы (связанные с воздействием внешнеполитических, глобальных экономических и иных факторов). По характеру воздействия различают угрозы количественного характера (депопуляция, сокращение численности населения, нарушение половозрастной структуры) и качественного характера (ухудшение здоровья населения, снижение человеческого потенциала, деградация генофонда). По времени проявления выделяют актуальные (текущие) и потенциальные (прогнозируемые) угрозы.

Таким образом, демографическая безопасность представляет собой комплексную категорию, характеризующую состояние защищённости количественных и качественных параметров населения от угроз внутреннего и внешнего характера. Обеспечение демографической безопасности является необходимым условием устойчивого социально-экономического развития государства и неотъемлемым элементом системы национальной безопасности Российской Федерации.

2. Внутренние угрозы демографической безопасности Российской Федерации.

К основным внутренним угрозам демографической безопасности Российской Федерации на современном этапе относятся: депопуляция и естественная убыль населения; низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простого воспроизводства населения; демографическое старение населения и рост демографической нагрузки; региональная дифференциация демографических процессов; внутренний миграционный отток населения из ряда регионов; неблагоприятная структура смертности по причинам; снижение качества человеческого потенциала.

Депопуляция является ключевой угрозой демографической безопасности России. По данным Росстата, с 2018 года численность населения страны неуклонно сокращается. В 2022 году численность населения уменьшилась на 533 тыс. человек и на 1 января 2023 года составила 146,45 млн человек. При этом естественная убыль населения в 2022 году составила 594,6 тыс. человек, а в 2023 году - 495,3 тыс. человек. По итогам 2024 года естественная убыль населения составила 596,2 тыс. человек, что на 20,4% больше, чем в 2023 году [6]. Прогнозы Росстата предусматривают продолжение отрицательной динамики численности населения: по среднему варианту прогноза к 2045 году в стране будет проживать 138,8 млн человек, то есть на 5% меньше, чем в настоящее время.

Низкий уровень рождаемости представляет собой фундаментальную проблему демографического развития России. Суммарный коэффициент рождаемости, составлявший в 2015 году 1,78 ребёнка на одну женщину, к 2023 году снизился до 1,41 [7]. Данный показатель существенно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1) и является одним из самых низких за последние два десятилетия. Для сравнения, антирекорд в новейшей истории страны принадлежит 1999 году - 1,16 рождений на женщину. При сохранении текущих тенденций общий коэффициент рождаемости может

снизиться до 9 человек на 1000 населения, тогда как для сохранения демографического баланса необходим показатель 13–14 человек, а для увеличения народонаселения - около 17 человек на 1000 населения.

Причины снижения рождаемости носят комплексный характер и могут быть разделены на несколько групп. К структурным демографическим факторам относится сокращение численности женщин репродуктивного возраста вследствие демографической волны 1990-х годов. Как отмечает Фрейка Т. и Захаров С.В., в настоящее время в активный детородный возраст входят поколения, родившиеся в период демографического кризиса конца XX века, когда рождаемость была на исторически низком уровне [8]. Это объективно ограничивает потенциал роста рождаемости независимо от эффективности мер демографической политики.

Социально-экономические факторы снижения рождаемости включают жилищные проблемы, материальные затруднения, неуверенность в будущем. По данным исследований, только 15% россиян могут позволить себе приобрести жильё, что создаёт существенные препятствия для создания семьи и рождения детей. Жилищный вопрос является одним из ключевых факторов, влияющих на репродуктивные решения молодых семей. Недостаточный уровень доходов, отсутствие стабильной занятости, высокая стоимость содержания и воспитания детей также негативно влияют на репродуктивное поведение населения.

Ценностные трансформации проявляются в откладывании рождения детей на более поздний возраст, снижении значимости многодетности в системе жизненных ценностей, распространении модели однодетной семьи. Как отмечает Сеница А.Л., несмотря на долгую историю реализации демографической политики, единого мнения о её результатах нет, при этом специалисты оценивают результаты как низкие, поскольку, несмотря на успехи отдельных лет, стабильный естественный прирост населения не достигнут [9]. По данным демографов, 2/3 семей в России имеют одного ребёнка, 1/3 семей - двух и более детей, и лишь 6% семей - троих и более детей.

Демографическое старение населения создаёт дополнительную нагрузку на экономику и систему социального обеспечения. Увеличение доли населения старше трудоспособного возраста при сокращении численности трудоспособного населения ведёт к росту демографической нагрузки на работающее население, увеличению расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение, дефициту трудовых ресурсов в отдельных отраслях экономики. По прогнозам ООН, к 2050 году доля людей старше 65 лет в мире может удвоиться, и Россия не является исключением из данной глобальной тенденции.

Региональная дифференциация демографических процессов проявляется в значительных различиях демографических показателей между субъектами Российской Федерации. Регионы Сибири и Дальнего Востока (Томская, Омская, Иркутская области) характеризуются устойчивым миграционным оттоком населения, тогда как Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край и Ханты-Мансийский автономный округ являются основными центрами притяжения мигрантов [10]. Это ведёт к неравномерному распределению населения по территории страны и обезлюдению геостратегически важных регионов.

Структура смертности по причинам также представляет угрозу демографической безопасности. Высокий уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, внешних причин (несчастные случаи, травмы), онкологических заболеваний сокращает ожидаемую продолжительность жизни населения. Особую обеспокоенность вызывает высокий уровень смертности мужчин трудоспособного возраста, что негативно влияет на половозрастную структуру населения и трудовой потенциал страны.

3. Внешние угрозы демографической безопасности Российской Федерации.

Внешние угрозы демографической безопасности Российской Федерации связаны с факторами, находящимися за пределами национальных границ, но оказывающими существенное влияние на демографические процессы в стране. К ним относятся: геополитическая нестабильность и военные конфликты; экономические санкции и их последствия для уровня жизни населения; глобальные эпидемиологические угрозы; международная миграция и «утечка мозгов»; демографическое давление сопредельных государств; информационное воздействие на ценностные установки населения.

Геополитическая нестабильность оказывает комплексное негативное воздействие на демографическую ситуацию. События 2022 года и последующих лет привели к значительным демографическим последствиям. По различным оценкам, в период 2020–2022 годов убыль населения России, превысившая нормальный уровень, составила около 2 млн человек, что связано с совокупным воздействием пандемии COVID-19, геополитических факторов и эмиграции.

Экономические санкции негативно влияют на демографическую ситуацию через механизм ухудшения экономического положения населения. Снижение реальных доходов, рост инфляции, неопределённость относительно будущего, сокращение возможностей для профессиональной самореализации создают неблагоприятный фон для принятия репродуктивных решений. Исследования показывают, что экономическая нестабильность является одним из значимых факторов откладывания рождения детей.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость демографической системы перед глобальными эпидемиологическими угрозами. Помимо прямых потерь от заболеваемости и смертности, пандемия оказала значительное влияние на репродуктивное поведение населения. По данным исследования Вакуленко Е.С. и соавторов, в начале пандемии наблюдалось изменение репродуктивных намерений россиян с детьми, что отразилось на последующей динамике рождаемости [11]. Опыт пандемии показал необходимость учёта эпидемиологических рисков при планировании демографической политики и создания резервов системы здравоохранения.

Эмиграция квалифицированных специалистов («утечка мозгов») представляет угрозу качественному аспекту демографической безопасности. Отток высокообразованных кадров снижает человеческий потенциал страны и негативно влияет на экономическое развитие. В 2022 году наблюдался значительный рост эмиграции, что привело к существенному сокращению миграционного прироста населения. Миграционный прирост 2022 года составил лишь 61,9 тыс. человек (против почти 430 тыс. в 2021 году) и компенсировал естественную убыль населения всего на 10,4%. Число прибывших международных мигрантов в 2023 году сократилось на 23% по сравнению с 2022 годом, составив 560,4 тыс. человек - минимальное значение с 2013 года.

Миграционная ситуация в России характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, трудовая миграция из стран СНГ частично компенсирует естественную убыль населения и дефицит на рынке труда. По данным, в 2023 году в страну приехали работать 4,5 млн иностранцев, что на 30% превысило показатели предыдущего года. С другой стороны, качество миграционных потоков не в полной мере отвечает потребностям экономики. Основная часть прибывающих иностранцев (87,3%) - граждане государств СНГ, при этом подавляющее большинство из них (39%) имеет среднее общее образование, и лишь 9% обладают высшим образованием. Несоответствие квалификации мигрантов потребностям работодателей усугубляет проблему дефицита кадров в высокотехнологичных отраслях.

Наконец, информационное воздействие на ценностные установки населения также может рассматриваться как внешняя угроза демографической безопасности. Распространение через глобальные медиа и социальные сети ценностей, не способствующих деторождению, может оказывать негативное влияние на репродуктивное поведение молодёжи. Данный аспект требует внимания при формировании информационной политики государства в сфере демографии.

4. Государственная политика в сфере обеспечения демографической безопасности: анализ эффективности.

Государственная демографическая политика Российской Федерации до недавнего времени осуществлялась на основе Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и национального проекта «Демография». С 2025 по 2030 г. действует национальный проект «Семья». План мероприятий по реализации Концепции был утверждён распоряжением Правительства РФ от 16 сентября 2021 г. № 2580-р; он включал направления по увеличению продолжительности жизни, поддержке семей с детьми, улучшению жилищных условий, сокращению травматизма на производстве¹. Очевидно, что и после окончания срока действия Концепции эти направления останутся примерно теми же.

Программа материнского (семейного) капитала, введённая в 2007 году, является одной из наиболее масштабных мер демографической политики². Целью программы был поставлен рост рождаемости в стране и переход преимущественно к модели двух- и трёхдетной семьи. По данным исследований, программа оказала положительное влияние на рождаемость, особенно на рождение вторых и третьих детей. Общий коэффициент рождаемости увеличился с 10,3 в 2006 году до 13,3 в 2012 и 2014–2015 годах, а суммарный коэффициент - с 1,305 в 2006 году до 1,777 в 2015 году [12]. По оценкам демографа Ракши А., материнский капитал дал ещё 2,5 миллиона детей, рождённых вторыми и последующими.

Вместе с тем эффективность материнского капитала с течением времени снижается. Как отмечают Агеев А.И. и Золотарева О.А., анализ базовых проблем в стратегическом управлении демографическим развитием и оценка эффективности решаемых задач в области роста рождаемости показывают наличие ряда несовершенств в Концепции демографической политики Российской Федерации [13]. Снижение эффективности материнского капитала связано, в частности, с отсутствием его регулярной индексации в 2016–2019 годах, а также с изменением условий программы.

С 2020 года материнский капитал предоставляется также при рождении первого ребёнка, что отражает изменение приоритетов демографической политики. В 2024 году размер материнского капитала за первенца составляет 630 380,78 рублей, а за второго ребёнка - дополнительно 202 643,96 рублей. Однако, по мнению ряда экспертов, поддержка первенцев является наименее эффективной стратегией с точки зрения стимулирования рождаемости, тогда как приоритет следует отдавать поддержке семей, рождающих вторых и последующих детей.

Региональные программы материнского капитала, введённые в 2011 году в ряде субъектов Российской Федерации, также оказали положительное влияние на рождаемость. Исследование Вакуленко Е.С., Ивашиной Н.В. и Свистильник Я.О.

¹Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

²Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

показало положительное влияние регионального материнского капитала, выплачиваемого за рождение второго ребёнка, на рождаемость, при этом данная мера наиболее эффективна в субъектах с изначально более высоким суммарным коэффициентом рождаемости (больше 1,7) [6]. Результаты исследования показали, что для увеличения суммарного коэффициента рождаемости в среднем по России до 1,7 необходимо увеличить региональный материнский капитал за второго ребёнка до уровня федерального.

Анализ данных Счётной палаты свидетельствует о сокращении числа получателей материнского капитала. За январь–сентябрь 2022 года сертификат получили 687,94 тыс. семей, что на 13,5% меньше, чем за аналогичный период 2021 года. При этом 55,2% получателей - семьи с одним ребёнком, что указывает на изменение структуры получателей после введения выплат за первенца. Данная тенденция отражает общее снижение рождаемости в стране и ставит вопрос о необходимости корректировки мер демографической политики.

6. Пути совершенствования политики обеспечения демографической безопасности.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию государственной политики в сфере обеспечения демографической безопасности Российской Федерации.

Во-первых, необходимо совершенствование системы материальной поддержки семей с детьми с приоритетом многодетности. Целесообразно перенаправить приоритет финансовой поддержки с первых рождений на вторые и последующие, поскольку именно многодетность обеспечивает расширенное воспроизводство населения. Следует обеспечить регулярную индексацию материнского капитала с опережением темпов инфляции. Необходимо увеличить размер региональных программ материнского капитала до уровня федерального, особенно в регионах с низкими показателями рождаемости.

Во-вторых, решение жилищного вопроса является одним из ключевых факторов стимулирования рождаемости, поскольку именно отсутствие собственного жилья или стеснённые жилищные условия выступают, по данным многочисленных социологических исследований, главным препятствием для рождения второго и последующих детей в российских семьях. Необходимо существенное расширение программ льготного ипотечного кредитования для семей с детьми, предусматривающее дальнейшее снижение процентных ставок, увеличение максимальных сумм кредита с учётом региональных различий в стоимости жилья, а также введение механизма прогрессивного списания ипотечного долга при рождении каждого последующего ребёнка вплоть до полного погашения кредита для многодетных семей. Одновременно требуется кратное увеличение объёмов строительства социального и доступного жилья, в том числе малоэтажного семейного жилья в пригородных зонах, отвечающего потребностям растущих семей. Программы предоставления земельных участков многодетным семьям, зарекомендовавшие себя в ряде регионов, нуждаются в серьёзной доработке: участки должны выделяться не на неосвоенных территориях без какой-либо инфраструктуры, как это нередко происходит в настоящее время, а в обустроенных местах с подведёнными коммуникациями, дорогами, доступом к школам, детским садам и медицинским учреждениям. Кроме того, следует рассмотреть возможность масштабного введения программ государственного субсидирования арендного жилья для молодых семей, ещё не имеющих достаточных средств для приобретения собственной недвижимости, что позволит им обеспечить нормальные жилищные

условия на начальном этапе семейной жизни и не откладывать рождение детей на неопределённый срок.

В-третьих, требуется совершенствование системы помощи семьям с детьми в сфере занятости и образования. Необходимо развитие системы дошкольного образования и ухода за детьми, обеспечение доступности мест в детских садах, создание условий для сочетания родительства и профессиональной деятельности. Целесообразно расширить практику гибких форм занятости для родителей малолетних детей.

В-четвёртых, важным направлением является формирование позитивного образа многодетной семьи в общественном сознании. Необходима реализация информационно-просветительских программ, направленных на повышение ценности семьи и родительства в обществе. Следует обеспечить информационную поддержку традиционных семейных ценностей в средствах массовой информации, образовательных учреждениях, учреждениях культуры.

В-пятых, необходимо кардинальное переосмысление миграционной политики с учётом потребностей демографического, экономического и социокультурного развития страны. Существующая модель, ориентированная преимущественно на привлечение низкоквалифицированной рабочей силы из государств Центральной Азии, не отвечает стратегическим интересам России и порождает комплекс серьёзных проблем — от роста социальной напряжённости и межэтнических конфликтов до формирования замкнутых инокультурных анклавов, слабо поддающихся интеграции в российское общество. В этой связи представляется целесообразным последовательное сокращение притока низкоквалифицированных мигрантов, не владеющих русским языком и не разделяющих базовых ценностей российской культуры, при одновременном ужесточении требований к их отбору и контролю за соблюдением миграционного законодательства.

Вместе с тем миграционная политика должна быть переориентирована на привлечение высококвалифицированных специалистов (учёных, инженеров, IT-разработчиков, медицинских работников), способных внести реальный вклад в технологическое и инновационное развитие страны. Для этого необходимо формирование конкурентоспособных условий, включая упрощённые процедуры получения вида на жительство и гражданства, налоговые преференции и содействие в профессиональной реализации.

Особое, приоритетное значение должно быть придано политике репатриации, т.е. возвращению соотечественников из государств ближнего и дальнего зарубежья. Русскоязычное население, оказавшееся за пределами России в результате распада Советского Союза, а также российские эмигранты и их потомки представляют собой ценнейший демографический и интеллектуальный ресурс, уже обладающий языковой, культурной и ментальной близостью с принимающим обществом. Для их возвращения должны быть созданы максимально благоприятные условия: упрощённое получение российского гражданства, предоставление подъёмных выплат и жилищных субсидий, содействие в трудоустройстве, признание дипломов и квалификаций, а также всесторонняя поддержка на этапе переезда и адаптации. Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников нуждается в существенном расширении, повышении финансирования и устранении бюрократических барьеров, которые в настоящее время значительно снижают её эффективность.

При этом принципиально важно, чтобы миграционная политика рассматривалась исключительно как дополнение, но ни в коем случае не как замена мер по стимулированию естественного воспроизводства коренного населения России.

В-шестых, особого внимания требует региональный аспект демографической политики, поскольку демографическая ситуация в различных субъектах Российской

Федерации существенно различается по уровню рождаемости, смертности, миграционного оттока и возрастной структуре населения. Необходима разработка дифференцированных мер поддержки, учитывающих эту специфику: если в ряде республик Северного Кавказа сохраняется относительно высокая рождаемость, то центральные регионы европейской части России, Сибирь и особенно Дальний Восток переживают устойчивую депопуляцию и отток населения в крупные мегаполисы. Особое значение приобретает создание условий для закрепления населения в геостратегически важных регионах — на Дальнем Востоке, в Арктической зоне, на приграничных территориях, где обезлюживание создаёт прямые угрозы национальной безопасности и территориальной целостности страны. Для этого необходимо существенное повышение качества жизни в указанных регионах: развитие транспортной, социальной и медицинской инфраструктуры, строительство доступного жилья, создание высокооплачиваемых рабочих мест, предоставление повышенных региональных коэффициентов к материнскому капиталу и иным выплатам, а также введение дополнительных льгот (например, налоговых преференций, бесплатного предоставления земельных участков, компенсации расходов на переезд), способных превратить переселение в стратегически привлекательные регионы из вынужденной меры в осознанный и выгодный жизненный выбор.

В-седьмых, требуется совершенствование системы охраны здоровья населения. Необходимо развитие системы раннего выявления серьёзных заболеваний, профилактики смертности от предотвратимых причин, повышения доступности качественной медицинской помощи. Особое внимание следует уделить снижению смертности мужчин трудоспособного возраста, репродуктивному здоровью населения.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Демографическая безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности Российской Федерации, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности 2021 года, определившей сбережение народа России высшим национальным приоритетом. Демографическая безопасность представляет собой состояние защищённости количественных и качественных параметров населения от угроз внутреннего и внешнего характера.

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется наличием комплекса угроз как внутреннего, так и внешнего характера. К внутренним угрозам относятся депопуляция (естественная убыль населения в 2024 году составила 596,2 тыс. человек), низкий уровень рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости 1,41 в 2023 году), демографическое старение, неблагоприятная структура смертности, региональная дифференциация демографических процессов с оттоком населения из ряда регионов.

Внешние угрозы демографической безопасности связаны с геополитической нестабильностью, экономическими санкциями, глобальными эпидемиологическими рисками, эмиграцией квалифицированных кадров, информационным воздействием на ценностные установки населения. События 2020–2024 годов продемонстрировали высокую уязвимость демографической системы к внешним шокам различной природы.

Государственная демографическая политика, реализовывавшаяся через программу материнского капитала и национальный проект «Демография» (2019–2024), оказала определённое положительное воздействие на демографические показатели в период 2007–2015 годов, обеспечив рост суммарного коэффициента рождаемости с 1,305 до 1,777. Однако в последующие годы наблюдается снижение эффективности

принимаемых мер, что требует их корректировки и совершенствования. В настоящее время данные меры получили развитие в рамках национального проекта «Семья» (2025–2030).

Обеспечение демографической безопасности Российской Федерации требует комплексного подхода, включающего совершенствование системы материальной поддержки семей с детьми, решение жилищного вопроса, создание условий для сочетания родительства и профессиональной деятельности, формирование позитивного образа семьи, оптимизацию миграционной политики, учёт региональной специфики, совершенствование системы охраны здоровья населения.

Представляется, что реализация предложенных мер позволит создать условия для преодоления негативных демографических тенденций и обеспечения демографической безопасности государства в долгосрочной перспективе. При этом следует учитывать, что демографические процессы характеризуются высокой инерционностью, и результаты принимаемых мер проявятся в полной мере лишь через несколько десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. М.: Экон-Информ, 2016. 306 с.
2. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Демографическая безопасность России и её регионов: проблемы и пути их решения // Финансы: теория и практика. 2014. № 3. С. 14–25.
3. Золотарева О.А., Накисбаев Д.В. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 154–173.
4. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. и др. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году: монография. М.: Проспект, 2023. 448 с.
5. Радиков И.Н. Стратегия национальной безопасности России 2021: преемственность и развитие // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 4. С. 371–386.
6. Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О. Исследование влияния программ регионального материнского капитала на рождаемость в регионах России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 3. С. 731–745.
7. Вакуленко Е.С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258–281.
8. Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106–143.
9. Сеница А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 189–200.
10. Топилин А.В., Ниорадзе Г.В., Хроленко Т.С. Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. С. 302–319.

11. Вакуленко Е.С., Митрофанова Е.С., Горский Д.И. Репродуктивные намерения россиян с детьми в начале пандемии COVID-19 // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 85–102.

12. Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 11. С. 963–972.

13. Ageev A.I., Zolotareva O.A. Demographic Policy in Russia: Performance Evaluation // Voprosy statistiki. 2023. Vol. 30. № 2. P. 53–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лужняк Кирилл Васильевич — магистрант Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского, г. Балашиха, Россия;

Толпаров Эльбрус Бимболатович — доцент Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского, Балашиха, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Luzhnyak Kirill Vasilievich — Master's student at the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky, Balashikha, Russia;

Tolparov Elbrus Bimbolatovich — Associate professor at the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky, Balashikha, Russia.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI 10.63926/A/26-1-109

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Рахманова Е.Н.

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им.
В.М. Лебедева*

197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, Российская Федерация

E-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9545-0036

Аннотация

В статье анализируется эволюция применения биологического оружия — от примитивных методов ведения войны в античности и средневековья до высокотехнологичных государственных программ XX века и современных актов биотерроризма. Анализируются ключевые международно-правовые инструменты в данной сфере и недостатки существующих правовых механизмов. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивной модели реагирования к проактивной системе глобального мониторинга и создания юридически обязывающих механизмов международной ответственности за использование биологического оружия.

Ключевые слова: биологическое оружие, биотерроризм, агротерроризм, биологическая безопасность, патогенные агенты, предупреждение

BIOLOGICAL WEAPONS: HISTORY AND CONTEMPORARY CHALLENGES IN PREVENTING THEIR USE

E. Rakhmanova

*Lebedev Russian State University of Justice, Alexandrovsky Park, 5, 197046 St. Petersburg,
Russia*

E-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4602-4676

Abstract

This article analyzes crimes committed using biological weapons or prohibited biological agents. These crimes include crimes committed using prohibited biological agents or biotechnology, such as crimes against the individual committed for personal motives; bioterrorism; and the use of prohibited biological weapons (weapons of mass destruction) for military purposes to inflict mass destruction on enemy personnel and populations, agricultural crops, etc. An analysis of international legal instruments in this area shows that, despite the adoption of a number of conventions, contemporary international criminal law focuses primarily on countering bioterrorism and the use of biological weapons by states. At the same time, issues of individual criminal liability for biological crimes remain insufficiently regulated at both the international and national levels.

Keywords: biological weapons, bioterrorism, biological crimes, biological agents and toxins, international law, individual criminal liability

Введение

На протяжении всей истории человечество создавало и применяло различные виды вооружений, в том числе, биологическое оружие, способное заражать людей, животных и растения [2].

Биологическая война — самая опасная форма войны, когда противник невидим и зачастую его невозможно установить. Биологическая война не приводит к взрывам, разрушению зданий и иным материальным последствиям. Ее основными целями являются люди, животные или растения, причем последние часто используются в качестве посредников для распространения среди населения через зоонозные пути передачи.

Использование биологического оружия с древнейших времен и до наших дней в военных и диверсионных целях всегда направлено на достижение максимального поражающего эффекта. История изобилует многочисленными примерами применения биологических агентов в качестве орудий войны, от стрельбы тушками больных животных с помощью катапулт в древние времена до тайных и жестоких экспериментов, проводившихся во время мировых войн XX века. Но в последние десятилетия акцент начал смещаться в сторону биотерроризма (т.н. «тихая война»).

С начала XX-го столетия международное сообщество пытается ограничить производство и использование биологического оружия. Первым документом международного признания опасности применения биологических агентов в военных целях был «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств» (Женевский протокол) 1925 г., государства-участники которого при подписании сделали множество оговорок, в результате нивелировав его сущностную сторону и не остановив развитие военно-биологического оружия. Следующий шаг был сделан лишь в 1972 году, когда была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО)¹. Свой вклад в противодействие применению биологического оружия внесли также Совет Безопасности ООН и ВОЗ. Но несмотря на усилия международного сообщества, все еще сохраняется опасность применения биологического оружия, обусловленная угрозой биотерроризма и потенциальным доступом негосударственных субъектов к биологическим агентам [3; 4; 11; 12], что обусловлено относительной доступностью информации, касающейся технологий производства биологических препаратов, а также реализацией в ряде стран исследовательских и технологических программ, которые, формально не нарушают положения Конвенции 1972 г., но могут быть квалифицированы как подготовка к применению данных видов оружия массового поражения.

Основная часть

Использование биологических патогенов в качестве орудия войны является исторически укоренившейся практикой, существовавшей задолго до развития современной микробиологии. Уже на самых ранних этапах развития человечества применялась тактика специального заражения водных ресурсов и использования инфицированных останков (как человеческих, так и животных) в целях ослабления противника.

Первые известные случаи применения биологических агентов в античный период

¹Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Заклучена 16.12.1971) // Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 436-441

относятся к VI веку до н. э. Так, в 600 году до н. э. греческий военачальник Солон дал указание отвести поток воды в сторону от города. Сиргарийцы продолжительное время выдерживали осаду, употребляя дождевую воду и пользуясь имевшимися в городе колодцами. В это время солдаты Солона собрали большое количество корней чемерицы и бросили их в созданное ими водохранилище. После того, как ядовитые вещества, содержащиеся в растении, растворились в воде, Солон распорядился направить поток отравленной воды по прежнему руслу. Сиргарийцы, долгое время испытывавшие жажду, набросились на отравленную воду. В результате у большинства воинов, защищавших город, возникло острое желудочное расстройство, и они побросали свои боевые посты, а армия Солона в результате легко овладела городом¹.

В XIV веке во время осады города Каффы (современная Феодосия) монгольские войска для того, чтобы ускорить капитуляцию города использовали тела жертв бубонной чумы, забрасываемые метательными орудиями за крепостные стены. Данный случай рассматривается многими исследователями как один из факторов, способствовавших началу пандемии «Черной смерти» в Европе, последствия которой имели катастрофические масштабы. «К середине 14 века в Париже из-за чумы умерло 70 процентов населения, а в среднем по Европе — до половины населения»².

В XVIII веке тактика сознательной диссеминации патогенов была применена во время колониальных войн в Северной Америке. В 1763 году британское командование в ходе восстания Понтиака инициировало передачу коренному населению одеял, которые использовали больные оспой, что привело к масштабной эпидемии, дезорганизации сопротивления и уничтожению значительной части коренного населения³.

Первая мировая война ознаменовала следующий этап в применении биологического оружия, когда Германия перешла к использованию специализированных биологических диверсий, применяя возбудителей сибирской язвы и сапа для уничтожения поголовья скота стран Антанты, что подрывало продовольственное обеспечение и логистические возможности противника. Наряду с прямой диверсионной деятельностью практиковались также методы «организационной биологической войны», которые выражались в маневрировании войсками с целью вытеснения подразделений противника в эндемичные районы или населенные пункты, пораженные сыпным тифом и сапом⁴.

Опыт Первой мировой войны, во время которой впервые были официально зафиксированы случаи использования инфицированных животных в качестве диверсионного средства, предопределил понимание необходимости создания международно-правового режима запрещения биологического оружия. В 1925 году был принят и подписан «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» (Женевский протокол)⁵. Но фактически он оказался невыполним, несмотря на то, к нему присоединились многие

¹Боги-биотеррористы и древние отравители //Сайт М. Сухомницкого [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat85.htm> (дата обращения: 16.01.2026)

²Кулагин В. История Монголии: «черная смерть» империи и ее наследие // Babr24.com [Электронный ресурс] - URL:<https://babr24.com/?IDE=252906> (дата обращения: 16.01.2026)

³Индейцы и оспа: как с помощью трех одеял британцы применили бактериологическое оружие – URL: <https://xn----7sbfxdal1bmgjms0a5lh.xn--p1ai/index.php/stati/1745-indejtsy-i-ospa-kak-s-pomoshchyu-trekh-odeyal-britantsy-primenili-bakteriologicheskoe-oruzhie> (дата обращения: 16.01.2026)

⁴Боги-биотеррористы и древние отравители //Сайт М. Сухомницкого. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat85.htm> дата обращения: 16.01.2026)

⁵Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов, и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.) //Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 587

страны. Протокол запрещал только «использование» биологического оружия, не устанавливая при этом ограничений на его разработку, производство и накопление запасов. В нем также не были предусмотрены инструменты мониторинга, что позволяло государствам продолжать вести научно-исследовательскую деятельность в данной сфере [13].

Это привело к тому, что до Второй мировой войны и во время нее, а также в последующем многие государства продолжали создавать и поддерживать национальные программы по разработке биологического оружия. Так, с 1930-х по 1940-е годы ведущие европейские державы и США открыли специализированные научно-исследовательские центры, ориентированные на изучение эпидемиологических процессов в целях разработки биологического оружия. Значительные государственные инвестиции в фундаментальные и прикладные исследования в области микробиологии, биохимии и генетики позволили достичь им более глубокого понимания патогенеза вирусов, бактериальных трансформаций и механизмов адаптации грибковых культур к факторам внешней среды. Интересно, что данные программы параллельно с наступательным потенциалом поддерживали разработку вакцин, антидотов и соответствующих протоколов медицинского обеспечения защиты от биологического оружия.

В период Второй мировой войны работа над созданием биологических агентов на основе зоонозных и эпизоотических патогенов продолжилась. Так, в 1940 году Великобритания создала центр исследований биологического оружия, который в 1941 году на острове Груинард (Шотландия) провел полевые испытания авиационной бомбы, снаряженной спорами сибирской язвы, что в результате привело к массовому падежу скота и экологическому загрязнению острова на многие десятилетия [13, 7].

Наиболее масштабное и систематическое применение биологического оружия было предпринято Японией во время войны против Китая с 1932–1945 г. г. Специализированные формирования Квантунской армии — «Отряд 731» и «Отряд 100» осуществляли как полевое применение биологических агентов, так и жестокие эксперименты на людях. В частности, сбросив инфицированные чумой блох и заразив источники воды патогенами в провинциях Чжэцзян, Хунань, Цзянси, они спровоцировали вспышки тяжелых заболеваний, жертвами которых стали сотни тысяч военнослужащих и мирных жителей [9].

В свою очередь, Германия в период Второй мировой войны не только разрабатывала биологическое оружие, но и приступила к его практическим испытаниям в полевых и прифронтовых условиях. Одним из ярких примеров таких преступлений стали эксперименты гитлеровских врачей по «определению надежного способа заражения» сыпным тифом, проводившиеся, в частности, путем инъекций крови больных. За эти и иные подобные деяния виновные были привлечены к уголовной ответственности на Нюрнбергском процессе [7, 73].

Примером неэффективности Женевского протокола является и Корейская война (1950–1953 г. г.). Обвинения, выдвинутые КНДР и КНР в адрес США, привели к созданию в 1952 году специального международного научного комитета, работающего под эгидой Комиссии по расследованию фактов бактериологической войны, которая признала применение биологических агентов в зонах конфликта, представив доказательства обнаружения возбудителей холеры, сибирской язвы и чумы, а также векторов распространения арбовирусов (в частности, переносчиков желтой лихорадки), что вновь подтверждало существование разрыва между формальными международными обязательствами того времени и реальной военно-политической практикой государств¹.

¹Забывтая биологическая война на Корейском полуострове — технические детали // Сайт М. Сухомницкого. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat151.htm> (дата обращения: 16.01.2026)

Так, на протяжении многих столетий биологические агенты эволюционировали от эмпирически подбираемых средств заражения до стратегических инструментов геополитического противостояния. Но только научно-технологический прорыв в области микробиологии и эпидемиологии на рубеже XIX–XX веков позволил трансформировать разрозненные тактические приемы в системные современные программы разработки и применения биологического оружия.

Это привело к тому, что международное сообщество, осознав его опасность, предприняло в 1969 году новую попытку решения проблемы запрещения биологического оружия, когда Великобритания представила на сессии Совещания Комитета по разоружению в Женеве проект международной конвенции, предусматривавший его запрет и уничтожение. После многолетнего и всестороннего обсуждения британского проекта Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) была открыта для подписания 10 апреля 1972 года и, вступив в силу 26 марта 1975 года (после ратификации 22 государствами), КБТО стала первым международным договором о разоружении, запрещающим производство целого класса вооружений¹.

Главное значение Конвенции заключается в установлении запрета, закрепленного в статье I, согласно которому государства-участники обязуются «никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать и не приобретать каким-либо образом и не сохранять» биологические агенты или токсины, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей. Кроме того, под запрет попадают любые технические средства и средства доставки, предназначенные для использования данных агентов или токсинов во враждебных целях и в вооруженных конфликтах. В целях обеспечения соблюдения принципов Конвенции государства-участники обязуются принимать законодательные меры по исполнению данных запретов (ст. 4). Однако точные детали того, какие именно меры необходимы для достижения этих целей и выполнения положений Конвенции, остаются на усмотрение государств-участников.

Но Конвенция в отличие от Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении не предусматривает механизмы обязательных деклараций, плановых инспекций или непрерывного технического мониторинга². Попытки устранить этот институциональный пробел и согласовать юридически обязывающий Протокол для проверки КБО потерпели неудачу в 2001 году, что до сих пор ограничивает возможности международного сообщества по проверке выполнения положений Конвенции [5].

При этом с момента принятия Конвенции характер применения биологических агентов вновь претерпел качественную трансформацию, из средств ведения крупномасштабных военных действий они постепенно превратились в инструмент международного терроризма. Наиболее ярко это проявилось в Японии в июне 1994, когда японская секта «Аум Синрикё» распылила нервнопаралитический газ зарина в городе Мацумото, в результате чего погибли семь человек. 20 марта 1995 года члены «Аум Синрикё» вновь распылили зарин в токийском метро. Всего погибло 13 человек,

¹Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Заклучена 16.12.1971) // Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 436-441

²Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Заклучена в Париже 13.01.993) // Бюллетень международных договоров. № 4. 1998

около 6,3 тыс. были отравлены¹.

В 2001 году мировое сообщество столкнулось с еще одним видом биотерроризма, т.н. почтовым биотерроризмом, который превратился в новый вызов международной безопасности и правопорядку. Поворотным моментом в осознании опасности масштабов данной угрозы явилась рассылка по почте спор сибирской язвы в США в 2001 году (22 случая заражения, 5 летальных исходов)². Данный прецедент спровоцировал пересмотр национальных стратегий биобезопасности и интенсифицировал международное сотрудничество в сфере оперативного реагирования на акты биологической агрессии.

Не менее опасным видом биотерроризма стал и агротерроризм, цель совершения которого заключается в подрыве продовольственной безопасности, осуществляемом путем провоцирования эпизоотий и эпифитотий, что создает не только риск прямой передачи инфекции от животных к человеку, но и влечет за собой такие негативные последствия как значительный экономический ущерб, обусловленный деградацией аграрного рынка и утратой экспортного потенциала страны [6]. Первые попытки были сделаны еще во время Второй мировой войны, когда в Великобритании разрабатывался проект «Вегетарианец», который мог погубить всю Европу. Планировалось произвести пять миллионов протеиновых брикетов, зараженных спорами сибирской язвы, предназначенных для сброса на пастбища Германии с целью уничтожения поголовья скота³.

Этот проект уже тогда показал, что сельскохозяйственный терроризм или агротерроризм, направленный на дестабилизацию животноводческого сектора, представляет собой серьезную угрозу не только национальной, но и международной безопасности, выходя за рамки чисто ветеринарной проблемы, поскольку масштабное внедрение патогенов опасно не только для населения, животных и т.д., но и инициирует цепную реакцию, затрагивающую производителей, перерабатывающие предприятия и экспортный потенциал стран. Во многом это связано с высокой уязвимостью данной отрасли, что обусловлено относительной доступностью многих биологических агентов и патогенов. Например, болезнь Ньюкасла, которая распространена на всех континентах, за исключением Австралии, и ее тяжёлые клинические проявления представляют серьезную угрозу для сельского хозяйства, так как уровень смертности птиц при данных патологиях достигает 75%. Очевидно, что распространение этого вируса способно нанести катастрофический ущерб сельскому хозяйству и экономике государства в целом⁴.

Именно необходимость обеспечения безопасности пищевых продуктов и здоровья живого скота обуславливает применение карантинных мер при трансграничных поставках, которые зачастую трансформируются в долгосрочные торговые эмбарго. Известно, что вспышка высококонтагиозного заболевания, такого как губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота (КРС) или «коровье бешенство» в Великобритании вызвала паралич экспортных операций с мясной продукцией на

¹Секта «Аум Синрикё». Досье // Редакция сайта ТАСС [Электронный ресурс] - URL: <https://tass.ru/info/5352543> (дата обращения: 11.01.2026)

²Гастроли «сибирской язвы» в США //РИА Новости [Электронный ресурс] - URL: <https://ria.ru/20080808/150193030.html> (дата обращения: 16.01.2026)

³Операция «Вегетарианец»: как Черчилль чуть не погубил всю Европу. Секретная операция против Гитлера чуть не обернулась всемирной биологической катастрофой // РЕН ТВ [Электронный ресурс] - URL: <https://ren.tv/longread/1016117-operatsiia-vegetarianets-kak-cherchill-chut-ne-pogubil-vsiu-evropu> (дата обращения: 11.01.2026)

⁴Текущая ситуация и перспективы развития вакцин против болезни Ньюкасла // Портал промышленного производства [Электронный ресурс] - URL: <https://pticainfo.ru/article/tekushchaya-situatsiya-i-perspektivy-razvitiya-vaktsin-protiv-bolezni-nyukasla/> (дата обращения: 16.01.2026)

длительный период. «Начавшаяся одновременно в различных географических территориях страны эпидемия распространилась с невообразимой скоростью, что привело к вынужденному уничтожению всего поголовья КРС. При этом общее число павших от заболевания животных составило около 200 000 голов, а на ликвидацию эпидемии израсходованы 67 млн долларов» [2, 226]. Аналогичным образом, пандемия птичьего гриппа 2003 года спровоцировала серьезные экономические потери, вызвав волну банкротств в аграрном секторе и трансформацию рынка птицеводческой продукции¹. Не говоря о том, что как, считают специалисты, вирус птичьего гриппа изменился и имеет пандемический потенциал [8, 62].

В связи с нарастающим осознанием опасности последствий биологического терроризма вопросы контроля над распространением патогенов вышли за рамки аграрной политики отдельных государств. В этой связи представляет интерес деятельность «Австралийской группы», неформального международного форума, целью которого является согласование правил экспортного контроля над разработкой и распространением химического и биологического оружия. Группой разработан перечень патогенов животных и растений, подлежащих строгому экспортному контролю, который включает такие заболевания, как сибирская язва, африканская чума свиней, ящур, бруцеллез, птичий грипп, лихорадка Рифт-Валли и классическая чума свиней [1].

В начале XXI века Совет Безопасности ООН де-факто взял на себя роль глобального регулятора в сфере противодействия биотерроризму, используя полномочия, предусмотренные в Главе VII Устава ООН². Резолюция N 1540 (2004) Совета Безопасности ООН «Нераспространение оружия массового уничтожения», принятая по инициативе Российской Федерации, обязала государства не только воздерживаться от поддержки негосударственных акторов, стремящихся к получению ОМУ, но и принимать на национальном уровне и эффективно применять соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту «производить, приобретать, обладать, разрабатывать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки, в особенности в террористических целях, равно как и попытки участвовать в любых из вышеупомянутых действий, участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование»³. Тем не менее, несмотря на амбициозность Резолюции 1540, созданный для контроля за её исполнением Комитет 1540 столкнулся с ограниченностью ресурсов и отсутствием прямых механизмов принуждения. Проводимый Комитетом мониторинг носит преимущественно формальный характер (рассмотрение национальных докладов), что фактически не позволяет гарантировать реальную защищенность биологических материалов от несанкционированного доступа к ним.

Если Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия и деятельность Совета Безопасности ООН направлены преимущественно на превенцию и его нераспространение, то Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) контролирует вопросы готовности и оперативного реагирования в сфере здравоохранения. Основным

¹ВБ: Глобальная эпидемия птичьего гриппа принесет ущерб в \$1-2 трлн. РБК [Электронный ресурс] - URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2006/5703c34f9a7947dde8e0af2e> (дата обращения: 16.01.2026)

²Устав Организации Объединенных Наций (Принят в Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971)// Действующее международное право. Т. 1 – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33

³Резолюция N 1540 (2004) Совета Безопасности ООН «Нераспространение оружия массового уничтожения» (Принята в Нью-Йорке 28.04.2004 на 4956-ом заседании Совета Безопасности ООН) [Электронный ресурс]// сайт ООН – URL: [https://docs.un.org/ru/s/res/1540\(2004\)](https://docs.un.org/ru/s/res/1540(2004)) (дата обращения: 28.01.2026)

инструментом ВОЗ являются Международные медико-санитарные правила (ММСП-2005), которые должны обеспечить «предотвращение, защиту и контроль в ответ на международное распространение болезней»¹.

ММСП накладывают на государства-участников ряд обязательств, формирующих, в том числе, основу для международного противодействия биологическим угрозам. Государства, в частности, должны обеспечить эпидемиологический надзор для выявления и оперативного реагирования на угрозы, а также для своевременной оценки событий в области общественного здравоохранения и информировать ВОЗ в течение 24 часов о любых инцидентах, потенциально классифицируемых как чрезвычайная ситуация в области здравоохранения, имеющая международное значение (ст. 6).

ММСП предоставляют значительные полномочия Генеральному директору ВОЗ, который может объявлять чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения (статья 12); делать как временные (статья 15), так и постоянные (статья 16) рекомендации; созывать чрезвычайные (статья 48) и обзорные (статья 49) комитеты, которые должны готовить и публиковать консультации.

Но несмотря на значение ММСП можно выделить недостатки правового регулирования, ограничивающие их эффективность. Прежде всего, точные границы того, что является чрезвычайной ситуацией, не совсем ясны, поскольку установление «чрезвычайной ситуации, имеющей международное значение» согласно статье 1 подлежит толкованию в каждом конкретном случае. Не вполне ясна и правовая природа рекомендаций, и их обязательность, поскольку та же статья 1 ММСП понимает их как юридически необязательные акты, что влечет проблему неисполнения государствами данных рекомендаций. К числу существенных пробелов ММСП нужно отнести отсутствие правовых механизмов обеспечения их соблюдения и санкций за нарушение положений Правил в значительной степени опираясь на принцип добровольного сотрудничества, который в условиях чрезвычайной ситуации зачастую вступает в противоречие с национальными интересами, а также на политическую волю государств.

Названные проблемы стали очевидны во время преодоления последствий атипичной пневмонии (SARS, 2002), птичьего гриппа (2003), свиного гриппа (2009), лихорадки Эбола (2013) и пандемии COVID-19 (2019), когда не все государства соблюдали 24-часовой протокол уведомления, опасаясь экономических потерь и репутационных рисков, а отсутствие международных инспекционных механизмов не позволяло ВОЗ проверить реальную готовность национальных систем здравоохранения, превращая, тем самым Международные медико-санитарные правила в декларативные нормы. Наконец, недостаточная координация между режимом ММСП и КБТО создает дополнительные сложности при квалификации событий, имеющих признаки умышленного противоправного применения биологических агентов.

Таким образом, хотя ММСП-2005 остаются пока основным элементом противодействия возможным биологическим угрозам общественному здравоохранению, но их реальное применение показало очевидное несовершенство, вновь подтверждая необходимость перехода от рекомендательной модели к более жестким механизмам контроля и ответственности государств за несоблюдение стандартов глобальной биологической безопасности.

В контексте международных усилий по противодействию распространению биологического оружия и угрозе биотерроризма Российская Федерация последовательно укрепляет свое национальное законодательство, предусматривая уголовную

¹Международные медико-санитарные правила (2005) [Электронный ресурс]// Гарант – URL: <https://base.garant.ru/2565137/> (дата обращения: 28.01.2026)

ответственность за деяния, связанные с данным видом оружия массового поражения. УК РФ¹ содержит ряд статей, направленных на пресечение создания, приобретения, хранения, использования и распространения биологического оружия, а также на борьбу с актами биотерроризма. В их числе ст. 335 УК РФ, криминализирующая действия, связанные с биологическим оружием, как одним из видов оружия массового поражения, и предусматривающая ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт биологического оружия, а также химического, ядерного и других видов оружия массового поражения. Ст. 205 УК РФ играет центральную роль в противодействии биотерроризму. Террористический акт, совершенный с использованием биологических агентов, будет квалифицироваться именно по данной статье, учитывая, что ее диспозиция предусматривает, в том числе ответственность за совершение иных действий, устрашающих население и создающие опасность гибели человека указанных действий в тех же целях, к которым относятся в том числе распространение биологических патогенов. В полной мере ст. ст. 205.1 и 205.2 УК РФ позволяют привлекать к ответственности лиц, которые прямо не участвуют в актах биотерроризма, но оказывают содействие им (финансирование, обучение, пособничество) или публично призывают к таким действиям, в том числе с использованием биологического оружия. Ст. 205.3 УК РФ направлена на пресечение подготовки потенциальных биотеррористов, криминализируя получение ими знаний, практических навыков и умений, заведомо необходимых для осуществления террористической деятельности, в том числе по обращению с биологическими агентами. Наконец, если распространение биологических агентов не имеет прямого террористического умысла, но приводит к массовому заболеванию или отравлению людей, то подобные действия могут быть квалифицированы как нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), которые хотя и не относятся к оружию массового поражения, но её наличие в УК РФ подчеркивает важность защиты населения от биологических угроз.

Важно отметить, что российское уголовное законодательство постоянно совершенствуется в ответ на меняющиеся угрозы. Ужесточение ответственности за террористические преступления, а также расширение круга деяний, подпадающих под определение содействия терроризму, свидетельствует о серьезности подхода государства к противодействию биотерроризму. Наличие комплексной системы уголовно-правового противодействия является важным элементом национальной биобезопасности и вносит вклад в общую систему международной борьбы с биологическими угрозами.

Заключение

Применение биологического оружия претерпело серьезную эволюцию от стихийного использования патогенов в древности до высокотехнологичных государственных программ XX-XXI столетий и современных форм биотерроризма, который перестал быть исключительно вопросом физического выживания населения. Постепенно он трансформировался в инструмент дестабилизации, способный парализовать экономические системы и подрвать доверие к государственным институтам. Специфика биологического оружия как одного из видов оружия массового поражения заключается в «преднамеренном распространении вирусов, бактерий или других агентов с целью вызвать болезнь или смерть людей, а также гибель животных или

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]//Справ. прав. система Консультант-Плюс - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.02.2026)

растений» [10, 181]. Высокая востребованность биологического оружия террористическими группами обусловлена сочетанием его значительной поражающей способности с относительной дешевизной производства и сложностью своевременного обнаружения. Латентный период действия биологических агентов позволяет террористам скрытно осуществлять атаки через системы воздухо- и водоснабжения или пищевые цепи, достигая максимального психологического эффекта и социальной паники.

Сегодня приходится признать наличие системного кризиса международно-правового регулирования в сфере биобезопасности, поскольку существующий международно-правовой режим остается в значительной степени декларативным. Отсутствие юридически обязательных механизмов мониторинга, а также зависимость ВОЗ от политической воли и добросовестности отдельных государств создают опасный «правовой вакуум». В ситуации, когда не создана единая технология, которую можно было бы применить для предотвращения или сдерживания использования биологических агентов в качестве оружия, внедрение международных инструментов нераспространения (таких как Конвенция о биологическом оружии и Резолюция 1540 Совета Безопасности ООН) и охраны общественного здоровья (таких как Международные медико-санитарные правила), а также создание региональных и международных партнерств в противодействии биологическим угрозам (будь то природные, случайные или преступные) являются важнейшими факторами достижения глобальной биобезопасности. В этой связи приходится признать, что эффективно противодействовать биотерроризму невозможно без перехода от реактивной модели, т.е. реагирования на уже свершившиеся факты, к проактивной системе глобального мониторинга. Но это потребует создания современного международного механизма ответственности за несоблюдение стандартов биобезопасности, который был бы защищен от политической конъюнктуры. Справедливый баланс между научным прогрессом в области биотехнологий и жесткий правовой барьер на пути их несанкционированного использования все еще остается одной из актуальных проблем биобезопасности и биозащиты XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 541–563. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-541-563>
2. Киселев А. И., Егоров О.Н. Опасности современного биологического оружия // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 3(19). С. 47-51. DOI 10.24411/2409-4102-2022-10307
3. Кручинина, Н. В. Биотерроризм как угроза безопасности человечества // Мир криминалистики. 2023. № 1. С. 76–80
4. Петров С.В., Супотницкий М.В. Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания // Вестник войск РХБ защиты. 2021. Т. 5. № 1. С. 4–21. DOI 10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21 16
5. Расулов Ч. Конкретные формы проявления нетрадиционных угроз в современном мире // Таджикистан и современный мир. 2018. № 4(63). С. 53–63
6. Хохлов А. Л., Белоусов Д. Ю., Хмельницкая П. А., Фирсов Д. Е. Нюрнбергский процесс 1945 года и его значение для развития биомедицинской этики и этической

экспертизы биомедицинских исследований. Качественная клиническая практика. 2025. № 4. С. 72–77. DOI10.37489/2588-0519-GCP-0007.

7. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2. С. 60–73. DOI 10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073.

8. Тужилин С.В. «Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. №12. С. 18–24

9. Холопова Е.Н. Комплексная характеристика биологического терроризма // Юридическая наука без границ. 2021. № 4. С. 180–184

10. Kelle, A., & Dando, M. R. (2025). Behavioral arms control in the century of biology. *The Nonproliferation Review*, 2025. P. 1–21. DOI10.1080/10736700.2025.2505828.

11. Hunger I., Isla N. Confidence building needs transparency: an analysis of the BTWC's confidence building measures // *Disarmament Forum*. Geneva. 2006. Vol. 3. P. 27–36.

12. Grunden W.E. & Tuovinen O.H. Legacy and impact of the 1925 Geneva Protocol: one hundred years of treaties and debates on chemical and biological weapons // *Frontiers in Microbiology*. 2025. 16:1685967. DOI 10.3389/fmicb.2025.1685967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рахманова Екатерина Николаевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Law, associated professor, Head of the Department of Criminal Law, North-West branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg.

Порядок представления статей в научный журнал «Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика»

Научный журнал «Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика» - рецензируемое научное издание, публикующее оригинальные статьи по научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые науки;
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.2.4. Финансы;
5.2.6. Менеджмент.

5.4.3. Демография

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

По итогам публикации статьи в журнале, она будет размещена в РИНЦ в свободном доступе в электронном виде.

Авторам, желающим опубликовать в журнале материалы, соответствующие профилю научного издания, необходимо отправить статью в формате *.doc или *.docx. и заявление по электронной почте **almanah.rgunh@mail.ru**

Журнал не публикует:

- материалы, не соответствующие тематике журнала;
- материалы, опубликованные авторами ранее в других изданиях;
- статьи, не содержащие новой информации по сравнению с ранее опубликованными авторскими материалами;
- статьи, содержащие орфографические, математические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены, а также утверждения и гипотезы, противоречащие установленным научным фактам;
- литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе на научную тему;
- любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности;
- материалы, содержащие сведения, публикация которых запрещена законодательством об охране государственной, служебной и коммерческой тайны, законодательством об охране авторских прав, какими-либо договорами, контрактами или иными юридическими документами, а также патентами или лицензиями, как это определяется действующим законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными актами;
- материалы, содержащие оскорбления, клевету, либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

При явном несоответствии статьи настоящим Требованиям, статья может быть отклонена и не представляться на дальнейшее рассмотрение редакционной коллегии. Соответствующие замечания направляются автору статьи по электронной почте. После устранения замечаний, статья может быть направлена повторно на рассмотрение.

Окончательное решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией после ее рецензирования и обсуждения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 85945 от 11.09.2023 г.

Изданию присвоен номер ISSN: 2949-5490

Научный журнал выходит 4 раза в год,
включен в Российский индекс научного цитирования

**Альманах устойчивого развития:
методология, теория, практика**

№ 56(61)

Ранее журнал назывался «Вестник Российского государственного аграрного заочного университета», ISSN 2075-3756, основан в 2003 году.

Учредитель: Университет Вернадского

Адрес: 143907, Московская обл., г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 50

Редакция журнала «Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика»

Телефон: (495) 521-38-65

e-mail: almanah.rgunh@mail.ru

Интернет: <https://rgunh.ru/science/nauchnye-izdaniya/almanakh/>

Редактор М.Ю. Молчанова

Подписано в печать 30.03.2026 г. Формат 60x84 1/8

Отпечатано на ризографе

Печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 8,75 Тираж 500 экз. Заказ 5

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Министерства сельского хозяйства Российской Федерации
«Российский государственный университет народного хозяйства
имени В.И. Вернадского»

Адрес издателя: 143907, Московская обл., г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 50